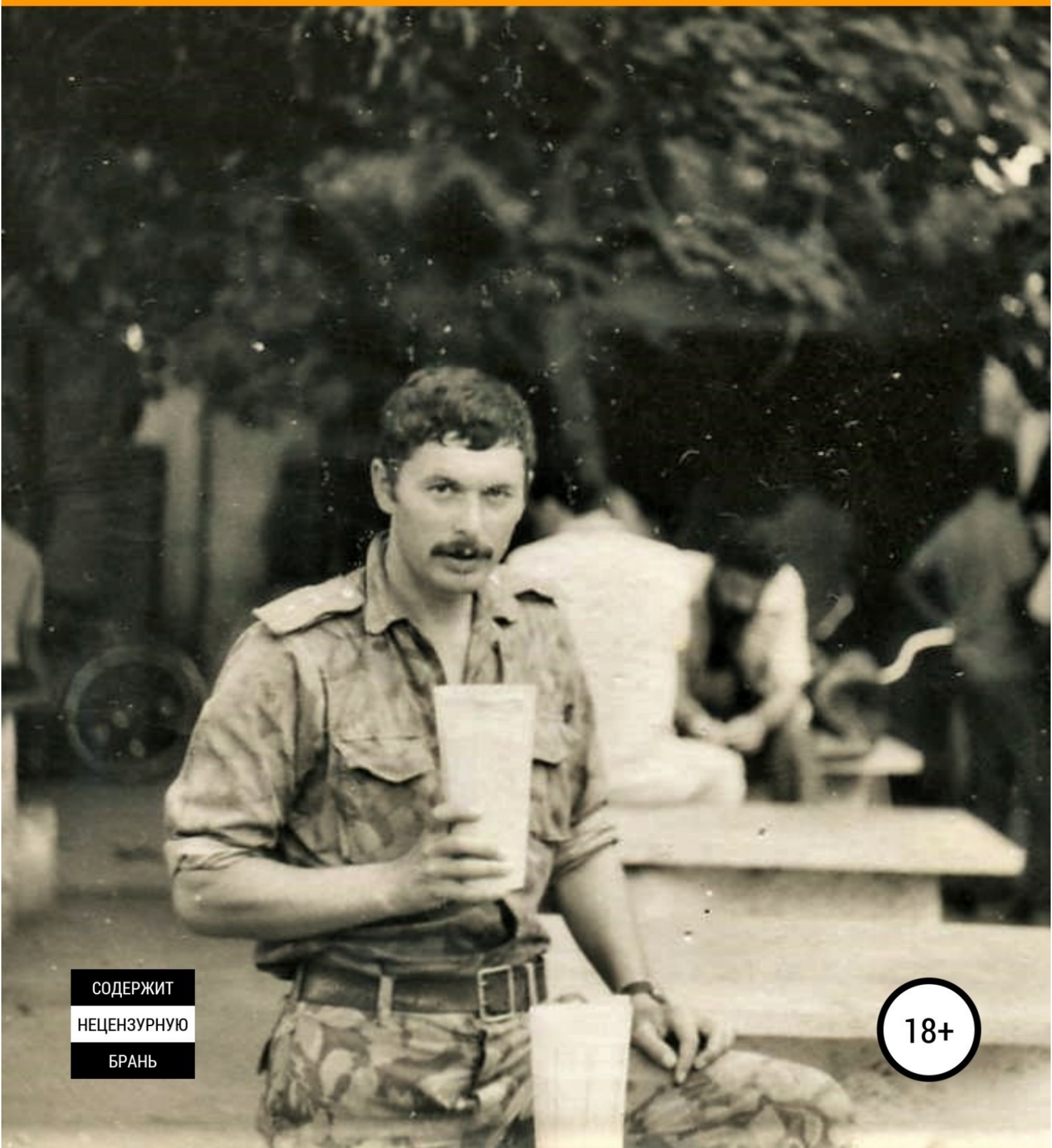

Борис Цеханович

Остров Свободы

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Борис Цеханович
Остров Свободы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Цеханович Б. Г.

Остров Свободы / Б. Г. Цеханович — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Благословенные советские времена, когда СССР был сильнейшей страной, а советская армия своими базами покрывала полмира. И каждый офицер, прапорщик, солдат, сержант имел возможность служить в Африке, Европе, Латинской и Центральной Америке, в Азии. Данная книга о службе автора в Республике Куба начальником разведки одного из учебных центров в середине 80-х годов. Лозунг в американском вербовочной пункте - «Подпиши контракт и ты увидишь весь мир» - полностью соответствовал тогдашним военным реалиям. Фото обложки из личного архива автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	36
Глава третья	51
Глава четвёртая	65
Глава пятая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Глава первая

Лунный свет струившийся с чистого, звёздного неба, красиво подсвечивал высокие сосны, спортивный городок, казармы, присыпанную снегом территорию городка, чисто хрустевший под ногами свежавывающий снежок... Бодрящий морозец... Всё это поддерживало во мне почти праздничное настроение. Почти... Потому что наряду с этим настроением, где-то в глубине души таилась лёгкая тревога. И было отчего. Я только что исполнил последнюю военную традицию – проставился по случаю убытия к новому месту службы. И никуда-то там – а аж в Республику Куба. Честно сказать, за эти полгода, как стало известно о моём отбытии на Кубу, я уже почти потерял надежду, что туда уеду, считая, что такую престижную командировку у меня давно перебил какой-нибудь офицер с «мохнатыми руками» и блатом.

Но нет. Теперь все тревоги и волнения позади. Три дня тому назад в полк пришла телеграмма: – Старшему лейтенанту Цеханович Б. Г сдать дела и должность и к 25 октября 1986 года прибыть в г. Одесса, в учебный центр Одесского военного артиллерийского командного училища вместе с семьёй.

Я тихо и счастливо захихикал, вспоминая, как это начиналось несколько месяцев тому назад....

А начиналось это на полковом совещании.

– Товарищи офицеры, теперь приказ министра обороны № 76 этого года.... Тихо, тихо, товарищи офицеры, что за базар? Приказ этот касается всех командиров подразделений, так что сидите и слушайте, можете что-нибудь полезное для себя записать...., – начальник штаба полка вновь опустил голову к бумагам и стал читать приказ. Примолкшие были офицеры, через минуту относительной тишины вновь стали перешёптываться. Я тоже добросовестно попытался вникнуть в суть приказа, но хватило меня лишь на полминуты, а дальше мысли переключились на более интересные размышления.

Вчера в полк приехал генерал Гамов, начальник ракетных войск и артиллерии округа, вывел меня и капитана Богомолова к летнему клубу и сказал: – К ноябрю месяцу я тут вижу лазерный артиллерийский полигон с классами, с хорошим и красивым полем и другими атрибутами. Дам денег, выделим солдат человек десять, освобожу вас от нарядов и вперёд. Сделаете нормально и если мне понравится, получите по медали «За боевые заслуги»...

Получить медаль «За БЗ» конечно приятно, но гораздо лучше быть на полгода освобождённым от нарядов и быть самостоятельной единицей в полку. Но строительство начнётся только в мае, а сегодня конец марта. Через две недели сдача весенней проверки, суэта, нервозное дёрганье, впереди куча строевых смотров и сама сдача, что слегка сбивало приятный, весенний настрой. Я недоволюсь поморщился от этих мыслей и тут же вскочил, услышав команду – «Товарищи офицеры». В тактический класс, где проходило полковое совещание зашёл командир полка подполковник Шапошников и сразу же прошёл к небольшой, аккуратной трибуне с красочным гербом СССР.

И сходу поднял меня вопросом: – Цеханович, чем занимаешься завтра?

Я вскочил и, не задумываясь, назвал тему занятия по специальной подготовке, место проведения и какие вопросы отработываю в ходе занятия.

– Молодец, садись, но это тебе так кажется, что ты завтра занятие проводишь... Теодорович, – справа от меня не спеша поднялся командир дивизиона, – Теодорович, Цеханович с завтрашнего дня в отпуске. Понятно?

– Так точно, товарищ подполковник, но только у него отпуск по графику в сентябре.

– В сентябре так в сентябре, но идёт он завтра. Обсуждению этот вопрос не подлежит. Цеханович, – я опять вскочил с места, – после совещания ко мне зайдёшь....

Дальше совещание покатило по своей колее, а я погрузился в размышления. Командир полка пользовался среди офицеров заслуженным авторитетом и уважением, поэтому какого-либо подвоха с его стороны я не ожидал. Хотя такие неожиданные и незапланированные выверты в службе могли предполагать и довольно неприятные изменения военной судьбы: такие как замена в ЗабВо, ДальВо, куда я ехать ну..., совсем не хотел. Понятно, что и Афганистан мог светить, куда я подспудно желал попасть. Но тоже одновременно и не хотелось. А что ещё – ну, просто не знаю. Но с другой стороны, идея с отпуском в апреле мне нравилась гораздо больше. Тут было много плюсов: избегал сдачу проверки, апрель ожидался быть тёплым и солнечным, судя по марту, в отличие от дождливого и серого сентября. И с отпуска выхожу после Первомайских праздников. Спокойно выхожу и спокойно вливаюсь в рабочий ритм. А с сентябрьского отпуска выхожу и прямо на осеннюю проверку. И на хрен это мне нужно...?

Перед тем, как подняться к командиру полка, подошёл к командиру дивизиона: – Товарищ майор, вы в курсе дела?

– Это я тебя хотел спросить – Что за ерунда?

Я лишь в недоумение пожал плечами: – Сам не могу понять...

Шапошников встретил меня тепло, усадил за стол и сам обмяк в своём удобном кресле, после чего пожаловался: – Устаю я, Боря. Вроде весь день крутишься и не чувствуешь усталости, а вечером прихожу в кабинет, сажусь в кресло и всё.... Состояние – ни рыба, ни мяса. У тебя то как дела?

– Товарищ подполковник, вы ж как командир полка знаете, что нормально. От себя только добавлю, что залётов, о которых вы не знаете, у меня нет. – Я выжидающе замолчал.

Командир рассмеялся и вяло махнул рукой: – Конечно знаю. Это я так – для завязки разговора. Боря, знаем мы друг друга уже четыре года. И я тебя знал, как хорошего прапорщика – командира взвода, и сейчас два года как ты офицер тоже к тебе претензий нет. Молодец. Что прежний командир полка Кривулькин, что я хотели бы поставить тебя командиром батареи, но ты ж прекрасно понимаешь. Если бы мы служили в Елане или в Чебаре, тут проблем не было. Был бы ты комбатом. Но Свердловск окружной город и мне округ сверху навязывает разных сынков и своих протеже... И не в моей воле тебе дать батарею.

Поэтому, как нормальный командир полка, если не могу тебя повысить, то по-другому могу решить этот вопрос. Ты как отнесёшься, если тебя опять за границу пошлют служить?

– Да нормально, товарищ подполковник, даже отлично. Но ведь ещё четырёх лет нет, как я с Германии заменился...?

– Ерунда всё это. Я уже два месяца этот вопрос для тебя пробиваю...

– Аааа..., то-то мне месяц назад был звонок – Спрашивали в какой части Анголы я хочу служить: северной или южной?

– Ну и ты что ответил?

– Конечно, в южной...

– А какая разница? Ангола есть Ангола... Юг или север...

– Нет, товарищ подполковник, разница большая. На севере служба спокойная, а на юге с южноафриканцами постоянно бодаются, да ещё с повстанцами.... Хотелось бы боевой опыт приобрести.

– Боря, ты дурак..., – с экспрессией наехал на меня командир, – тебе тридцать один год, а всё в жопе «пионерская зорька» играет. На хрен тебе это надо? Я тебе другой вариант приготовил. А как ты насчёт Республики Куба?

– Оооо... Да это моя большая мечта. И хотелось бы там послужить.

– Вот и хорошо. Езжай туда служить на два года, да ещё с семьёй, а не скакать по саване, как ужаленный в задницу. Поэтому с завтрашнего дня в отпуск. Начальник строевой части всё знает и даст тебе направление на медицинскую комиссию. Проходишь с семьёй. Ну, и жди

вызова. Но сразу хочу предупредить: к сожалению туда едешь опять на должность командира взвода. Больше я продавить не смог. А так, Цеханович, это тебе моё командирское спасибо за службу.

Так и получилось. Прошли всей семьёй медицинскую комиссию. Получил справку, что годен как я, так и моя семья для службы в странах с жарким климатом. Сдал справку в строевую часть и стал ждать вызова.

... Прошло четыре месяца, но никаких телодвижений в мою сторону по поводу службы на Кубе не происходило. Я и семья сначала с нетерпением ожидали вызова, потом накал постепенно стал снижаться и мы с женой уже махнули на «загранку» рукой, считая, что она «пролетела» мимо нас и очередной чей-то сынок поехал вместо меня.

Но в конце августа меня внезапно вызвал в строевую часть капитан Васильков: – Боря, завтра в штаб округа на собеседование к члену военного совета по поводу службы на Кубе. Это последнее что тебе придётся пройти.

... Небольшой коридор управления кадров округа был полон офицерами, также прибывшими на собеседование. Все хаотически и взволнованно перемещались по замкнутому пространству, общаясь друг с другом и пытаясь поймать хоть какую-нибудь лишнюю информацию по предстоящему собеседованию. Но никто ничего не знал, что только подымало градус волнения.

Вскоре из дверей в коридор выскочил прилизанный и весь такой делано-озабоченный подполковник-кадровик, на котором смело можно ставить штампик – «Паркетный шаркун»: – Товарищи офицеры, товарищи офицеры, строиться. Сейчас проверимся и идём на собеседование.

Мы быстро выстроились в одну шеренгу вдоль стены и так получилось, что я оказался третьим с правого фланга. Оглядев выстроившихся, подполковник с красной папкой в руке подошёл к правофланговому капитану.

– Представьтесь, товарищ капитан, и куда вы едете?

– Капитан Перминов. Еду в Мозамбик, советником.

Кадровик открыл папку и стал водить по списку ручкой: – Капитан Перминов, капитан Перминов... ага вот... Нет... вы в Мозамбик не едете. В сторону. – И сделал шаг вправо, к следующему претенденту.

– Капитан Чернов. Еду в Танзанию. Должность не знаю. – Bravo представился офицер.

– Подполковник смешно задрыгал ручкой в пальцах и сделал пометку в списке: – Вы тоже в Танзанию не едете. Отойдите в сторону.

– Чёрт побери, сейчас и меня прокатят. Вот обидно будет..., – мелькнула мысль, а я уже представлялся, – Старший лейтенант Цеханович. Республика Куба. Должность не знаю.

– Так..., так..., есть... Должность вам там скажут, – и подполковник черкнул галочку против моей фамилии, а я еле сдержал вздох облегчения. А рядом представлялся майор, едущий в Монголию.

– Чего это у вас, белены в строевой части объелись? Какое собеседование? Монголия – это часть Забайкальского военного округа. Идите отсюда и езжайте спокойно в свою Монголию.

Таким образом подполковник проверил остальных и стал инструктировать: – Сейчас подымаемся на второй этаж и по пять человек заходите в кабинет члена военного совета. На все его вопросы отвечаете чётко и кратко. Никаких глупых вопросов и вообще вопросов не задаём. Всё. Напра-Во!

– Товарищ подполковник, а нам что делать? В часть ехать? – На капитанов было жалко смотреть. Ещё полчаса тому назад они видели себя в Африке, в пробковом шлеме, лезли на пальму и пили интригующее кокосовое молоко, а сейчас....

– Ах ты чёрт! Я ведь про вас совсем забыл. Как вас, товарищ капитан? А да, Перминов. Вы у нас ехали в Мозамбик, но теперь вы едете в Перу. Будете служить в столице Лима, на их ней базе – там наш сектор есть. А вы, капитан Чернов, едете на острова Зелёного мыса в Фристаун. Вместо своей сраной и пыльной Танзании, на Атлантике будете служить. Радуйтесь! Становитесь в строй и пошли, товарищи офицеры.

Счастливые капитаны, заняли свои места в строю и мы направились на второй этаж. Я попал в первую пятёрку и стоял как раз по середине маленькой шеренги перед большим, массивным столом, за которым восседал суровый генерал-лейтенант и всматривался в список кандидатов. Сзади него в угодливой позе стоял подполковник, почтительно тыча в список и слащавым голосом, что-то объясняя члену военного совета.

– Хорошо, понял. Поехали что ли? – Генерал взял в руки красный карандаш и посмотрел на первого в шеренге.

Как такового собеседования и не было, офицер представлялся, генерал смотрел в список, где были краткие данные по кандидату. Если возникал какой-либо вопрос, генерал его задавал, как правило дежурный, типа – Готов ехать служить за границей? А когда офицер браво и утвердительно отвечал, то член военного совета благосклонно кивал головой и красным карандашом делал пометку – Готов. Так дошла очередь до меня.

– Старший лейтенант Цеханович. Республика Куба, – чуть громче обычного доложил я, увидев обращённый на меня взгляд.

– Так...., – протяжно протянул генерал, оглядев меня, и уткнулся в список, читая мои данные и опять удовлетворённо протянул,

– Готов, старлей ехать?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант, готов,

– Хорошоооо...., – доброжелательно буркнул генерал и прицелился карандашом, чтобы поставить против моей фамилии красную галочку.

Я тихо стал сквозь усы выдыхать воздух облегчения, видя как глаза генерала пробегают последние графы списка напротив моей фамилии и карандаш почти опустился к списку и тут он озадаченно замер.

– Не понял? А ты старший лейтенант с какого года рождения?

– С 1955 го...., – Доложил, мгновенно просчитав последующие развитие событий, и внутренне опечалился. – Иэххх...., хрен меня сейчас пропустят на Кубу.

– Что он тут делает, товарищ подполковник? – Генерал возмущённо повернулся к кадровику и тот сразу же сделал два мелких шажка вперёд и слегка наклонился, чтобы не напрягать начальственную шею.

– Товарищ генерал-лейтенант, это кандидатура от артиллерийского полка, характеризуется крайне положительно...

Член военного совета гневливым взглядом смерил кадровика: – Подполковник, ты сколько в кадрах служишь? – Офицер слегка покраснел и что-то пролепетал в ответ, а генерал повысив голос, начал разнос, – ты, подполковник, прежде чем вести ко мне на собеседование хоть прочитай его личное дело. Ты что не видишь сам, что положил мне на стол? Вот смотри начало службы – февраль 1976 года – командир взвода и сейчас, в 1986 году, ты мне его представляешь на беседу опять командиром взвода. Это ведь почти одиннадцать лет....

– Товарищ генерал-лейтенант, он начальник разведки дивизиона, вот тут написано, – попытался оправдаться подполковник и густо покраснел, поняв что сморозил глупость и ещё больше усугубил своё положение.

Генерал грузно повернулся и многообещающе посмотрел на офицера: – Да вы я смотрю засиделись в штабе округа и вас надо бы опустить вниз, чтобы там, отделе кадров дивизии, вспомнили, что должность начальника разведки артиллерийского дивизиона равнозначна должности командира взвода.

– Он уже одиннадцать лет лежит на должности, ему тридцать один год и вы ещё хотите, чтобы он там на Кубе работал? Да ему лень и по большому счёту и не интересно уже работать. По возрасту майора должен в этом году получать, а он всё ещё старшим лейтенантом ходит.

Я молчал, не зная какие аргументы приводить и так, чтобы не ввергнуть члена военного совета в ещё больший гнев. Генерал откинулся на спинку кресла и смотрел на меня, молча принимая решение, а подполковник сделал шаг назад, скрывшись за спиной начальника.

– Ладно, товарищ старший лейтенант, по человечески я тебя понимаю. Обидно и семья наверно уже настроилась... Давай-ка мы направим тебя служить в военкомат и солдат нету, и служба спокойная. – Генерал слегка повернулся к кадровику, – Где у нас есть капитанская должность в военкомате?

– Каменск-Уральский городской военкомат. Начальник первого отдела.

Член военного совета удовлетворённо кивнул головой и почти отечески заговорил: – Всё. Для вас, товарищ старший лейтенант, собеседование закончилось. Езжайте в свой военкомат. Служите там.

– Товарищ генерал-лейтенант, – моё лицо опухло холодом бледности. А..., была не была. Хуже уже не будет, – я не согласен с вашим решением. И могу аргументировано объяснить почему.

Генерал, член военного совета округа, не привыкший к обсуждению нижестоящими своих решений, удивился моему заявлению, но тут же безапелляционно ответил.

– А мне по большому счёту плевать – согласен ты или не согласен. Здесь не колхоз, чтобы обсуждать принятые решения. Хотя, честно говоря, любопытно. Излагай. Попробуй меня переубедить...

– Действительно, я одиннадцать лет служу, именно служу командиром взвода и на равнозначных должностях, – подполковник-кадровик возмущённо корчил мне рожи и махал за спиной генерала рукой, типа – «Ты, что с ума сошёл, спорить с генералом...? Молчи дурак..., Я же просил не задавать глупых вопросов... Ты куда лезешь? Да я тебя вместо Каменск-Уральска в деревенский военкомат зашлю...». Но меня понесло и я отчаянно боролся за службу на Кубе, – но если вы внимательно прочитаете мои анкетные данные, то увидите, что восемь лет из одиннадцати я служил командиром взвода прапорщиком. И только с 1984 года, когда получил первое офицерское звание лейтенант, уже офицером служил взводным. Это во-первых. Во-вторых: при таких характеристиках, какие дало командование полка я легко бы пробил себе службу в военкомате и давно бы там служил. Но это не моя «голубая мечта» – мне нравится служить в войсках и дальше хочу там и служить. Прошу вас пересмотреть своё решение.

Подполковник уже не махал руками, а обречённо ждал очередного разноса за безумное поведения старлея, осмелившегося вступить в спор с окружным начальником. Генерал же, озадаченно хмыкнув на мою тираду, склонился над списком, а потом заинтересованно поглядел на меня.

– Хм..., действительно. Ты что экстерном сдавал?

– Так точно. Экстерном, в 1981 году за Коломенское артиллерийское училище.

Генерал вновь откинулся на спинку кресла и, слегка постукивая себя красным карандашом по волосам, задумчиво произнёс: – Ну что ж..., ты меня почти убедил. А вот скажи мне, чего ты так рвёшься на Кубу?

Собрался с духом, понимая, что именно сейчас и должен совсем убедить генерала: – Честно скажу, товарищ генерал-лейтенант. Чего греха таить, но боевая подготовка за границей, надеюсь и на Кубе, проходит более интенсивно и качественно, чем здесь. Не маловажно, что хочется освоить в военном отношении и этот регион. К примеру, там такая интересная особенность для меня артиллериста. В Германии поправка в дирекционный угол вводится в среднем – 1-47, здесь – 2-51, а на Кубе, говорят, 0-00 или же 0-01 и может быть знак минус

или плюс. Хочется посмотреть самому и показать мир семье. Не маловажно, что и хочу там заработать денег по больше...

– Во..., – в азарте перебил меня генерал, подняв вверх указательный, – если бы ты честно про деньги не сказал, хрен бы я тебя пропустил. Но молодец, не покривил душой. Убедил, Цеханович. Езжай на Кубу, но после Кубы только в военкомат. Так здесь я и пишу. Понял меня?

– Так точно! – А пока член военного совета делал приписку напротив моей фамилии, облегчённо подумал, – Хрен вам, а не военкомат после Кубы.

После окончания собеседования, в коридоре управления кадров, подполковник оторвался на мне по полной. Орал, что когда я вернусь с Кубы он загонит меня в Байкаловский военкомат, где вечно буду ходить в резиновых сапогах и так и умру капитаном и в валенках. Много было и других красочных, ёмких по смыслу и содержанию обещаний, но на всё это я снисходительно улыбался и молчал. Каждый делал свою работу. Наконец поток будущих кар на мою карьеру иссяк и опустошённый, потерявший свою лощёность подполковник отпустил меня.

Были впрочем опасения, что он попытается вставить палки в колёса, помешать мне уехать на Кубу, но в десятых числах октября из Главного управления кадров пришла телеграмма с вызовом....

..... Три дня суматохи. И вот со спокойной совестью иду домой, проставой подведя конкретную черту, когда можно говорить – Это было «ДО...» Или Это было «После...». А через четыре часа я и семья уже будем сидеть в поезде Свердловск – Москва.

Начинался новый этап моей службы и я так понимаю – очень интересный и престижный. Два года службы совершенно в других условиях, в другой стране.... Даже на другой стороне земного шара, где люди по отношению к нам ходят к верх ногами. За моей спиной уже была служба в Германии – почти восемь с половиной лет и прошло совсем немного времени, как я заменился оттуда. И даже предполагать не мог, что всего через четыре года меня постигнет такая удача.

Но тревога была. Куба – Кубой, а вот куда после Кубы попаду служить – Вот это ещё тот вопрос? Кадровики заверили меня, что после этой командировки я вернусь обратно именно в свой округ, а не абы куда. Но в округе дыр было полно. Конечно, лично меня Елань, Чебаркуль и другие дальние гарнизоны не пугали. Но семья? Здесь, в Свердловске, в 32ом военном городке, у меня двухкомнатная квартира. Школа рядом, жена неплохо устроена с работой... А куда я после попаду? А как там с квартирами? А как с остальным? Вот это и тревожило.

Аааа..., да ладно.... Всё это будет через два года, а пока.... Впереди... Полно ярких и многообещающих впечатлений. Одно плавание через Атлантику чего стоит. Я решительно мотнул головой, выгоняя тревожные мысли, и счастливо засмеялся, вспомнив «заключительный» аккорд отвалной.

После обеда договорился с начальником клуба, что данное мероприятие проведу у него в клубе, но в последний момент всё сорвалось и пришлось проставу срочно переносить в каптёрку третьей батарее к капитану Князеву. Тот лет шесть тому назад сам отслужил на Кубе, а ещё раньше, когда я призвался в армию, был у меня первым командиром взвода, поэтому он принял горячее участие в данном мероприятии. Отвальная практически закончилась, почти все разошлись, но на пороге каптёрки, как тень Гамлета, появилась заснеженная и замороженная фигура командира ремроты. Был он слабоват на водку и прямо нюхом чувствовал любую пьянку. Вот и в моём случае, тоже узнав про отвальную и о месте проведения, он два часа лазил под окнами клуба, стучался в тёмные оконные провалы, ломился в закрытые двери, а потом сумел правильно вычислить, где мог «отваливаться» будущий кубинец. Не стяхивая снег с плеч и шапки, капитан молча прошёл к столу и вылил последние остатки водки в стакан, коих набралось как раз под краешек. Кратко пожелал удачи, выпил и также молча удалился, удовлетворив свою потребность.

Дома тоже была отвальная: жена «отваливалась» перед подругами с работы.

А в два часа ночи сели в поезд и со вздохом облегчения завалились спать. Последние несколько дней были заполнены хлопотами, поэтому полтора суток прошли в отсыпании и в периодическом приёме пищи. Мы с женой спали, а сын с удовольствием смотрел в окно вагона.

Если в Свердловске уже была зима, то Москва встретила нас слякотью, но, слава богу, в столице были всего шесть часов, пересаживаясь с Казанского вокзала на Киевский, где купили билет до Одессы. Опять поезд и вот Одесса. Здесь царила тёплая и сухая осень. В поезде я переделался в форму, на вокзале нанял таксиста и через час докладывал капитану – окружному кадровику, удобно расположившимся во временном кабинете.

– Товарищ капитан, старший лейтенант Цеханович прибыл в ваше распоряжение для убытия в длительную командировку. – Доложился и протянул командировочное предписание.

– А чего вы, старший лейтенант, в военной форме заявились? – Вызверился на меня кадровик и брезгливо, за уголочек, взял предписание.

– Не понял, товарищ капитан? А в чём мне являться надо было? В трусах что ли? – Почти примирительно, но одновременно с нормированной долей вызова спросил я. Типа: – Ты капитан, конечно, можешь строить из себя тут начальника, но тоже тут особо не дёргайся... Видали мы таких... Ты сначала мне покажи, как ты можешь «живого солдата за яйца взять», вот тогда и ори...

Капитан мой посыл принял, поняв, что старлея так просто, с наскока, не возьмёшь, несколько сменил тон и почти нормально спросил: – А вам что ли телеграмму не зачитывали – что и как?

– Ни как нет, товарищ капитан. Предписание в зубы и Вперёд... А что до формы, так я сейчас переоденусь и завтра её посылкой обратно отправлю.

Кадровик недовольно пробурчал себе под нос ругательство и сделал отметку о прибытии.

– Дневальный, дневальный, – заорал он в коридор, а когда тот появился на пороге, приказал, – отведи старшего лейтенанта с семьёй к месту проживания.

Место проживания не удивило ни меня, ни жену, а сына наоборот обрадовало, когда он увидел ещё троих пацанов своего возраста.

Большое казарменное помещение с двухъярусными солдатскими кроватями, тумбочками, табуретками, пыльными плафонами было более чем наполовину заполнено такими же семьями офицеров и прапорщиков, с любопытством разглядывавших вновь прибывших. Дневальный махнул рукой на отсек с кроватями.

– Аааа..., любые выбирайте..., – и ушёл, а мы с женой стали знакомиться с присутствующими, которых уже было одиннадцать семей. Был тут и прапорщик Лукин с семьёй с нашего гарнизона. Лично мы знакомы не были, но видели друг друга в городке. Нас быстро ввели в курс дела. Завтра последний день, отведённый для прибытия остальных, как офицеров, так и солдат. Потом комплектование воинского эшелона и через неделю уходим на Кубу. А для начала посоветывали ознакомиться со списком, в котором прописано – что и какие предметы мы должны ещё приобрести, чтобы нормально существовать на Кубе. Список висел у дверей расположения и был довольно длинный. Сразу же бросился в глаза стабилизатор напряжения, который нужно приобрести в обязательном порядке, желательно на три розетки. Было много и других рекомендаций.

Когда я только узнал о будущей командировке, то сразу же залез в энциклопедию, откуда узнал, что несмотря на экономическую блокаду Куба успешно торгует со многими кап. странами, не считая лагеря социализма. В принципе, этого было достаточно, чтобы ехать туда с двумя-тремя чемоданами, а там всё докупим. Да и опыт Германии тоже успокаивал.

Так уж получилось, что я уезжал из Германии во второй свой отпуск, из которого должен был приехать к месту службы уже с женой, из арт. полка в городе Ошац. Но пока был в отпуске мою батарею и ещё одну перекинули в город Галле, для разворачивания в мотострел-

ковом полку арт. дивизиона. Вот и приехал я с женой в Галле с двумя чемоданами. Правда, квартира была под меня уже подготовлена, но из мебели там были только лампочки под потолком. Метнулся к командиру полка, выпросил дежурную машину на два часа и помчался на городскую свалку, которая совершенно отличалась от свалок в нашей стране. Огромный и глубокий котлован размером в пол километра на километр и был предназначен под свалку города. Но если в Союзе все отходы сваливались в одну кучу, вперемешку, и это были действительно уже отходы ни к чему не годные, то у бережливых немцев на это дело был свой взгляд. Одна часть котлована была отведена под бытовой мусор, а вот остальные были разбиты на сектора, где складировалась хоть и использованная, но весьма приличная мебель, в другом секторе – строительные материалы в виде красок, мастики для полов, обоев, в следующем выбракованная одежда. Иной раз даже в заводской упаковке и многое многое чего другого интересного. Как на блошином рынке. Там набрал приличную мебель, выброшенную как брак с мебельной фабрики, набрал нормальных ковров, паласов, моющих обоев на кухню. Можно было взять и посуду, но как-то побрезговал. И через два часа всё это мои бойцы, под изумлённые вопросы жены – Откуда? Затащили в квартиру, а я только отмахивался: – Потом, потом, Валя...

Ну уж через две недели я открыл секрет и мы уже вдвоём на батарейной машине съездили на свалку и жена была поражена богатству, качеству и разнообразию того, что вывозилось с фабрик, заводов и выбрасывалось бережливыми немцами.

Примерно также мыслил я и в ситуации с Кубой. Что не привезём с Союза – купим там... Но за две недели до приказа, мой сослуживец дал почитать письмо жены друга, которые в это время служили на Кубе. Всё письмо женщины было пронизано жалобами и стенаньем на нищету, на невозможность чего-либо там купить и на другие бытовые неурядицы. В конце была приписка: – Если бы я про это узнала ещё в Союзе, то всю обувь и одежду, которую выбросила на мусорку, забила в багаж и здесь бы успешно продала...

– Так что, Боря, что у тебя на выброс, но ещё в достаточно нормальном состоянии вези туда. Может продашь...

Жена спешно провела ревизию и за нами в Одессу шли багажом три здоровенных, фанерных ящика с вещами для продажи. Только теперь я забеспокоился – Успеют ли они к отходу? Но денег у нас собой было достаточно, поэтому следующий день был посвящён отправке военной формы к матери в Пермь и закупке тех необходимых вещей, которые были указаны в списке.

К вечеру прибыли остальные семьи офицеров и прапорщиков и последняя партия солдат, поэтому после завтрака, всех без исключения, в том числе и членов семей собрали в клубе, где перед нами выступил офицер, непосредственно отвечающий за комплектование нашей партии.

Вкратце его выступление, для всех, было следующего содержания: – Для следования воинского эшелона по маршруту Одесса – Санта Круз (Канарские острова) – Гавана Министерство обороны арендовало пассажирский корабль под названием «Аджария». Время следования в пути 20 суток. Погрузка и отплытие в ночь с 31 октября на 1 ноября. Прибытие в порт Гаваны 21 ноября. Каждой семье будет предоставлена отдельная каюта. Все офицеры и прапорщики, а также военнослужащие срочной службы будут переодеты в гражданскую форму одежды. Питанием на время нахождения на корабле будете обеспечены за счёт Министерства обороны...

В этом месте многие офицеры и прапорщики, в том числе и я, скептически-мудро хмыкнули – Знаем..., чем может наше родное Министерство кормить – перловка..., овсянка... и много чего другого занятного, но не вкусного... А вот про гражданку – интересно...

– ... Сразу хочу заострить внимание на таком щекотливом моменте, чтоб потом всё было без паники и рыданий. Как вы знаете, в Новороссийске, полтора месяца назад затонул пассажирский корабль «Адмирал Нахимов», где погибло около четырёхсот пассажиров. Экипаж «Аджарии» 150 человек, так половина экипажа укомплектовано с «Адмирала Нахимова». И

«Аджария» идёт в последний свой рейс – после чего на переплавку. Я это довожу открыто, чтобы уже там, в море, узнав такие тонкости, не было истерик. Особенно прошу офицеров и прапорщиков провести работу среди своих жён и членов семей. Вместе с вами до Гаваны и обратно следует квалифицированная медсестра. Ну и на корабле тоже весь врачебный штат укомплектован и опытный. И вместе с вами туда плывёт ваш будущий начальник медицинской службы Учебного центра. Так что медицинской помощью будете обеспечены даже сверх нормы. Так же с вами будет следовать и офицер госбезопасности. Его представят отдельно.

Прошу никому не расслабляться. В городе не болтать – Кто вы и куда направляетесь. Сейчас будет сформирован воинский эшелон и за каждым офицером будет закреплён солдат. В пути следования живём полностью по Уставу. Вопросы есть?

Вопросы были, но они касались бытовых мелочей в пути следования, а когда они закончились и члены семей ушли, началось комплектование эшелона. Тут же нам представили подполковника Шкуматова, который тоже плыл с нами на должность начальника штаба всего учебного центра, а по военному начальником штаба 7ой отдельной мотострелковой бригады. Солдат было около 300 человек, офицеров и прапорщиков 17 человек. Поэтому было принято решение сформировать две роты. Я попал в первую роту, командиром первого взвода. Мигом разделили солдат и каждый офицер стал переписывать своих новых подчинённых, по форме как в штатной книге. В первый взвод я принял 24 рядовых и 6 сержантов. Все прослужили по полгода и закончили учебки, где их конкретно и отбирали на Кубу. Замковзводом выбрал младшего сержанта Воробьёва. Сразу мне парень глянулся – расторопный и толковый.

Разбивка личного состава по подразделениям, знакомство с ним и другие вопросы формирования затянулись до обеда, а после обеда офицеры и прапорщики пошли на склад получать гражданскую одежду.

Здоровенное помещение, импровизированное под вещевой склад, было чуть ли не до потолка забито гражданской одеждой и её элементами. И это было понятно: нужно было переодеть более трёхсот человек с головы до ног или наоборот с ног до головы. А это – куртки, плащи, костюмы тройка, по паре рубашек, галстуки, трусы-майки, носки фуражки, шляпы, обувь и так далее. Всё это висело на плечиках, лежало на кроватях, изображающих из себя полки, громоздилось кучами коробок из-под обуви. Но и здесь была своя субординация. Для офицерского состава и прапорщиков всё вещевой имущество было разложено отдельно и более-менее аккуратно и не лишне будет добавить, что всё оно было производством из кап. стран. Я себе выбрал шикарный серый костюм тройку английского производства с красивой клубной эмблемой вышитой золотистыми нитками на левой стороне пиджака. Всё остальное тоже выбирал, придерживаясь этого стиля. Ну уж плавки и носки, с майками я даже не глядел чьи они. Надолго задумался при выборе шляп. Все офицеры и прапорщики должны были быть одеты в шляпы. А опыта ношения такого головного убора ни у кого не было. После долгого колебания всё-таки выбрал серую фетровую шляпу. Примерно такой же выбор сделали и остальные, а вот замполит нашей роты раскопал в грудях одежды светло-бежевый колониальный шлем. Правда, он тоже был из толстого фетра, а не из пробки, как в известном советском фильме, но замполит мёртвой хваткой уцепился в этот экзотический головной убор и отказался его сдавать, даже когда ему сказали, что все должны быть в шляпах одинакового фасона.

После того как были экипированы офицеры и прапорщики, на склад повели переодевать солдат. Разница здесь была только в одном. Одежда и обувь в основном были ГДРовского и Румынского производства, но тоже отличного качества. И головными уборами у них были одинаковые фуражки.

Оставшиеся дни пролетели в суматохе и мелочной суете. Теперь у каждого были в подчинение солдаты, которых необходимо было чем-то занять и они целыми днями скребли и чистили территорию учебного центра училища. Но вот наступил день, когда мы должны были

предстать перед московской комиссией, которая должна была определить нашу степень готовности к перемещению на Кубу.

Все мы были выстроены по подразделениям на небольшом плацу учебного центра перед трибуной, где столпились члены комиссии. Подполковник Шкуматов в гражданской форме, приложив ладонь к тирольской шляпе, с воткнутым в неё пером, строевым шагом направился к председателю комиссии и доложил о готовности к строевому смотру. Отдельной шеренгой выстроились офицеры и прапорщики. Нас проверял председатель комиссии, а солдат сержантов остальные проверяющие. Смотр занял немного времени, все были в новенькой гражданской одежде, все были готовы к службе на Кубе. Отвечали чётко и односложно, понимая, что один неточный ответ или идиотский вопрос, неуместная и несвоевременная претензия проверяющему и «эта тумбочка» уже никуда не поедет. Даже замполит, поняв опасность тут и остаться из-за своего дурацкого колониального убора, поддался уговорам и на смотре стоял в шляпе, выпрошенной у начальника склада на два часа. Больных, хромых и увечных в строю тоже не оказалось. Нам рассказывали, что весной при отправке очередной партии на Кубу, произошёл неприятный казус. Капитан, убывающий на Кубу, отпросился у командования с учебного центра и поехал по своим делам в Одессу. Что там и как произошло, но при посадке в автобус он оступился и сломал какие-то сложные и тонкие косточки в ступне правой ноги. Идти самостоятельно он не мог, вызвали скорую помощь и отвезли в ближайший травмпункт. Понимая, что командировка на Кубу накрылась «медным тазом», он обратился к какому-то там врачу, заплатил хорошие деньги. И тот ему быстро там сложил косточки, наложил тончайший гипс, заколол новейшим, импортным обезболиванием и это же обезболивание продал ему на путь следования. Вечером капитан, как ни в чём ни бывало, явился своим ходом на учебный центр, на следующий день отстоял на смотре, даже промаршировал торжественным маршем мимо трибуны. Всё ничего, но все обратили внимание на крупный пот, постоянно выступавший на его лице. Он улыбался и отмахивался от вопросов, ссылаясь на жару, а на самом деле ему было очень и очень больно. На следующий день, погрузка на корабль, а когда они оказались через три дня посередине Средиземного моря и вероятность снятия с корабля снизилась практически до нуля – вот тут он и открылся... Вот он я, а вот моя нога. Лечите... На Кубе он ещё два месяца провалялся с ногой, а все, причастные к подготовке эшелона, получили хороший нагоняй.

Поэтому проверяющие с подозрением и предубеждением смотрели на всех, пытаясь предугадать какой-либо подвох.

Но все смотрели ясными и преданными глазами, поэтому всё закончилось быстро и благополучно. Краткие напутственные речи, бодро и с подъёмом прошли торжественным маршем и с таким же воодушевлением спели песню, которую разучивали и тренировали последние два дня. После короткого перекура, мы сидели в зале. Тут же нам представили полковника КГБ, высокого, представительного красавца, который будет плыть с нами до Кубы и обратно уже с увольняемыми. Представили медсестру, также сопровождающая нас. Если статная и привлекательная медсестра просто встала и повернулась к нам, когда её представляли, то полковник КГБист сразу же после представления встал за трибуну и начал инструктировать о правилах поведения при погрузке на пароход, при следовании на пароходе, при стоянке в порту Санта Круз на Канарских островах...

– Товарищи офицеры, прапорщики, сержанты и солдаты, – грозно вещал с трибуны полковник, – всё должно быть скрытно, секретно, чтобы противник не знал о целях и задачах, а также о маршруте движения корабля. При посадке, на корабле, когда будем находиться в непосредственной близости от берега или наблюдения мы всем своим видом должны изображать из себя беззаботных советских туристов...

В таком духе он инструктировал ещё минут пятнадцать, страшая нас немислимыми карами в случае если кто-то, даже в невзначай, выдаст истинное предназначение корабля... И наверно не одного у меня в голове проскользнула забавная картинка – корабль и на нём

триста одинаково одетых и подстриженных трезвых молодых мужиков с тяжёлыми потугами изображающих беззаботных туристов. По моему, только безмозглых акул могла убедить такая яркая картинка.

После инструктажа полковник решительно сел рядом с медсестрой и по тем быстрым взглядам, которыми они обменялись, стало понятно, что полковник особо нас не будет докучать своим вниманием, а со всей своей страстностью, «с холодной головой, с чистыми руками и горячим сердцем», займётся разработыванием медсестры.

Среди комиссии возникла небольшая заминка, посоветовавшись между собой с минуту, председатель комиссии пригласил к столу подполковника Шкуматова, где быстро был подписан Акт о проверке и готовности очередной партии военнослужащих к отправке на Кубу.

После чего председатель громко довёл до всех, обращаясь к Шкуматову.

– Товарищ подполковник, личный состав воинского эшелона № 12345 в вашем распоряжении.

– Есть, – подполковник Шкуматов повернулся лицом к залу и скомандовал, – Встать! Смирно! Слушай приказ! Приказываю, совершить марш по маршруту.....

Далее в течение десяти минут подполковник без запинки оттарабанил весь приказ, предусматривающий полный аспект мероприятий как при погрузке, так и в пути следования, а также меры безопасности при следовании воинским эшелоном морским транспортом.

После окончания приказа все, особенно офицеры и прапорщики, облегчённо вздохнули, так как существовала гипотетическая опасность в последний момент слететь с престижной командировки. А такие прецеденты были. Акт подписан, теперь в полную силу заработает канцелярия – списки в куче экземпляров, печати и всё такое, когда такая толпа пересекает границы Железного занавеса. Завтра в 23:30 погрузка на корабль.

После обеда я договорился с начальником учебного центра о машине на завтра, чтобы сгонять на вокзал в багажное отделение и забрать оттуда свои ящики с багажом, если они конечно прибыли и отпросился уже у Шкуматова съездить в город и купить на оставшиеся деньги кондиционер. Хоть и предупредили нас, что на Кубе всех обеспечат всем необходимым, в том числе и кондиционерами, я решил подстраховаться. Дадут – хорошо, не получится – у меня свой там будет и новенький. Да и, честно говоря, захотелось просто в последний раз прогуляться по русским улицам. Всё-таки уезжали мы на целых два года. Из своего личного опыта знал, что полтора года без отпуска, в чужой стране, для меня были критичные. Один раз у меня получился отпуск в январе за наступающий год, а следующий в декабре следующего года за прошедший. Почти два года не был в Союзе и уже чисто психологически не мог смотреть на правильные немецкие рожи, на готическую немецкую архитектуру, чистые и ровные улицы.... А когда вышел с Брестского вокзала и пошёл гулять по улицам, то просто умилился, увидев перекошенный забор и лежащего под ним пьяненького мужичка.

Кондиционер нашли только в центральном универмаге и то уже последний и самый мощный – БК-2500. Но когда увидел его размеры – посетило законное сомнение. А как я его увезу? Денег было в обрез, только на кондиционер. Тем более что потратил деньги и успел купить маленький телевизор, который работал в дециметровых волнах и как мне говорили, берёт там американское телевидение. Махнув на сомнение рукой и приняв по военному быстрое решение, через пятнадцать минут пыхтя и потев от приложенных усилий, вытащил к краю тротуара здоровенную коробку и стал ловить такси. Денег на такси не было совсем – ни копейки, но надеялся в учебном центре у кого-нибудь занять. Таксисты останавливались охотно, но увидев громоздкую коробку, сразу отказывались, даже не пытаясь её всё-таки пристроить в багажнике машины. Дело уже катилось к восьми часам вечера, а я не мог решить возникшую проблему. Прошло ещё двадцать минут и закрылся универмаг, где жена грелась, пока я воробьём прыгал вокруг коробки на тротуаре и кидался на все зелёные огоньки такси. И вопрос как быть и что делать, если не сумею словить машину – уже стоял во весь рост. Надо было кондиционер

оплатить, а забрать его завтра, когда буду на машине... Но магазин закрыт и я всё ещё махал руками, пытаюсь хоть кого-нибудь заарканить и не оставляя надежды на чудо. И чудо случилось. В тот момент, когда уже решил послать всё это... куда-нибудь подальше и «подарить» чёртов кондиционер кому угодно или просто бросить его здесь на тротуаре, из-за угла универсама вывернула грузовая машина нашего учебного центра. Я чуть под колёса не прыгнул от радости, а через пять минут ехал в кузове и чуть ли не с любовью смотрел на кондишен.

С утра на этой же машине сгонял на вокзал, но был жестоко разочарован – багаж не пришёл. Чёрт поberi эту чёртову железную дорогу. Ведь больше недели уже прошло, а доставить вовремя не смогли. Я наверно ещё долго материл бы железнодорожников, но меня успокоила жена: – Да и чёрт с ними..., с ящиками... Всё равно там всё было на выброс.

Но я уже «упёрся рогом» и, приехав обратно на учебный центр, договорился с начальником центра, что он получит мой багаж и отправит его на Кубу следующей партией военнослужащих через две недели. Хотя, честно говоря, сомневался что из этого получится толк. Но хотя бы себя чисто психологически успокоил – я сделал всё возможное.

В девять часов вечера на плацу выстроилась колонна автомобилей. Под офицеров и прапорщиков подали два автобуса, а под личный состав грузовые машины.

Последняя проверка личного состава и полковник КГБист довёл порядок посадки на корабль и прохождения таможни.

– Семьи офицеров и прапорщиков заходят на Морской вокзал первыми и самостоятельно. Потом с интервалом в десять минут в вокзал заходят взвода. Сначала первый взвод, первой роты, потом второй и так далее. Заходим без строя, никто ни к кому по воинским званиям не обращается. Если надо обратиться к офицеру то только по имени и отчеству. Обо всё подозрительном сразу же докладываете своим командирам. Ни с кем из посторонних ни в какие разговоры не вступать. Если кто-то всё-таки спросят вас – отвечайте уверенно какую-нибудь херню. Ну..., надеюсь, найдёте что ответить... Дальше..., – примерно таким образом он инструктировал ещё минут пять и после этого мы стали рассаживаться по машинам.

Час неспешного движения по вечерним улицам Одессы и наша колонна скрытно сосредоточилась в небольшом переулке недалеко от здания Морского вокзала. Ушли сначала семьи, а через десять минут, окружённый своими бойцами тронулся и я. В огромном, гулком зале кроме нас и наших семей народу было человек двадцать. Какая-то парочка, состоявшая из длинного, худого и волосатого хлюста, которых в народе называют «глистами», под стать ему такая же раздёрганная девица. В дальнем конце зала у стенда толклось ещё трое явно податых мужиков, бурно что-то обсуждающих. И равномерно по всему залу сидели с газетками в руках или бесцельно слонялись до десятка крепких мужчин. Плотной сбитой кучкой, мы прошли немного в глубь зала и остановились там. На нас практически никто не обратил внимание, но до тех пор пока в зал не вошёл второй взвод и такой же плотной толпой остановились рядом с нами. «Глиста» и девица в удивлении вылупили на нас глаза, а на шарканье ног обернулись датые мужики. Все мы дружно изо всех сил делали вид, что не знаем друг друга и зашли на вокзал лишь погреться. Ещё через десять минут в зале возник третий взвод и мне стало смешно. В зале уже находилось около сотни одинаково одетых молодых людей и все посторонние изумлённо таращили на нас глаза. И изумление усиливалось по мере того как новые взвода заходили в вокзал. Всего этого можно было избежать, если бы таможенники начали работать и пропускать через себя людей. Но у тех что-то не ладилось и они никак не могли приступить к работе. Там ругался со старшим таможенником наш КГБист, но это мало помогало. И вскоре весь зал был забит отъезжающими. Датые мужики шатались среди бойцов и удивлённо спрашивали тех – Кто они такие и куда едут? И везде получали один и тот же ответ – Мы футбольная команда и едем на соревнование, чем приводили мужиков в ещё большее изумление. Правда изумлялись они не долго, бесцельно слонявшиеся крепкие мужики скрутили им руки и утащили на улицу, где их забросили в милицейские «воронки». Только затихли вопли задержанных, как ко мне,

чуть ли не строевым шагом, подошёл замкомвзвод и громко обратился, привлекая внимание чуть ли не всего зала: – Борис Геннадьевич, разрешите нам с Петром Ключевым сходить в туалет....

– Тише..., тише..., Воробьёв. Что ты на весь зал орёшь? – Раздосадовано зашипел я на добросовестного сержанта, – идите...

А через две минуты они заploшено выскочили оттуда: – Борис Геннадьевич, там к нам пристают с разными вопросами....

Несколько мужчин невозмутимо сидевшие недалеко с газетками, сорвались с места и нырнули в туалет и через минуту «глиста» с высоко заломленными руками чуть ли не носом чертил кровавую линию по полу, а следом волокли буйно извивавшуюся и визжавшую девицу.

Шум, гам, несколько крепких слов и угроз со стороны КГБиста в адрес старшего таможенника сумели всё-таки сдвинуть с места процесс. Первыми пошли на досмотр семьи, а потом я со своим взводом. Жены и дети были с лёгкими сумочками, а чемоданы были у мужей и их тащили взвода. Как всегда, а это уже было традиционно, видя мои честные глаза и такую же честную физиономию, каждому таможеннику как на Брестском вокзале, так и здесь хотелось доказать и опровергнуть мои чистые намерения и помыслы и найти хоть что-нибудь запретное. Поэтому сразу предложили мне открыть первый чемодан, который был мигом перерыт и на его дне нашли кучу юбилейных монет, в том числе и с изображением Ленина. И тут понеслось – Нельзя! А зачем вы их везёте? А с какой целью? А почему Ленина так много? А может быть у вас ещё что-то есть? Рядом стоял ещё не отошедший от горячего спора КГБист и, забывшись, на весь вокзал тоже орал: – А на хрена, товарищ старший лейтенант, ты это везёшь на Кубу? Вот на Хре-наааа....?

А когда они нашли ещё одну кучку юбилейных (новодельных) рублей, но уже высшего качества «Пруф», радости таможенников было «выше крыши». Даже КГБист затих, с интересом крутя в руках зеркально блестящие монеты.

– Ничего себе, никогда таких не видел...., – монеты кочевали из рук в руки и я всех их умолял.

– Блин..., да берите вы их за рёбра... Что вы их так лапаете?

На меня давили и если бы я пересекал границу в первый раз жизни, то наверняка плюнул на монеты и просто отдал бы их таможенникам. Но многолетний опыт службы в ГСВГ и Брестская таможня – это хороший и большой опыт жизни. Я знал свои права, знал что могу провозить, а что нет – поэтому упёрся и не поддавался давлению. А снять с парохода за такую херню просто не имели права. Пока со мной разбирались, практически все прошли таможню и меня с великим сожалением таможенники вынуждены были отпустить и с монетами.

– Давай сюда, – успокоенный КГБист, оставшийся со мной до последнего, ухватился за один из чемоданов и пошёл к пограничному контролю, а я потащился за ним с двумя огромными чемоданами «Гросс Германия» или «Мечта оккупанта». Мы были последними и процедура проверки погранцами заняла не более двух минут. КГБист упёрся первым, а я отстал со своими чемоданами и вывалился на мокрый, пассажирский причал одинокой и согбенной под тяжестью чемоданов фигурой и остановился поражённый видом корабля.

– Огоооо..., ни фига себя.... Вот это корабль..., – слева от пассажирского причала высоко подняв крашенные железные борта, стоял огромный, белоснежный лайнер.

– Ну..., Министерство обороны...., ну..., молодцы. На таком шикарном корабле приятно прокатится, – полюбовавшись на белоснежного красавца, я ухватился за ручки и трудолюбиво потащил чемоданы к трапу, не обращая внимание на какие-то невнятные крики сзади меня.

– Товарищ..., товарищ..., – меня догнали два солдата-пограничника и остановили, – вам не сюда. Вам туда надо.

Пограничники махнули рукой налево и я, проследив их жест взглядом, ничего не увидел, кроме каких-то фонариков видневшихся на полтора метра выше причала.

– Не..., мне туда надо, – я вновь ухватился за чемоданы и двинулся к уже близкому трапу. Пограничники рассмеялись: – У вас «Аджария», а это судно Академии наук «Космонавт Гагарин». Ваша «Аджария» там стоит, – и вновь махнули рукой в сторону пустынного причала. Тут уж я и сам разглядел надпись на носу корабля. Действительно «Космонавт Гагарин».

– А где тогда мой корабль? – В растерянности опустил чемоданы на причал, – он, что уже ушёл?

Погранцы аж закатились от смеха: – Да вон он..., – и снова махнули в сторону моря.

Оставив чемоданы на месте, я озадаченный подошёл к краю причала и огляделся по сторонам. Только сейчас обратил внимание, что причал был очень высокий – в несколько этажей и внизу на небольшой волне едва заметно покачивался небольшой кораблик.

– Вот это и есть ваша «Аджария», – подошли с моими чемоданами пограничники.

– Как? И на этой барже я пойду через океан?

Пограничники снова загнулись от хохота: – Да нет... Нормальный корабль. Это он сверху таким маленьким кажется. Идите.

Глядя на то, что стояло внизу, в памяти сразу всплыл рассказ моего старшего электрика, у которого на гражданке проходил практику.

Он проходил службу в Германии танкистом и за несколько дней до дембеля им объявили – На дембель они полетят на самолёте, а не как обычно поедут в Союз поездом. Самолётом, так самолётом. Даже ещё лучше. Быстрее до Урала доберутся. Привезли их на аэропорт, посадили на самолёт и они полетели. Летят час, летят два, три..., четыре... и всё в облаках. Потом спрашивают у стюардессы – А когда приземляться будем? Что-то долго летим? Та мило улыбнулась и прощбетала беззаботно.

– Не волнуйтесь, в Москве нелётная погода – летим на запасной аэропорт.

Ну, запасной, так запасной. Проходит ещё куча времени и самолёт выходит из облаков, а под ним море.

Самолёт огласился радостным рёвом дембелей: – Ура!!!! Через пару часов в Чёрном морекупаемся... – Орал и мой старший электрик, ни разу не видевший моря. Самолёт тем временем приземлился и подкатил к зданию аэропорта с гордым названием «Хосе Марти». Прокатил мимо него к большому ангару, куда их быстро, громкими командами и толчками – Давай, давай, быстреей шевелись... Нам ещё танки надо в порту принимать – спровадили русские офицеры. Бывших дембелей мигом переодели в гражданку, посадили на машины и через полтора часа обалдевшие солдаты и сержанты были в Гаванском порту, где из огромных сухогрузов из под пшеницы выгружали танки. Им ещё повезло, что их на Кубу перекинули на самолёте. Остальные члены танковых экипажей прибыли вместе с танками на этих сухогрузах и месяц сидели в душных трюмах, что бы американцы не прочухали о переброске советских войск. Лишь ночью их выпускали на палубу и то на пару часов. Это был Карибский кризис и мой старший электрик там прослужил ещё год. Правда, уже сверхсрочником и за этот год неплохо заработал, а воспоминаний осталось на целую жизнь.

Вот и сейчас у меня мелькнуло подозрение об огромном обмане Министерством обороны: – Сейчас, блин, загонят на корабль и будем сидеть в трюмах ёб..., ёб..., переёб....

Но делать было нечего, подхватил чемоданы и стал осторожно спускаться ко входу на корабль, откуда приветливо лился желтоватый свет. К моему удивлению, холл куда я попал оказался уютным и достаточно просторным и где меня приветливо встретили стюарды. Спросили фамилию, сверились со списком и направили в ближайший, светлый коридор и буквально через пять метров я увидел дверь моей каюты с номером 107. Тут были и мои – жена с сыном. Кюта раза в два с половиной больше железнодорожного купе, в небольшой прихожей шкафчики под одежду и спасательные жилеты, напротив дверь в туалет с умывальником. В самой каюте два широких спальных места, стол и широкое окно, выходящее на прогулочную палубу. Ничего и даже хорошо.

Только успели разместиться и разложить вещи, как захрипело радио и выдало сообщение: – Уважаемые пассажиры, просим вас проследовать в рестораны «Батуми» и «Сухуми» на ужин.

Немного поплутав по коридорам, мы оказались в большом ресторанном помещении «Батуми». Расположились в середине зала и с любопытством осмотрелись. Мне всё больше и больше нравился корабль. Да, сверху, с причала, он смотрелся небольшим, но попав во внутренние помещения корабля и немного осмотревшись, первоначальное разочарование прошло и мне всё больше и больше нравилось. И сервировка, и само помещение ресторана, качество пищи, суetyающиеся красивые официантки – всё это было на высоком уровне.

После ужина, оставив на некоторое время своих в каюте, я пошёл искать свой взвод. Подавляющее большинство солдат было размещено по четыре, по шесть и восемь человек в каютах на нижних палубах вокруг машинного отделения. Так сказать во втором и третьем классе. Каюты тоже были уютные, но здесь уже ощущалась духота от близости работающих машин. Моему взводу повезло больше всех, они были размещены в отдельном закутке на офицерской палубе. Бойцы, плотно и вкусно поужинав, были довольные и готовились ко сну. Не стал я их строить на вечернюю поверку из-за позднего времени, только прошёлся по каютам и пересчитал их.

Вернулся в свою каюту. Сын уже спал, а мы с женой оделись потеплей и вышли на палубу. Температура воздуха около нуля, было сильно влажно и холодно. Прогулялись по всем открытым палубам и остановились на корме, разглядывая стьюую воду за бортом, где к нашему великому удивлению рассмотрели скопище мелких медуз вокруг корабля. Минут через десять забурлила вода под кормой, раскидывая в разные стороны медуз, и корабль стал потихоньку отваливать от причала. Совершив какие положено манёвры, корабль стал выходить за пределы порта, а через пятнадцать минут мы вернулись в каюту.

Всё! Все страхи, что что-то сорвётся, в последний момент, где– то что-то не сладится – позади. Мы плывём на Кубу, мы плывём в новый, яркий мир. За это и выпили по чуть-чуть и завалились спать.

Проснулся по давней армейской привычке в шесть утра и сразу же выскочил на палубу. Было светло и солнечно от только что поднявшегося из-за горизонта солнца. От мерзкого и влажного холода не осталось и следа, а голубое и чистое небо предвещало отличную погоду. Но самое главное – МОРЕ. Ласковое и синее. Огромное море во все стороны, без малейших признаков суши. Не спеша обошёл все палубы, постоял на корме, с удовольствием глядя на широкий кильеваторный след. Потом перешёл на нос и, перегнувшись через борт, стал смотреть вниз на белый пенный бурун от разбивавшейся волны. Мне даже показалось что там в какой-то момент выскочил из воды дельфин.

Я с удовольствием пошлялся по палубам, знакомясь с расположением, и меня около музыкального салона выловил командир второго взвода нашей роты лейтенант Агуреев.

– Боря, ты куда пропал? Я тут вместо тебя чалюсь? – Обиженно стал наезжать товарищ.

– Не понял, Серёга? О чём ты?

– Вот..., вместо тебя дежурным по эшелону стою, – продолжал обиженно гудеть Сергей, – вчера Шкуматов приказал нашему ротному капитану Паршикову выставить дежурного. Ты командир первого взвода и он тебя начал искать. Хер нашёл, вот меня и сунули...

– Сергей, ну а чего искать то? Вон моя каюта 107ая, – я ткнул пальцем в коридор, – так что я ни причём. Ты радуйся, что первым стоишь. В бардаке этом пронесёшь службу, а вот второму достанется...

Но Серёга всё бухтел и бухтел, даже когда я ушёл к себе. Выслушал перед завтраком неудовольствия и от командира роты, что он не мог меня найти. Впрочем, на всё это я беспечно махнул рукой.

После завтрака начальник эшелона приказал построить всех на корме и довёл до личного состава порядок следования эшелонам, распорядок дня и другие моменты уже связанные с совершением марша морским транспортом.

Отдав общие указания, подполковник Шкуматов вызвал из строя офицеров и прапорщиков.

– Товарищи офицеры и прапорщики, я понимаю, что мы сейчас плывём на корабле и находимся в комфортабельных условиях с семьями. Как бы отпуск дополнительный. Можно, конечно, и немного расслабиться, благо наш любимый личный состав с корабля никуда не денется. Но люди незнакомы нам и там могут быть разные и с разными завихрениями в головах. Все они за вами персонально закреплены, поэтому они должны быть под постоянным контролем. Первые три дня трогать их не будем. Пусть после учебки отсыплются, а потом будем их занимать занятиями, утренними физзарядками и другими делами. Мы сейчас с командованием эшелона соберёмся и наметим весь план. Ну, а сейчас по плану выходного дня, а в семнадцать часов совещание в музыкальном салоне.

День до совещания прошёл на палубе в приятном времяпровождении и принимая солнечные ванны. Прекрасный, солнечный день. Температура около 24 градусов тепла и к вечеру она продолжала такой и оставаться. И даже не верилось, что у нас в Свердловске сейчас минус 10-15 градусов и снег. В семнадцать собрались на совещание, где Шкуматов довёл решение на жизнедеятельность эшелона. Подъём и утренняя зарядка каждый день под руководством командиров взводов. После завтрака ежедневное построение. По вторникам и четвергам политзанятие с темой «Куба наш союзник». Также предполагались занятия по уставам, физво, военно-медицинская подготовка и другие занятия, в том числе и ночные по военной топографии. Но они в основном будут сводиться к изучению звёздного неба в секторе, где мы в это время будем находиться. Замполиту была поставлена задача отобрать бойцов и поставить для членов экипажа и для всего эшелона праздничный концерт в честь Октябрьской Революции. И одна из основных задач – это изучение личного состава. Порядок приёма пищи определили в следующем порядке: в ресторане «Батуми» питались офицеры, прапорщики и члены семей, а в ресторане «Сухуми» личный состав.

Каждый солдат, сержант, офицеры, прапорщики и члены семей, в своих ресторанах, были закреплены за конкретными столами и ужин прошёл уже организованно и в более спокойной обстановке.

Все эти первые сутки наш корабль шёл строго на юг, пройдя практически всё Чёрное море, и где то в половине двенадцатого ночи мы должны зайти в пролив Босфор, на обоих берегах которого расположился Стамбул. Я остановился у карты мира и на пунктирной линии Одесса-Стамбул прочитал – 630км. Значит за двадцать дней пути мы по идее должны пройти 12600 километров. В этот вечер решили отбой перенести на более позднее время, чтобы и солдаты тоже посмотрели на пролив и Стамбул. В половине одиннадцатого над горизонтом появилось сначала бледное зарево, которое с каждым пройденным километром или мильей, как считают моряки, всё становилось ярче, разрастаясь вширь и в высоту. Перед входом в пролив остановились ненадолго и с подвалившего к борту корабля небольшого катера сняли лоцмана и вошли в пролив уже под его руководством. Корабль двигался медленно, как бы давая нам возможность вдоволь полюбоваться окрестностями. Пролив был не широкий, километра два. Правый берег, относительно нашего хода, был в полутьме, но всё равно на нём была хорошо видна невысокая крепостная стена с мрачными круглыми и квадратными башнями, тянувшаяся вдоль берега. Иной раз она сходила прямо к урезу воды, а потом резко подымалась по склонам невысоких береговых холмов. Левая, наоборот, блистала и сверкала яркими разноцветными огнями зданий и реклам. По набережной, также сверкая фарами, мчались потоки легковых машин. Пройдя чуть вперёд, мы увидели на обоих берегах циклопические сооружения. Стоявший рядом с нами член экипажа пояснил: – Это турки начинают строить второй

мост через пролив, а то тот который есть уже не справляется с нагрузкой. Это только опоры для висячего моста. Вот сейчас ещё вперёд пройдем и вы его увидите...

Да..., такого моста я ещё не видел. Точно такие же огромные опоры виднелись на берегах и между ними, на высоте метров сто пятьдесят висел сам мост. Он, конечно, висел на мощных канатах и вантах, но их в темноте не было видно и казалось, что мост висел в воздухе сам по себе. А по нему тёк, сверкая огнями фар, бесконечный автомобильный поток. Это было самое узкое место в проливе, где-то около километра. Ещё дальше пролив как бы уходил немного влево, а право более узкий водный проход, образуя между собой как бы полуостров, в глубине которого полукруглым куполом виднелась святая София с узкими и высокими минаретами по углам.

По мере движения вперёд, огней по обоим берегам становилось всё меньше и меньше. Стамбул кончался, на подскочивший катер перешёл лоцман с двумя бутылками русской водки и мы пошли дальше в темноту.

Утро встретили в Мраморном море. Встретило оно нас пасмурно, низкими тучами и ветром. Но всё равно было тепло и мы с удовольствием проводили время на верхних палубах. Бойцы наши, пользуясь такими возможностями для отдыха дрыхали «без задних ног» по каютам. Прерывая сон на приём пищи и туалет. Так, иной раз выйдут на палубу, прогуляются и снова идут в каюты.

Я уже более-менее освоился на корабле и немного присмотрелся к экипажу. Экипаж был сто пятьдесят человек и разделен поровну – семьдесят пять мужчин и семьдесят пять женщин, начиная от двадцать одного года и кончая сорок пять лет. А так средний возраст где-то от 27 до 35 лет. Экипаж к нам особо не лез. Офицеров и прапорщиков ещё в первый день собрали и провели ознакомительную экскурсию по кораблю и познакомили с командованием и основными лицами. Но нам приходилось общаться лишь с узким кругом экипажа. И это в основном со стюардами и персоналом ресторанов. Старшим стюардом была Эллочка. Молодая, стройная женщина. Если смотреть на неё холодным и бесстрастным взглядом мужчины, то можно смело фыркнуть и назвать её «крокодилком», из-за несколько неправильной формы лица с многочисленными оспинками. Это на взгляд импотента, который критическими замечаниями по поводу внешних данных партнёрши хочет скрыть свою несостоятельность. Но Эллочка была прелестью. Стройная, с точёной фигуркой, из которой прямо прёт свежая, возбуждающая энергетика. Искрящиеся, брызжущие весёлыми чертёнками глаза. Чистенькая, опрятная она прямо привлекала взгляд любого нормального мужика. Помимо всего в ней ощущалась некая, таинственная «изюминка», которая превыше всего ценится в женщине. Её рабочее место находилось в холле, перед музыкальным салоном и когда она там была, там всегда толпились мужчины. И каждый получал свою порцию улыбок и свежей молодости, исходящей от этого очаровательного существа. Она всегда была открыта любому, но в тоже время каждый ощущал грань, за которую она никого не пускала.

Директором обоих ресторанов была рослая деваха. Про которых справедливо говорят – «В горящую избу войдёт и коня на скаку остановит». Гренадёрского роста, красивая, с высокой грудью она на каждом приёме пищи выходила в «офицерский» ресторан всегда в новом, импортном прикиде. Смотрелась она эффектно и своими нарядами сводила с ума наших жён, которые тоже жаждали и хотели иметь такие же яркие шмотки. Но за всей этой блестящей мишурой, терялась сама женщина и мы, мужики, смотрели на неё почти равнодушно, что очень задевало директоршу.

Капитана мы почти не видели, в основном общались лишь со старшим помощником и то только тогда, когда стояли дежурными по эшелону. Знали своих стюардов, парторга корабля..., ну и постепенно, по мере необходимости, знакомились и с другими.

Полковник КГБ активно гарцевал вокруг медсестры и на ней. Последние два дня мы их обоих наблюдаем только во время приёма пищи и, судя по их довольным и удовлетворённым лицам, «вербовка» медсестры проходила успешно.

«Аджария» в основном использовалась на Средиземноморских пассажирских линиях: Одесса – Каир, Греция – Египет, Турция... И так далее. В первые дни плавания многие из нас находили под кроватями монеты этих стран. И лишь два раза в год её арендовало Министерство обороны для доставки военнослужащих с Союза на Кубу и обратно. Два года тому назад их посылали вокруг Африки. Точно также везли туда молодых бойцов и одновременно забирали в различных африканских портах отбывших свой срок командировок военных. Тогда рейс занял почти два месяца.

Корабль был старой постройки, без опреснителей и когда мы вошли в Эгейское море, нас стали призывать экономить воду. Эгейское море поразило обилием живописных, скалистых островов самых различных размеров, которыми мы любовались на протяжении всего светлого дня.

Утро мы встретили в Средиземном море и хотя было солнечно и жарко, море волновалось и на корабле ощущалась лёгкая бортовая качка. Минут через тридцать после завтрака мне понадобился замкомвзвод Воробьёв. Я заскочил в каюту, где он жил с пятью бойцами. Солдаты дрыхали крепким солдатским сном, но Воробьёва не было, зашёл в другую каюту – та же картина. Спящие безмятежно солдаты и отсутствие замкомвзвода. В последней каюте, не обнаружив Воробьёва, я затормошил ближнего к себе подчинённого и когда тот открыл глаза с мутными от сна глазами, агрессивно спросил: – Где Воробьёв?

Солдат сосредоточил на мне взгляд и, уяснив, что перед ним командир взвода, ответил. Вернее, он хотел добросовестно ответить, но из-за глубокого и здорового сна, он смог исторгнуть из себя лишь невразумительные звуки: – Мууу..., м уму м уму... уууу, – и неожиданно для меня уронил голову на подушку и ровно задышал.

С внезапно вспыхнувшим возмущением, оглядел каюту, впавших в спячку солдат и заголосил изо всех сил: – Взвод подъЁЁЁЁЁММММММ..... ТРЕВОГААААА! ТРЕВОГААААА! Строиться в коридоре!

Точно также проголосил возмущённую команду во всех своих каютах, при этом безумно тормоша солдат, выводя их из коматоза.

Слава богу, вбитые им в учебке армейские инстинкты сработали автоматом и безошибочно. Ещё не проснувшись, бойцы горохом посыпались со своих коек и уже через минуту строились, толкаясь и застёгиваясь в широком коридоре. Тут же крутился и непонятно откуда появившийся Воробьёв, который выравнивал и подгонял подчинённых, а когда они закончили застёгиваться и приводить себя в порядок, скомандовал: – Равняйся! Смирно! Равнение на средиНУ!

– Вольно! – А дождавшись, когда младший сержант Воробьёв встанет на своё место, начал воспитательную работу, – вы, что, товарищи солдаты? Всё понимаю, всё знаю, сам был таким, как вы после учебки... Молодого воина кормят ноги и он постоянно находится в готовности выполнить любую задачу, с какой-либо стороны она не придёт. А вы что-то чересчур быстро расслабились. Два-три дня и вы впали в спячку..., причём днём..., да ещё после завтрака. Если вам не интересно море, острова, корабль, который вы видите в первый раз жизни..., то придётся вас встряхнуть и провести небольшое занятие по Уставам. Воробьёв, тащи сюда Устав Внутренней службы.

Через две минуты Устав был в моих руках, я сидел на табурете по середине широкого коридора. Солдат выстроил в две шеренги спиной друг к другу и поставил их тоже по середине коридора. И приступил к громкой читке Устава с первой страницы. Как по заказу бортовая качка усилилась и шеренги подчинённых стало болтать от одной стенки к другой. Я читал в слух нудным голосом статьи и с интересом смотрел, как шеренги мотались от стенки к стенке.

Спящих и дремлющих в строю, как это бывает при таких читках, не было. Сначала бойцы веселились, шутили, потом стали чертыхаться, затем посыпались тихие матюки. А через час они просто угрюмо бегали от стены к стене. Ещё через час взмолился Воробьёв.

– Товарищ старший лейтенант, мы всё поняли и больше этого не повторится.

Мне тоже до чёртиков уже надоело, да и устал читать, но «упёрся рогом» – я же им пообещал воспитательную работу до обеда. Значит надо до обеда.

В двенадцать часов в наш отсек случайно забрёл парторг экипажа, понаблюдал минут десять и поинтересовался – Что тут происходит?

Услышав мои слова о воспитательной работе, он возмущённо хрюкнул и умчался, а через десять минут появился с подполковником Шкуматовым и стал ему жаловаться, что я издеваюсь над солдатами.

Подполковник Шкуматов с непроницаемым лицом выслушал стенанье гражданского политработника. Потом выслушал мои объяснения и язвительно спросил парторга – Служил тот в армии или нет?

– Ах нет!?! Ну, тогда, Максим Иванович, не будем мешать командиру взвода проводить занятия, – Шкуматов взял под локоть парторга и потащил его из моего отсека, бросив напоследок через плечо, – Цеханович, потом зайдёшь ко мне.

Еле дотянул занятие по Уставам до обеда, но добился своего – бойцы были злые на меня, на корабль, на бортовую качку и на сон тоже. А когда я предупредил, что если что – то «Повторение – мать учения». Ответ был един – НИКОГДАааааа...

Шкуматов, когда я появился на его очи, махнул мне рукой отсылая – Потом..., после обеда, на совещании....

Приняв доклады от командиров рот и решив ряд мелких вопросов, начальник эшелона сначала высказал своё виденье на состояние дел в эшелоне: – Товарищи офицеры и прапорщики, в моих планах было дать ещё пару дней на отдых, на изучение личного состава и лишь потом начинать с солдатами работать плотно. Но сегодняшний случай в первой роте, – командир роты недоумённо поднял голову и посмотрел на подполковника, – заставил меня резко изменить весь предыдущий план. Паршиков не смотри на меня так удивлённо... Ничего там у тебя особенного не произошло, но тем не менее, слава богу, что именно так и произошло. И твой командир взвода Цеханович первый отреагировал и вовремя. Причём сразу стал работать с личным составом неординарно, с выдумкой, но думаю эффективно...

Теперь все смотрели на меня, а ротный немо кивнул мне – Что там у тебя было? Но я лишь скорчил рожу, типа – Всё нормально. Потом...

– Так вот, убедившись, что в первом взводе всё нормально, взводный на месте и работает, прошёлся по другим подразделениям. Вывод один – личный состав брошен и занимается чем хочет. Хорошо если он спит, но много кто не спал. Кто сидел в каюте, кто бесцельно шатался по палубам. В одной каюте сидели две молоденьких девочки из экипажа. Так в каюте солдат набилось человек пятнадцать. Они только на плафоне не сидели. Офицеры, за кем закреплены солдаты, тоже ничем кроме как балдежа не занимаются. Ещё пару дней и у нас будут и изнасилования и падение личного состава за борт, самоубийства и чёрте что ещё... Исходя из этого, принимаю решение. С завтрашнего дня занятия. Это первое. Второе. Пошёл к капитану и договорился с ним о выделении наряда по ресторанам – двадцать человек на сутки. Пять человек пойдут в помощь механикам в трюмы к машинам. Ещё десять человек ежедневно будет выделяться экипажу в помощь на разные работы. Помимо дежурного по эшелону и его помощника дополнительно ввожу следующих лиц суточного наряда. Посыльный и два патруля. Патруль по правому борту, патруль по левому борту. Солдат и прапорщик. Так чтобы у нас были заняты как можно больше людей. Теперь по занятиям....

Со следующего дня наша жизнь покатила по военным рельсам. Даже будущий наш начальник медицинской службы майор Антонов стал периодически собирать жён офицеров и

прапорщиков и проводить с ними беседы, где он рассказывал об особенностях жизни в жарком климате. Майор был с многочисленными «тараканами в голове», любил похохмить на занятиях и после них жёны возвращались в ужасе – Куда мы едем?

– Боря, а ты знаешь? – После очередного такого занятия жена с содроганием в голосе вывалила на меня «страшилки», рассказанные медиком, – что там есть лягушки, которые если прыгнут на человека то, так прилипают к нему, что их не оторвать рукой. А чтобы оторвать – их надо посыпать солью. И эти лягушки с помощью своих присосок могут по стене дома забраться аж на пятый этаж... А вот он ещё говорит, что там пауки размером больше чем кулак взрослого мужчины. И такие ядовитые, что не всякая вакцина действует... И живут они прямо в домах, где люди живут. Боря, куда мы едем...?

– Валя, ты чего? Приедем и разберёмся на месте. Живут ведь там люди....

Последующие два дня прошли нормально. Солдаты были даже рады нарядам и работам, воспринимая это как приятное разнообразие и дополнительное общение с экипажем. До обеда были занятия и обязательная учебная тревога для всех. По тревожным сигналам, мы доставали из шкафчиков в каютах оранжевые спасательные жилеты, одевали их и организованно выходили на палубы, каждый к своему спасательному средству. Где проходила тренировка по посадке в большие шлюпки или на спасательные плоты. Показывали, где лежит неприкосновенный запас пищи и воды и другие вещи необходимые при таких случаях. Очень подробно и познавательно рассказывали, как вести себя, если вдруг оказался в воде или же если благополучно все расселись и отплыли от тонущего корабля. Там правило было одно – держаться вместе, в куче и помогать друг другу. А после обеда можно было всем и расслабиться. Бойцы спали, но уже гораздо меньше, а мы отдыхали на палубах с семьями. Тем более что погода располагала. Чистое и ясное небо, море солнца и температура в среднем около 25 градусов тепла. Даже не верилось, что сейчас начало ноября и на Урале минус десять-пятнадцать и лежит снег. Мы шли ближе к африканскому берегу, который иной раз смутно просматривался с корабля и оттуда веяло жаром африканской пустыни.

Когда подошли к Сицилии, я достал купленный в Одессе телевизор на дециметровых волнах, а включив его, был поражён обилием телевизионных каналов. Мы то в Союзе смотрели только два канала, а тут их было около восьмидесяти только итальянских. Музыкальные, новостные, киношные, рекламные, спортивные... Я крутил маховичок каналов, пытаюсь найти что-то приемлемое и интересное, но телевизор по звуковой дорожке не совпадал с европейскими стандартами и был глух и нем. Я ещё по Германии знал, что в советских телевизорах надо что-то перепаивать, чтобы был звук. Уже устал палец от постоянного кручения, когда наконец-то наткнулся на военный фильм про наших советских подводников. Ну, хоть что-то, но посмотрев минут десять, плюнул с досады, поняв что наткнулся на очередную антисоветскую хрень самого низкого пошиба. Как это всегда показывали подлую советскую военщину, которая с помощью ядерной подводной лодки хочет нанести удар по мирным и пушистым капиталистам и по их свободной демократии. Но на защиту этой свободной жизни становится красавец супермен, нырнувший в море и проникший на ходу во внутрь подводной лодки. В течение пяти минут он уничтожает этих глупых и неуклюжих русских, потом взрывает подводную лодку и ровно за две минуты до взрыва, преодолевая вдруг возникающие препятствия, благополучно покидает её и со стороны наблюдает гибель врагов. Короче, чушь несусветная... Выключил телевизор и спрятал его обратно в чемодан.

Следующее утро встретило нас низкими, наполненными влагой облаками, ветром и сначала небольшой волной. Экипаж начал споро крепить всё, что по их мнению было не совсем закреплено. А следующим верным признаком, что нас ждёт хороший шторм, стали характерные серые пакеты из плотной бумаги, которые стюарды стали раскладывать и крепить на всех видных местах. Постепенно волна стала усиливаться и весь состав воинского эшелона встретил начинающийся шторм с нарастающей тревогой. Кораблекрушения как бы никто особо не

боялся, но все с опасением ожидали начала морской болезни, признаки которой начали постепенно проявляться. Сначала откуда-то изнутри и глубины организма тихо накатывала тошнота... С ней ещё можно бороться, пытаться не обращать внимание, но она всё усиливалась и отмахнуться от неё уже не получалось. Появились первые следы рвоты на ковровых дорожках в коридорах и стюарды тут же хлопотливо их убирали, но в воздухе всё равно витали неприятные запахи, усиливающие позывы к рвоте.

Я тоже с тревогой ожидал шторма, не зная как поведёт себя мой организм. Но сколько не прислушивался к своим ощущениям, даже малейшего признака морской болезни обнаружить не мог. А вот моя семья и многие другие уже лежали в лёжку. Но когда по корабельной связи объявили, что старший стюард раздаёт таблетки против рвоты, практически все рванулись в холл музыкального салона за таблетками. Но они мало кому помогли. Мою жену и сына сильно тошнило, но не рвало. А когда наступил обед, то при одной только мысли о еде их чуть не вырвало и они отказались идти кушать. В ресторане пустовало половина столов, а прежде чем подать пришедшим еду, официанты щедро поливали из чайников скатерти, чтобы по ним не скользила посуда и только потом ставили тарелки.

Шторм уже был девять баллов и по морю гнало огромные волны. Корабль то зарывался носом в водяные валы, до наоборот задирали его куда то в небо и по коридорам уже можно было ходить только цепляясь за поручни, тянущиеся вдоль стен. Впереди меня брёл с обеда ныряющей походкой бойчина, внезапно он рванул вперёд и попытался добежать до очередного серого пакета, торчавшего из-за поручня, но не успел. Тело изогнулось в непонятный знак и солдатский желудок в один момент исторгнул из себя только что проглоченный обед и наверно остатки завтрака. Увидев густую струю и ощутив желчный запах, я сам чуть не метнул обед на красную ковровую дорожку. Резко развернулся и побежал на палубу, где часто и быстро задышал широко открытым ртом. Вернулся к себе в каюту уже другим путём. Стюард только что убрал остатки блевотины, как из-за поворота коридора послышались новые звуки рвоты и стюард, матерясь на ходу, ринулся туда.

Жена и сын несчастными глазами встретили моё появление и выглядели они совсем не хорошо. Их не рвало, не ныли, но их здорово мучило. Я прилёг на кровать и решил немного вздремнуть, но не тут то было. Корабль был в килевой качке и когда нос задирался в небо меня сильно прижимало к переборке, а через сорок секунд нос уходил вниз и я съезжал по одеялу к краю постели. Хорошо, что на краю был небольшой бортик, который не давал мне каждые полторы минуты падать на пол каюты. Тоже самое происходило и с моими на противоположной постели, только в обратном порядке. Помучившись так минут десять и услышав, как по внутрикорабельной связи передали сообщение о запрете выхода на палубу в одиночном порядке и без причин, я решил сходить во взвод и проверить подчинённых. Каюты встретили меня сплошной лёжкой. Только замкомвзвод Воробьёв и другой сержант Перминов были свежими и сытыми, с сонной поволокой в глазах, встретили появление командира взвода. Из туалета доносились бессильные стоны, где над унитазом страдало сразу и одновременно трое солдат.

– Воробьёв и Перминов, отгадайте загадку. Что могут сделать одновременно трое мужиков, а что не могут две бабы? – С ходу весело мотнул головой на дверь туалета.

– Ну..., товарищ старший лейтенант, это бородатая загадка, – протянул Воробьёв, а Перминов задумался. Замкомвзвод посмотрел на товарища и, не дождавшись успеха локального мозгового штурма, весело выдал разгадку, – две баба не могут поссать одновременно в один унитаз, зато трое мужиков могут.

– Молодец, – я щёлкнул щелбан в лоб Перминову, который призывался из глухой сельской местности, – учись, пионер, и ощущай какая разница между городом и деревней. Видишь, как шустро замок ответил.

– Парни, вы мне нужны для одного дела. Я хочу на кинокамеру снять шторм с кормы, но сами видите как швыряет корабль с носа на корму. Поэтому достаньте верёвку, привяжете ко

мне и я с кинокамерой вылезу к самой корме и оттуда снимаю шторм во всей его красе, а вы меня держите и страхуете. Давайте, я пошёл за камерой.

Через пятнадцать минут мы сосредоточились у дверей, выходящей на кормовую палубу, где находился прапорщик Лукин со своим патрульным. Даже через стекло двери было достаточно страшно смотреть на разгулявшуюся стихию. Волнами, в отличии от носа, корму не захлёстывало, но она гуляла как взбесившийся лифт, который сам по себе то уносился в небо, то ухал вниз.

Но мы были молодые, безбашенные и это был наш первый в жизни шторм. И мы даже не представляли какие опасности могли поджидать меня на корме.

С весёлыми шутками и подколками, меня обвязали крепкой капроновой верёвкой и открыли дверь. Первые десять шагов, прикрытый надстройкой я прошёл легко, но как только пересёк безопасную границу, как меня ударил с боку плотный поток ветра и чуть ли не потащило к борту, но в это время нос корабля пошёл вниз, корма наоборот стала задираться вверх, а от такого неожиданного манёвра я, не удержавшись, попятился назад, за что-то зацепился пяткой кроссовок, грянул спиной на палубу и покатился хрен его знает в какую сторону, не заботясь о своей безопасности, лишь переживая за сохранность камеры. Может быть, меня и выкинуло бы за борт, но страховочная верёвка сильно и больно впившаяся в тело, остановила моё беспорядочное кувырканье.

Сев на задницу и помахав весело рукой выглядывающим из дверей подчинённым и Юре Лукину, типа – Всё в порядке... Я огляделся. Пока кувыркался и елозил спиной по палубе, корма ушла глубоко вниз и я с ужасом увидел, что вокруг, по крайней мере кормы, громоздятся водяные горы а мы находимся как бы на дне водяной долины. И эти водяные горы, высотой с трёхэтажный дом вот-вот обрушатся всей своей массой на корму и утопят нас к чёртовой матери...

Я остолбенел от страха и это спасло меня от паники и от необдуманных действий, когда запросто мог вскочить на ноги и с дуру метнуться куда-нибудь спастись. А так, немо и сидя на заднице, тарасил глаза на жуткую водяную мешанину и пропустил тот момент, когда корма благополучно взлетела вверх и огромные волны, готовые нас утопить, пропали где-то внизу. Мне только и оставалось стереть со лба то ли холодный пот, то ли водяную взвесь... Страх сразу улетучился от понимания, что если сейчас не утопило – то и дальше не потопнем. Я встал на ноги и стал пробираться к поручням кормы, опасно балансируя телом, чтобы опять не свалиться и не уехать к бортам. Через минуту добрался до поручней и намертво одной рукой ухватился за них. И остолбенел от открывшейся картины буйства водной стихии, где наш корабль был обыкновенной щепкой, но щепкой управляемой и потому ещё державшейся на поверхности.

В этот момент корма опять поднялась на самую верхнюю точку, на какую-то секунду замерла, перед тем как ухнуть вниз, но мне этого хватило чтобы оглядеть и оценить грандиозность шторма. От самого горизонта до нас и мимо нас катились водяные валы и ни что не могло остановить их бег, им можно было только подчиняться. Мы пошли вниз и вот уже оказались на самом дне водяной котловины, когда нашу железную скорлупку опять обступили горы воды, готовые обрушиться на нас, но не успевали, потому что корма уже подымалась вверх уходя из под удара. Постояв так минуты три, наслаждаясь буйством природы, я стал снимать и в очередной раз, когда мы опустились вниз, в объектив камеры попались следы безвестного кораблекрушения. Трупы нескольких коров, разбитые и целые деревянные ящики, клоки сена и другой бытовой мусор колыхался рядом с нашей кормой. Я откинулся от видеоискателя и пристальным взглядом попытался охватить всё это разом и попытаться разглядеть – Есть ли там и люди? Но корма пошла вверх, а когда мы опустились вниз, то оказались в соседней уже водяной впадине, где ничто не напоминало о том, что я видел минуту назад. А с самой верхней точки не было видно ничего и никого кроме нас. Может быть и это и не было кораблекру-

шением..., может быть большая волна просто слизнула всё это с палубы какой-нибудь низко посаженной баржи?

Плётка закончилась, я ещё с минуту полюбовался стихией, старательно отбрасывая мысли о том, что вполне вероятно кому-то в этот шторм и не повезло.... Благополучно добрался до своих и решил больше не испытывать судьбу.

К ужину, разгул стихии даже увеличился и влётку лежал практически весь эшелон. Но на меня морская болезнь вообще не подействовала и на ужине, в пустом ресторане, нас было всего несколько человек, в том числе и ротный. Глянув на всё это, Паршиков глубокомысленно хмыкнул: – Давайте со столов собирайте закусь и за мой стол. Раз такое дело, сейчас я кое-что принесу...., – ротный ушёл, а мы с энтузиазмом собрали со всех столов колбасу. Наделали кучу здоровенных бутербродов. Часть их отложили, чтобы отнести своим в каюты. Вскоре появился Паршиков и из пакета достал две бутылки водки, чем привёл нас в приятное оживление.

Ужин затянулся и я попал к себе в каюту лишь часов в десять вечера. Открыл дверь каюты и постарался показать жене, что меня мотает и бьёт об стены не от выпивки, а от шторма, потому что где было две бутылки, каким-то чудом оказалось четыре. Но, слава богу, мои, измученные морской болезнью, спали тяжёлым сном. Я бухнулся на постель и постарался уснуть, но не тут то было. Качка из килевой, давно стала боковой. И если до обеда шторм старался меня выкинуть из постели, то теперь с периодичностью в полторы минуты меня то ставило чуть ли не стойке «Смирно», то наоборот – я становился «на голову».

Честно говоря, боковая качка была даже страшнее килевой. У меня каюта находилась примерно в середине корабля и когда нос или корма попадали под волну, то весь корпус корабля периодически сотрясал мощнейший, гулкий удар от хлопка об воду. Но такие удары были довольно редки, хотя и тревожащие. А при боковой качке, особенно когда ты лежишь в постели поперёк корпуса происходило следующее. Вроде бы сначала забавно, но вот потом....

Я лежу. Корабль начинает заваливаться на левый бок. Валится..., валится..., всё больше и больше. Ноги постепенно опускаются вместе с постелью вниз и естественно, что верхняя часть туловища наоборот начинает подниматься относительно продольной части корабля. Корабль продолжает валиться влево... И вот ты уже на спине и жопе, по простыни, начинаешь съезжать к переборке туалета и пятками упираешься в неё. А корабль продолжает валиться влево... И ты понимаешь, что ещё несколько томительных мгновений и ты уже будешь уверенно стоять обеими ногами на переборке и начинаешь паниковать: – Ёб тв...ю м...ь..., ну сколько можно валиться на бок? Ёлки-палки... Пора бы уже останавливаться....

При этом как-то в невзначай вспоминается и утонувший «Нахимов» и то, что наш корабль идёт в последний рейс, и что ты плаваешь херово, и твои близкие тоже... и много чего другого, очень даже не интересного, но довольно тревожного. И вот когда ты чуть ли не по стойке «Смирно» стоишь на переборке, корабль перестаёт валиться и начинает своё боковое движение в обратную сторону. Ты облегчённо переводишь дух, ощущая, как твоё тело начинает принимать нормальное горизонтальное положение, а корабль начинает валиться вправо. Валится..., валится, внося уже привычное тревожащее ощущение опасности. Привычно едешь на спине и жопе, и также привычно упираешься, но уже головой в переборку. А корабль невозмутимо продолжает валиться вправо. И в какой-то момент твоя шея начинает судорожно сигнализировать о том что ты стоишь на голове, а твои ноги хрен его знает где... И вновь немой крик души: – Да ёлки палки... да вались ты обратно, а то ведь мы сейчас перевернёмся....

И так полночи. Хмель от такой эквилибристики куда-то улетучился, туда же улетучился и сон. Но вторая половина ночи обнадежила, качка становилась всё слабее и слабее и под утро шторм закончился и я смог забыться тяжёлым сном. Лишь к часам одиннадцати утра все реанимировались от последствий шторма и уже на обед шли с энтузиазмом и здоровым чувством голода. А после обеда вывалили на палубу под тёплое средиземноморское солнышко. С капитанского мостика гаркнул электроматюгальник, объявив нам, что по правому борту

наблюдается стадо то ли касаток, то ли кашалотов... не расслышал. И действительно, в метрах четырёхстах плыли четыре огромные особи. Чёрные спины, которые мы видели на поверхности были размером метра четыре и воображение дорисовывало, что могла скрывать морская вода. Подавляющее большинство из нас крупнее селёдки или выпотрошенного Хека на витрине магазина и не видели рыб, а тут такая громадина, которую все рассматривали с почтением, пока они плыли рядом с нашим кораблём.

Вечером я заступил дежурным по эшелону и всё дежурство свелось к вечерней поверке, ночного патрулирования, чтобы ночью бойцы не лазили по палубам. Утром подъём, а всё остальное ерунда. Мы входили в Гибралтарский пролив и своими глазами увидели это чудо. Гигантская скала и небольшой городок Гибралтар у его подножья. Из иностранных фильмов я знал, что там, чуть подалее, располагался аэропорт и уходящая в море взлётная полоса. Много что знал по фильмам и по телевизору и всё это теперь видел воочию. Тем более что мы проходили близко от берега. Африканского берега видно не было, он был за горизонтом в сорока километрах от нас. Три часа мы любовались красивеными видами, пока шли по проливу. И вот вышли в Атлантический океан. Тут даже волны были другие. И их даже волнами не назовёшь – величественные, пологие, изумрудно-зелёные валы нескончаемой чередой катились навстречу нам и корабль лишь плавно колыхался на них.

Капитан обещал, что после пролива он наполнит бассейны морской водой и все сгрудились на палубе перед большим бассейном и детским, куда лилась чистая забортная вода и как только она заполнила бассейн, я прямо с повязкой дежурного нырнул в воду, тем самым открыв купальный сезон.

А вечером, в музыкальном салоне, был праздничный концерт, посвящённый 69ой годовщине Октябрьской революции. Замполит неплохо поработал с бойцами и я даже погордился нашими солдатами, видя удивление экипажа, что за несколько дней можно организовать на приличном уровне и сбачать неплохой концерт. Парторг корабля был уязвлён и пообещал в свою очередь через неделю дать ответный концерт силами экипажа. Ну, а после концерта все достали свои заначки и мы, разбившись по компаниям, неплохо закончили праздник.

Корабль после Гибралтарского пролива свернул в сторону Африки и шёл сейчас строго на юг. Через два дня мы зайдём на Канарские острова – в город-порт Санта Круз на острове Тенерифе. Пора бы уже. Опреснителей на корабле не было и если первые три дня мы пресной водой пользовались, можно сказать, без ограничения, то сейчас был введён экономный режим. Пресная вода по каютам давалась практически на минуты, три раза в день, только чтобы помыть руки и лицо перед приёмом пищи. Ну и в это же время все запасались водой для питья. А там..., в Санта Крузе, заправимся водой, продуктами и пойдём уже строго на запад через океан.

Погода эти два дня стояла жаркая и бассейны в какой-то степени спасали, в отсутствии нормального душа, нас от вонизма. Но солёная океанская вода, после купания мгновенно высыхала и тело, покрывшись мельчайшими крупинками соли, активно чесалось. Один боец решил океанской водой помыть себе голову с мылом. Намылить то он намылил, но вот смыть мыло с волос не смог и все уржались, когда он с растопыренными в разные стороны, стоявшими колом волосами метался по кораблю. Посмеялись, потом сжалились и отвели на кухню ресторанов, где он уже горячей и пресной водой вымыл голову. Но всё равно – мы балдели. В Союзе народ ходил в шубах и валенках, а мы запросто сидели в палубных шезлонгах в плавках и загорали. А ночью..., жара спадала и на бархатно-чёрном небосклоне высвечивались во множестве яркие и крупные звёзды. Вот это красота. Я выходил на палубу в часов двенадцать ночи, ложился в шезлонг и часами пялился на небо, звёзды и растущий серп луны. И на красоту ночного океана.

Утром проснулся и первым делом выскочил на свою сторону борта глянуть – Где тут остров Тенерифе? Но океан был привычно пуст. Вышел на палубу, к бассейнам и, кинув уже безразличный взгляд на другую сторону, был ошарашен открывшейся картиной. Когда шли через

Эгейское море, то видели по всему его пространству большое количество островов самых разных размеров и видов. Были маленькие, были совсем крошечные, были и большие, и совсем огромные. Как правило, они были скалистые и серым камнем вздымались из морских волн. Что-то подобное ожидал и здесь увидеть, но был поражён. Огромная, гигантская гора величественно вздымалась из океана и тянулась на долгие, долгие километры до самого горизонта, но не казалась частью материка, а именно, несмотря на свои размеры, она и ощущалась островом. Гора вздымалась пологими, но крутыми берегами, а вдоль неё узкое побережье, где виднелись цистернами нефтебазы, небольшие посёлки или предприятия и бежала бесконечная, с оживлённым автомобильным движением, дорога. Мы шли вдоль побережья около полутора часов, успели позавтракать, а берег всё разматывал и разматывал всё новые и новые картины островной жизни.

После завтрака нас срочно собрали в музыкальном салоне, где рядом с начальником эшелона удобно и вальяжно расположился полковник КГБист. Надо сказать, что полковник до этого времени не докучал нас и полностью отдался всем прелестям отдыхающего туриста. Мигом сошёл с медсестрой и мы их видели весьма периодически. Как правило, входящими или выходящими или из его каюты, или из её. Мужиком он оказался сильным и этому сексуальному марафону можно было только позавидовать. В одну из последних ночей я оказался невольным и случайным свидетелем страстного траха в бассейне, а потом около него. Они не заметили меня, лежащего в шезлонге и глазающего на небо, а я сразу как-то не среагировал, да и было потом поздно. Поэтому пришлось затаиться и молить бога, чтобы меня не заметили и не подумали чего лишнего. Вернувшись потом к себе в каюту, я долго не мог заснуть, ворочаясь в постели, невольно вспоминая все сопутствующие моменты случайного подслушивания и подглядывания.

Сейчас полковник сидел рядом со Шкуматовым со слегка утомлённым видом и, источая невольную радость от того, что он оторвался от приятного, но утомительного секса и сегодня посвятит себя работе.

Проверив офицеров и прапорщиков, начальник эшелона сразу же представил слово КГБисту.

– Долго рассусоливать не буду. Через полчаса прибываем в порт города Санта Круз. И будем там стоять до вечера. Данный порт является военно-морской базой НАТО и там будут находиться и стоять рядом с нами НАТОвские корабли. Поэтому задача наша следующая – Ни в коем случае не расшифровать истинное предназначение нашего корабля. Зачем и куда мы идём. И кто на самом деле находится на корабле. Всех солдат загнать по каютам, причём в каюты того борта, который будет обращён в сторону рейда и там они сидят до вечера закрытыми на ключ. Во время следования на обед на палубу не выходят и после обеда сразу же возвращаются в каюты и опять закрываются. Ну а вы, товарищи офицеры и прапорщики, вместе с членами семей усиленно изображаете беззаботных советских туристов. Задача ясна? – КГБист суровым взглядом оглядел сидевших перед ним.

Вопросов не было, одно только задумчивое выражение лиц, на котором явно читалось, что так просто изобразить «беззаботных туристов» как-то «сумнительно». Юрка Лукин эту общую мысль озвучил тут же вслух и открыто, «наивно» захлопав глазами.

Полковник ядовито усмехнулся и спросил: – А что без этого нельзя что ли сыграть?

– Да..., как-то с этим более интересно будет беззаботных туристов изображать....

– Кто вы такой? Представьтесь...

Юрка встал и отгарабанил: – Старшина первой роты прапорщик Лукин.

– Понятно, – веско произнёс, как припечатал полковник, – у прапоров только одно на уме – либо украсть, либо выпить....

Но увидев на лицах присутствующих офицеров, даже у подполковника Шкуматова, стойкое и упрямое желание выпить, да на халяву, с досадой крикнул и сожалеюще произнёс: – Ладно, через полчаса ко мне в каюту зайдёте.... Получите...

Получив через полчаса по бутылке 0.7 литра «Солнцедара» с напутствием растянуть бутылку хотя бы на пол дня и, увидев наплывающий из-за горы город и порт, мы стали загонять бойцов по каютам. А сами с жёнами и детьми вывалились на палубу полюбопытствовать на первый в жизни капиталистический город, да ещё и порт НАТО, нашего потенциального противника.

Порт, в том классическом виде, когда видны кучи портовых кранов, бесчисленные пакгаузы, рельсы, горы морских контейнеров, мы не увидели. Часть моря была отгорожена длинным бетонным сооружением, который служил достаточно широким пирсом и одновременно волноломом. Может быть грузовой морской порт был в другом месте, а здесь сейчас пришвартовалось несколько небольших пассажирских лайнеров, штук пять военных кораблей, выкрашенных серой шаровой краской, а когда мы встали у бетонного причала, то под нашей кормой оказалась английская подводная лодка, всей своей людской суетой показывающая скорый уход. Да ещё стояли несколько сухогрузов под нашим флагом. Встали мы совсем близко к городской набережной, совершенно не огороженной от порта, как принято у нас в Союзе. Тут же вполне свободно ходили гражданские люди, катил городской транспорт, а чуть дальше начинались городские кварталы со своей жизнью, распахнутой нашим любопытным взглядам. Основная часть города располагалась на достаточно ровной части суши острова, но равномерно подымалась от моря. И уже бело-жёлтые окраины карабкались вверх по крутым склонам высоких гор, высотой метров восемьсот-девятьсот. Хорошо были видны извилистые дороги и улицы, тянувшиеся к живописным вершинам, где вольготно располагались многочисленные виллы с всеячими бассейнами.

Посмотрев вдоволь на подводную лодку, на английских моряков, на двоих полицейских, лениво фланирующих, вдоль «Аджарии», мы как-то незаметно переместились на капитанский мостик, где второй помощник капитана, вооружив нас биноклями, начал показывать местные достопримечательности, доступные взгляду.

– ...А вон там местное гетто, – парторг корабля протянул руку в направлении высокой горы на противоположной стороне порта и показал нам один из кварталов на недалёкой окраине города, обнесённый трёхметровой белой стеной. Мы впились биноклями в двух, трёхэтажные, аккуратные домики.

И через пять минут рассматривания в сильные бинокли жизни в гетто, капитан Паршиков с сожалением опустил оптический прибор: – Хотел бы я жить в таком гетто. Офицером восемь лет, а всё по «убитым» общагам скитаюсь с семьёй...

Потусовавшись на капитанском мостике, мы спустились на кормовую палубу, где наши жёны и дети вокруг бассейнов весело изображали безмятежных советских туристов. Самое интересное, что без «Солнцедара», которым как говорят англичане красили у себя заборы, а американцы распыляли над джунглями во Вьетнаме против партизан, это у них получалось хорошо, а мы, мужики, никак не могли органично включиться в это безмятежье. По поводу волшебного появления «Солнцедара» у КГБиста существовали две версии – Откуда у чекиста винище? Первая: это вино специально предназначено для этого дела и было закуплено ещё в Одессе. Вторая: КГБист, видя наше упорство в желание выпить, выпросил вино у капитана из его запасов. Хотя, нам до лампочки, чьё это вино – мы его получили и сейчас выпьем. Вольно невольно образовались компашки и семисотграммовые бутылки из тёмного, толстого стекла были опорожнены в рекордно быстрое время и первая бутылка, сверкая тёмными и стеклянными боками, полетела за борт. Только она плюхнулась в небольшие волны, как недалеко бодренько затарахтел двигатель небольшого катера и судёнышко с большой и густой металлической сеткой впереди устремилось к нашему кораблю. Подплыв к уже двум торчавшим гор-

лышкам из воды, сетка окунулась в воду под бутылки и, резво подняв их из воды, перекинула через себя в контейнер из под мусора. После чего катерок стал шнырять вдоль нашего борта, вылавливая из воды окурки, щедро летевшие из иллюминаторов кают, где были заперты бойцы.

Глядя на эту, постыдную для нас картину, невольно вспомнился годишней давности случай. Вечером, перед вечерней поверкой, я случайно зашёл в спальное расположение батареи и невольно прислушался к рассказу рядового Прошкина. Прошкин прослужил уже год, был старше других по возрасту на четыре года и до армии плавал в загранике на торговом флоте. И вот он рассказывал, что самый чистый порт, который он видел – это порт Сингапура.

– .....Вода чистая, никакого мусора там не плавает....., очень уж они за чистоту борются.....

Я тогда его поднял и как секретарь партийной организации дивизиона отчитал: – Не может быть, чтобы в капиталистическом мире было чисто. Тем более в Сингапуре, в этой сраной и нищей Азии.... Врёшь ты всё.

И вот сейчас я воочию видел подтверждение слов солдата, а не секретаря партийной организации. Перегнулся через борт и внимательно осмотрел поверхность воды. Потом перешёл на корму оглядел подводную лодку, и другие корабли, стоящие недалеко от нас. Да..., только от нашей «Аджарии» радужная плёнка от просачивающегося топлива, расплывалась по воде.

Посетовал и забыл. Выпитое винище, особенно на щедром и тропическом солнце, так же хорошо ударило по мозгам и мы, под пристальным взглядом полковника КГБиста, полностью отдались отдыху. Купались, фотографировались, общались с семьями. КГБист тоже внёс свою лепту в это дело и вместе с медсестрой жизнерадостно резвились в бассейне под любопытными взглядами наших жён. И было на что посмотреть – пара смотрелась отлично. Он высокий, стройный и мускулистый. Она тоже ему под стать – стройная, с весьма привлекательным и соблазнительным бюстом. Мы, мужики, по хорошему завидовали полковнику, для которого данная командировка на Кубу и обратно – отличный отдых и разлекаловка.

Через полчаса они удалились в каюту для продолжения активного и интересного отдыха в духе советского туризма, напрочь опровергая тезис, что – В Советском Союзе секса нет! А в наших, одурманенных алкоголем мозгах появилась «дурная» идея – Чего это наши бойцы сидят взаперти в каютах?

Сказано – сделано и через пятнадцать минут новая, мощная волна «советских туристов» запрудила все палубы корабля. Сначала многочисленная толпа «туристов» скопилась на корме и просто молча разглядывала подводную лодку. Здесь уже приготовление к отходу заканчивались. На нескольких машинах подъехало местное городское начальство и из машин на лодку понесли в картонных коробках подарки от города. Это были в основном местные деликатесы, от вида которых у всех нас потекли слюнки. Потом среди бойцов нашлись знатоки английского языка и когда КГБист вальяжно и удовлетворённо, ничего не подозревая, вышел на палубу с медсестрой он чуть не упал в обморок от того активного общения между нашими бойцами и английскими моряками снизу. И в этот пикантный момент ему надо было поступить умнее. Тихо вклиниться в толпу солдат и тихонько их оттуда выгнать, создав впечатление, что наверно русским туристам надоело общаться и они разошлись по каютам. Но полковник тупо сглупил. С руганью и матом он ворвался в толпу бойцов и стал их разгонять с кормы. И появление атлетически сложенного, подтянутого русского «туриста», с руганью разогнавшего толпу молодых «туристов», явно укрепило «простодушных и наивных» английских моряков во мнении «что тут, что-то не всё в порядке».

Бойцы плавно перетекли в другое место и теперь оттуда кучами глазели на военные корабли, откуда им тамошние моряки что-то кричали и махали руками. КГБист ринулся туда и там навёл временный порядок, но теперь часть солдат вернулись на корму, а другая переключилась на полицейских, бродящих под бортом «Аджарии».

Подводная лодка к этому времени закончила приготовление к выходу из порта. Но тут возникла проблема. Наш корабль встал очень близко от лодки и её теперь нужно было вытас-

кивать чуть ли не из под наших винтов. Мощный буксир вытащил лодку назад, пробуксировал её немного в сторону и отцепился. Вода за кормой забурлила и лодка, низко посаженная в воде, плавно тронулась на выход из порта. К этому времени скандал с выпуском солдат на палубу достиг своего апогея. На палубе появился подполковник Шкуматов, «заведённый» КГБистом, сам полковник и начальник эшелона стал собирать вокруг себя офицеров и прапорщиков, чтобы отдать приказ загнать личный состав обратно по каютам. Но было поздно. Все, члены семей, бойцы, столпились у бортов, с интересом наблюдая за манёврами британцев. Английская подводная лодка, к этому времени, тихим ходом подошла на расстояние сто метров к нам. На центральной рубке толпились офицеры, а на корме у флага застыл моряк в белой форме с огромной коричневой кобурой на ремне. Как только лодка поравнялась с кораблём, офицеры на центральной рубке и моряк у флага, как по команде повернулись в нашу сторону, приняли строевую стойку «Смирно» и, приложив руки к головным уборам, отдали воинское приветствие глазевшим на них «советским туристам», а КГБист закрыл глаза и бесильно застонал.

– Сволочи..., я на всех вас напишу рапорт, как вы своим бездействием сорвали скрытность переброски военнослужащих на Кубу... И на вас, товарищ подполковник, тоже напишу..., – злобно пообещал КГБист, повернувшись к Шкуматову.

Всё это: и проход подводной лодки мимо нас с отданием воинского приветствия и всю эту перепалку я сумел незаметно заснять на кинокамеру. Жалко только что она звук не писала, а то бы

можно было услышать, как Шкуматов зло прошипел в ответ: – Товарищ полковник, не забывайте что я тоже могу написать, как вы тут выполняли свои обязанности.... Умерьте свой пыл – они и так знали кто и куда плывёт на этом корабле....

Обменявшись злыми и едкими репликами, начальник эшелона и КГБист удалились во внутренние помещения выяснять и далее отношения, забыв совершенно про свободно болтающихся по кораблю личного состава.

А подводная лодка, приведшая в ужас чекиста, спокойно прошла, не отдавая никакого приветствия, мимо стоявших далее советских сухогрузов, уменьшилась в размерах и вскоре вовсе исчезла с наших глаз.

Оставшийся день прошёл в вялом слонянии по палубам, в периодическом купании в бассейне и под знаком банного дня. Все мылись и стирались в пресной воде, совершенно не думая об экономии, так как сразу же по причаливанию, корабль был подсоединён к водной магистрали города. Лишь вечером на ужине нашим жёнам пришлось пережить небольшой ударный шок. Мы думали, что как только причалим, так свободные от вахты моряки пойдут в город до вечера. Но никто из экипажа не пошёл на берег. Лишь сошли директор ресторанов, парт-орг, хорошо владеющий испанским и ещё кто-то с ними, для закупки продуктов и организации их погрузки. Из разговора с экипажем выяснилось, что сейчас на берег сходить просто не выгодно. Им платили суточные в валюте. И за девять дней там набежало лишь чуть-чуть, а вот на обратном пути будет уже приличная сумма и тогда с корабля сойдут многие. Мы, опять же из общения с моряками, знали, что в Санта Крузе есть куча комиссионных магазинов, которые с удовольствием покупали у советских моряков советские товары, которые потом с хорошей надбавкой перепродавали местным. Так здесь были в цене наши фотоаппараты с маркой «Ломо», особенно с олимпийской символикой. У меня как раз имелся такой фотоаппарат. Так вот его можно было сдать за 10-15 тысяч песет, а на эти деньги можно было запросто одеть и обуть семью из четырёх человек. Ценились и радиоприёмники «Океан», бинокли, кинокамеры. То есть всё, что у меня было сейчас в наличии и если через два года мне повезёт пойти через Канарские острова, то всё это можно будет неплохо сдать через моряков и здесь подзатарится. Моряки же на обратном пути сдав в комиссионки заготовленные товары и получив валюту на руки, тоже закупались. В основном, сейчас хорошо шёл модный материал... «Люстрин» что

ли... И по прибытию всё это тоже сдавалось в Одесские комиссионки с большой выгодой для сдавших.

Закупив продукты и обсудив все вопросы с их погрузкой, сошедшая троица прогулялась по магазинам и вечером директор ресторана вышла в зал в сногшибающих импортных шмотках, где из-под заводящей мужиков мини юбки, струились по длинным и стройным ногам колготки с искрящимися по бокам драконами.

Если мы, мужики, просто «раздели» её глазами и, мысленно облизнувшись, подумали о вечном (о чём думает мужик, глядя на кирпич), то наши жёны с чёрной завистью пожирали взглядами сверкающие колготки и страстно желали иметь на своих ножках тоже самое.

Примерно в десять часов вечера, корабль плавно отошёл от причала и уже через тридцать минут, только зарево над горизонтом напоминала о призрачном и сверкающем острове.

Последующий переход через Атлантический океан не запомнился ничем примечательным, за исключением нескольких моментов.

Появились «летающие» рыбы и с ними, вернее с их участием, произошёл смешной случай. Как бы они и не летали совсем... Просто в воде рыбы набирали скорость, выскакивали из воды и с помощью особых плавников, подобием крыльев, могли пролететь над водой от пятидесяти до ста пятидесяти метров, на небольшой высоте. Камбуз или ресторанный кухня располагалась на нижней палубе. Там тоже была небольшая открытая палуба и до воды было совсем чуть-чуть. И вот боец, с кухонного наряда вышел на корму с полным ведром, чтобы вылить за борт содержимое. И в тот момент, когда он плескнулся с кормы, одна из летучих рыб, размером с хорошую селёдку прилетела ему прямо в лоб. Неожиданный, резкий и ослепляющий удар, заставил выронить солдата ведро за борт, а сам он, опрокинувшись на спину, завopil в страхе, тонким голосом, переходящим в визг: – Ааааа..., ааааааяяяййй акулааааа..., акулаааа..., меня ударила хвостом акулаааа...

Я был дежурным по эшелону и в этот момент находился на кухне, поэтому выскочил к нему в числе первых, а увидев лицо солдата в рыбьей чешуе и в кишках минут пять хохотал вместе со всеми в полный голос. Переставал и вновь начинал хохотать, слушая лепет пострадавшего.

– Да..., да..., это была акула... Я плеснул за борт, а она меня в рожу хвостом как даст, – рассказывал боец, глядя на ржущие лица обступивших его людей. Кто-то подобрал останки летучей рыбы и сунул их под нос виновнику смеха, но тот твёрдой рукой отстранил от себя погибшую рыбу и продолжал талдычить про акулу.

Отсмеявшись и отчаявшись донести до него банальную истину, мы переместились на кухню, где я рассказал смешной случай уже из своей жизни, где пострадавший точно также был уверен на всю оставшуюся жизнь, что при копке могилы его в лоб пнул покойник.

Я тогда был пацаном и проживал с родителями в далёком таёжном посёлке Лопач, где располагался большой лагерь с заключёнными, отбывающими свой заслуженный срок. Такие посёлки и лагеря были временными и существовали лет двадцать-тридцать на одном месте, пока в окрестностях ещё была деловая древесина. Потом, как правило, они закрывались и создавались уже в другом месте. Поэтому своих кладбищ в таких посёлках не было. Умерших зеков хоронили тут же при лагере, под безымянными столбиками, без имени и фамилии. Лишь цифры на небольшой табличке указывали месяц, год и порядковый номер умершего. А умерший гражданский и вольный персонал возили хоронить за сорок километров в старинное уральское село Ныроб, на местное, такое же старое кладбище. И вот у одного из офицеров в лютую, морозную пору умерла старуха-мать. Надо было кого-то посылать в Ныроб, чтобы он на кладбище выбрал хорошее место и выкопал могилу. И этим делом занимался у нас местный пьянчужка Ваня Агишев. Маленький, сухонький, глава большой семьи, где одних детей было пять штук... Тут вкалывать надо, чтобы обеспечить всю такую орду, а Ваня пил, уходил в запои, поэтому охотно откликнулся на предложение офицера поехать в сорокаградусный мороз и

выкопать могилу. Тем более, что офицер с собой ему дал три бутылки водки, закуску и ещё 25 рублей. Да и ещё пообещал потом. Ваня двадцать рублей отдал жене, а с пятёркой и выданной выпивкой помчался на попутной машине в Нырб. Выбрал тихое и уютное место среди высоких тёмно-зелёных ёлок. Разжёл здоровое кострище, чтобы растопить промёрзшую землю и так и работал. Потюкает ломиком, выкинет землю, сделает пару глотков – закусит и опять потюкает. И суровый уральский мороз нипочём и работа двигается. Выкопав таким образом могилу необходимой глубины, Ваня решил подравнять дно могилы, благо там образовался непонятный земляной бугор, откуда торчал измазанный землёй угол какого то ящика. Агишев спрыгнул вниз, примерился и коротким ударом ударил ломиком по деревяшке. Эффект был мгновенный. На кладбище хоронили ещё со времён «царя Гороха» и кладбище было перенаселено. Вот Ваня, сам того не зная, и раскопал старинную могилу. Гроб был сколочен на совесть и из образовавшейся дыры вырвался скопившийся за века трупный газ, вырвался с силой, выкинув в образовавшуюся дыру мусор из полусгнивших остатков одежды, щепки и даже старый, полустлевший ботинок. Что уж с испугу и по пьяни привиделось на тот момент Агишеву одному богу известно, но он мигом выскочил из могилы и, не видя перед собой ничего, ломанулся сначала по густо заросшей ёлками части кладбища, потом вырвался на поле, на противоположном конце которого виднелись избы. Рядом, в ста метрах от летящего по глубокому снегу Ваньки, проходила широкая, уезжанная дорога с оживлённым автомобильным движением, соединяющие две части Ныроба и можно было туда свернуть и бежать по лёгкому, но испуганный и бывший в ужасе Агишев, мчался по снежной целине, раскидывая снег как бульдозер, оставляя даже небольшие отвалы по бокам борозды, а удивлённые пассажиры автомобилей с любопытством разглядывали бегущего в снегу и с азартом гадали – Сколько бедняга принял на грудь?

В доме, куда ввалился Ваня и упал без памяти на пороге, гулянка была в самом разгаре. Мужики, хорошо подогретые водкой, подняли забежавшего и быстро привели того в чувство, дали выпить стакан водки и только после этого нежданный гость смог рассказать, как он копал могилу, выкопал гроб и оттуда выскочил покойник и пнул его ногой в лоб. Лоб действительно был разбит, но хороший водочный перегар и безумный вид Агишева навевал мысль о «безумной Белочке», неожиданно посетившей мужика. Потом Ваня рассказал, как покойник бежал за ним по кладбищу и отстал только на поле. Мужики вышли на крыльцо – прямая и широкая борозда на поле, уходящая на кладбище, слегка развеяла сомнения в правдивости и мужики, лихо намахнув по стакану водки, решили сходить и поглядеть на такого наглого покойника. Вооружившись чем попало, по той же самой борозде и пошли. Нашли место, где Ваня разбил себе лоб. Даже показали ему ёлку и место, куда он въехал головой.

– Нет..., – не верил Ванька, – я точно помню, как он пнул меня ногой в лоб....

Нашли могилу – дыра в гробу, гнилой ботинок и прочий мусор и ни следа покойника....

– Нет..., был покойник, – твердил Ванька, но мужики от мороза стали трезветь, а дома ждала водка и ядрёная закуска и они утащили с собой Ваньку. Это для него была последняя пьянка. До того было сильное потрясение, что Агишев завязал вообще с выпивкой и с той поры стал примерным семьянином, но до конца жизни был уверен – что его покойник пнул ногой в лоб....

Вторым хохмачём на корабле был наш медик. Майор, сумел найти выход на выпивку, а может это было у него затарено заранее. И вот он намахнёт, выйдет на палубу и начинает всем нашим женщинам рассказывать, что он только что видел перископ английской подводной лодки, которая пасёт нас от Канарских островов. И что лодка находится в готовности к торпедной атаке... Раз предупредили – Не хохми..., второй раз... Не понял. После третьего раза, он понял – либо ему офицеры и прапорщики набьют банально рожу, чтобы не пугал баб. Либо..., вот этого либо он больше всего и испугался.

Да..., ещё парторг корабля устроил шахматный турнир между воинским эшелоном и экипажем и к его горькому разочарованию солдаты, офицеры и прапорщики позорно разгромили экипаж.

А так погода стояла отличная, мы наслаждались нечаянным отдыхом и с нетерпением ждали окончания рейса. Я, ночами, уложив своих спать, выходил на палубу, ложился в шезлонг и любовался, усыпанный яркими звёздами небом. Ставил рядом радиоприёмник, он как раз с середины Атлантики стал ловить радиостанции с островов Карибского моря и теперь с удовольствием слушал испаноязычную речь с ихним раскатистым *PPPPPPrrrrrr... – Appppppp-риБооооо...*

И вот наконец то показался берег Кубы. Правда, это была провинция Сантьяго де Куба и до Гаваны плыть ещё два дня и тысячу километров. Но всё равно это была уже Куба, хоть и в виде размытой полоски земли на горизонте. Всем уже слегка надоело это путешествие и все теперь с нетерпением ожидали свидания с островом Свободы.

И это свидание наступило. До Гаваны оставалось часа два ходу и мы уже плыли в двух километрах от берега, где виднелись настоящие, высокие пальмы, широкие песочные пляжи с белоснежными пенными волнами, чистые и аккуратные посёлки и городишки. Всё это, с большого расстояния, казалось красивым и прекрасным. И чем ближе к Гаване, тем нам казалось всё красивее и красивее. Вот и Гавана. Перед нами раскинулась прекрасная панорама латиноамериканского города с одной из самых красивейших набережных мира. Небоскрёбы, старинные здания, пальмы, памятники на набережной, оживлённые улицы и проспекты стекающиеся к океану с одной стороны и величественные бастионы средневековой крепости Моро с другой стороны, своими старинными пушками, контролирующие узкий проход в чашу порта, где толпилось множество кораблей под разными флагами. И в который раз, после Канарских островов и порта Санта Круз я вспомнил рассказ своего бывшего подчинённого рядового Прошкина. Чем ближе мы подплывали к порту, тем сильнее был запах фекалий. Наш белый корабль величественно прошёл между набережной и крепостью и стал тихо приближаться к назначенному нам грузовому причалу и длинному ряду пакгаузов закрывающих припортовую улицу Гаваны. Тихий толчок и корабль замер у бетонной стенки. Мы повисли на бортах, глядя на толпу гражданских, явно ожидающих наш корабль. Уже познакомившись с южным солнцем, мы ожидали увидеть до черна загорелых соотечественников, но к нашему удивлению все они были лишь слегка загоревшими. Они также, с любопытством задрав головы, рассматривали нас. А так больше рассматривать и нечего было. Только спустился трап, как на борт корабля поднялись кубинские таможенники и нагруженные лёгким водолазным снаряжением кубинцы-водолазы. Они должны сейчас были опуститься под воду и осмотреть днище корабля. Что они там смотреть будут не знаю, но меня и не только меня вдруг брезгливо передёрнуло – *Брррррр...* Вода в порту была загажена до предела и имела коричневый вид плохого кофе. А вдоль корабля и по всей поверхности воды во множестве плавали какашки. И туда им надо было спускаться. Но водолазов это не смутило и через десять минут они уже жизнерадостно нырнули в отвратительную муть. Таможенники тоже особо себя не утруждали. Что-то там подписали и быстро удалились, а по громкой корабельной связи нас пригласили на выход. В это время наши подписанные чемоданы и крупногабаритный багаж, солдаты из прибывшей разгрузочной команды, стали таскать на пирс и грузить на военные грузовики. При себе мы имели лишь сумки и лёгкий, самый необходимый груз и поэтому мы довольно непринуждённо спустились на пирс и стали садиться в подогнанные автобусы.

Вот оно. Конец нашего путешествия, которое будет помниться всю жизнь и день прибытия 21 ноября 1986 года тоже.

Глава вторая

– Мне сказали, что вы старший лейтенант Цеханович...

– Да, – передо мной стоял мужчина лет тридцати пяти – сорока, в гражданке, среднего роста, худощавый, глядящий на меня внимательными и спокойными глазами. – А вы кто такой?

Тот слегка усмехнулся и спокойно отрекомендовался: – Я ваш начальник, подполковник Подрушняк, начальник Учебного центра «Д».

Мигом принял строевую стойку и представился по форме: – Товарищ подполковник, старший лейтенант Цеханович.

– Хорошо, – удовлетворённо произнёс мой начальник и мы обменялись рукопожатиями.

После чего подполковник опять спросил, – На какую должность прибыл – Знаешь?

– Никак нет, но предполагаю на командира взвода.

– А что тебе не говорили?

– Ни как нет...

– Хм... А испанский язык хорошо знаешь?

– Ни как нет. Хорошо знаю немецкий язык.

– Как не знаешь? – Внезапно сорвался Подрушняк, сразу потеряв всё спокойствие, – я ведь специально звонил в кадры, в Москву, чтобы мне прислали начальника разведки со знанием испанского языка.

– Оп па на..., а я оказывается начальник разведки. Неплохо..., неплохо..., – замелькала у меня очень положительная эмоция, а в это время, слегка потеряв над собой контроль, Подрушняк продолжал разоряться.

– Блядь..., сидят там в Москве, жопы поотрачивали и ими наверно и думают. Кадры ещё называется, сукиииии....

– Товарищ подполковник, – решил подсластить пилюлю и одновременно успокоить начальство, – да я его выучу только так. Я немецкий в школе уже знал на пять, а в Германии только его шлифовал. Так что испанский на основе немецкого быстро выучу.

Я врал, врал нагло и уверенно. В школе, как и у всех немецкий шёл туго и экзамены в десятом классе по иностранному языку сдал только чудом. Конечно, служба в ГСВГ неплохо подправила знания языка, но вот такое уверенное заявление было чистой воды профанация. Я смотрел на подполковника открыто и твёрдо, а Подрушняк, ощущая что его обманывают и, понимая, что сейчас он ничего не может сделать этому вралю, взорвался выплеском беспомощной эмоций.

– Товарищ старший лейтенант, если вы через полгода не сдадите экзамен по испанскому языку, я вас отсюда отправлю в Союз за свой счёт и вашу семью тоже. Всё что здесь заработаете – всё пустите на билеты.

Всё это я уже слышал буквально несколько минут назад при знакомстве с командованием Учебного центра.

Слова «Нельзя», «Запрещено», «Высокая миссия советских людей, находящихся на Кубе», «Долг и Должны...», красочные и многозначительные обещания различных последствий, если эти слова и понятия не будут нами выполняться и будут нарушаться, причём «отправка в 24 часа за ваш счёт» звучали математической аксиомой в устах начальника Учебного центра полковника Затынайко, который проводил с нами ознакомительную беседу.

– Ерунда всё это. Ну..., не сдам...., так переведут тогда взводным да и всё.

Выплеснув негативные эмоции, Подрушняк пробурчал: – Ладно, с этим потом. Где твоя семья?

– Вон стоит, – кивнул в сторону.

Подполковник махнул рукой на стоящий недалеко УАЗик: – Моя машина, около неё старший лейтенант Беспалько. – Около автомобиля мялся крепыш, среднего роста, в гражданке, с круглой, коротко постриженной головой.

– Сажаешь туда свою семью и он везёт на квартиру. Старый начальник разведки уезжает через десять дней вот и въедешь потом в его квартиру. А пока поживёшь вместе с Беспалько. Для вас там уже всё приготовлено. А ты в это время, давай дуй на плац и проконтролируй доставку своих вещей домой. Там, в принципе, всё знают, но не помешает приглядеть. Он же тебе потом и скажет, чем займёшься завтра.

Мои уехали, я пообщался ещё немного с начальством, а потом направился на плац. Там уже половину вещей увезли, но мои ещё были тут, кроме одного здорового чемодана, поисками коего и занялся. Всем здесь распоряжался капитан-танкист и он успокоили меня: – Находишь здесь. Разберёмся.

Так прошло ещё пару часов. Последние чемоданы загрузили и машина, рыкнув мотором уехала. Я остался на плацу один.

– Чёрт поberi. Что делать? – Чертыхнулся и задумался. Ни капитана, ни моего чемодана. Куда идти? Где моя семья?

Особо не переживал. И чемодан найдётся и скажут, где моя семья. Но всё равно..., как то не то во..., – ладно, подожду для контроля ещё минут пятнадцать и пойду искать оперативного дежурного.

Через пять минут, как принял такое волевое решение, на плац медленно заехала грузовая машина и, сделав большой круг, остановилась на другом конце плаца, откуда вылез прапорщик и стал оглядываться. А увидев, что тут ещё кто-то всё-таки есть, решительно направился ко мне.

– Вы, старший лейтенант Цеханович? – Ещё издали спросил он.

– Да...

– Давайте садитесь и поедem в репарто Электрик, туда по ошибке увезли ваш чемодан. Заберём и я вас увезу домой.

В кабину я отказался садиться, решив проехать в кузове и оттуда, без расспросов, спокойно поглядеть на Кубу. Когда ехали в автобусе с порта, особо не пришлось смотреть в окошко, а больше смотрел за женой. Она у меня была в положение, уже третий месяц и этот пресловутый токсикоз мог сыграть свою плохую шутку. В семьдесят восьмом году мы в таком же положение с женой отдыхали в Одессе и она там внезапно вырубилась в битком набитом трамвае. И вот я её оттуда выносил. Поэтому был настороже.

А сейчас ехал и с удовольствием осматривал незнакомые окрестности и они мне нравились. Сначала по обеим сторонам дороги тянулись густые и колючие заросли, за которыми подымались, на мой ещё не замыленный взгляд, одиночные экзотические пальмы, пальмовые рощи и целые кущи растительности, густо покрывающие холмы, отдельно стоящие дома и целые улицы непривычной архитектуры. Мелькнула дорожная табличка с надписью Managua и мы заехали в небольшой городок. На большом окраинном и оживлённом перекрёстке свернули налево, вырвались из населённого пункта и помчались дальше, а через пятнадцать минут въехали, наверно в этот посёлок репарто, потому что поплутав немного по улицам, мы остановились перед четырёхэтажным, панельным домом. Я соскочил из кузова и за старшим машины поднялся на второй этаж и зашёл в квартиру, где увидел растерянного Юрку Лукина. Тот бродил по двухкомнатной квартире вместе с такой же растерянной женой, не зная за что схватится.

– О, Боря, тут у нас твой чемодан по ошибке привезли... Забирай...

Я остановился и огляделся. Нормальная двухкомнатная квартира, только на окнах не было стёкол, а одни деревянные жалюзи. Как я успел заметить, стёкол здесь ни у кого не было. На полу вместо привычного деревянного пола, плитка под мрамор.

– Ну, как вы тут?

– Как, как? Вот так... Дети хватанули чего пожрать в руки и умчались на улицу с пацанами местными знакомиться. А мы с Таней не знаем за что взяться. Вот сам смотри – тут всё для жизни есть. И холодильник... Во..., весь забит продуктами. Тут мой заменщик постарался и полностью всё приготовил для нас и постельное, и продукты... Ну, короче, всё... И выпивка видишь стоит..., кубинская. А через час он придёт за нами и пойдём к нему в гости ужинать. А ты как устроился?

– Да ни как. Жену и сына увезли, а куда не знаю. Вот сейчас чемодан заберу и вот товарищ повезёт...

– Нормально, нормально вы тоже устроились, – вмешался прапорщик, – даже может быть лучше, чем здесь. Поехали...

– Ну ладно, Юра, я погнал... Слушай, а ты куда попал?

– Начальником склада в какую-то реактивку.... А ты куда?

– А я начальником разведки в учебный центр «Д».

Старший машины рассмеялся: – Да вы в одно место попали....

Обратно я уже ехал в кабине, решив пообщаться с прапорщиком. Познакомились.

– Слушай, Андрей, ты сказал что у меня квартира лучше чем у моего товарища. Что хоть за хата?

– Да как тебе сказать... Ведь везде есть свои плюсы и свои минусы. У меня в городке при бригаде, точно такая же квартира в таком же доме. Причём, нормальная квартира, но я бы только ни минуты не думал: если бы предложили, сразу бы поменялся на твоё жильё.

– Во как.... Что ж тогда за жильё такое? Заинтриговал...

– Жить будешь в Манагуа....

– Это городок, что мы проезжали?

– Да, только не в нём самом, а в полутора километрах в кубинской деревне Франк Паис, но мы по привычке называем Манагуа. Тут недалеко, до революции, американская база была, так там семейные американские сержанты жили, а теперь советские офицеры и прапорщики. Там нормально. Поел и с чаем или пивом выходишь на мраморную террасу, садишься в кресло качалку и балдеешь... Кругом пальмы, баобабы – Красота. А у меня выйдешь на балкон... Ну и что увидишь? У вас там хорошо..., – мечтательно произнёс прапорщик.

– Впрочем, сам увидишь...

Было темно, когда мы подъехали к моему временному жилищу и действительно, подсвеченные уличными фонарями пальмы, огромные деревья (баобабы наверно) и экзотичная растительность, среди которой летали светлячки, гляделось всё это классно. Меня ждали и жена с облегчением перевела дух, увидев чемодан в моих руках.

Наш дом и такие другие дома по обе стороны улицы, или как я уже знал по-испански – Каса, имели одинаковые кубические формы с плоской крышей. От дороги к дому, и действительно к террасе, тянулась асфальтовая дорожка. На террасе, выложенной крупными плитками, имитирующей зеленоватый мрамор, стояли два кресла-качалки, где в одной сидела жена, а во второй молодая, красивая деваха в лёгком полупрозрачном халатике. Это оказалась жена старшего лейтенанта Беспалько – Галя. На шум вышел и сам старлей в шортах и майке. Познакомились, его звали Василий. Тут же меня завели и познакомили с временным жилищем.

– Не совсем удачная здесь планировка. У тебя Каса, куда ты переедешь, будет получше. Там несколько другая планировка. А здесь вот....: наша с Галей спальня, вот ваша комната. Это кухня. У вас вообще кухня большая и посередине большой мраморный стол. Классненько так.... Здесь общая комната, а это холл. Да вот тут второй вход на мойку. Вот и всё хозяйство. На вас продукты, вашим заменщиком, получены и всё вот здесь. Постельное бельё тоже в вашей комнате, а всё остальное там уже передаст заменщик. Ну, а теперь давайте за стол, тебя только, Борис, ждём.

Пужинали, немного выпили. Чета Беспалько нам с женой понравилась. Были они оба с Украины, что очень чётко прослеживалось во всём, но простые. Правда, держались они несколько напряжённо и скованно, причин чего я не мог понять. Было уже достаточно поздно, и после ужина, сытые и переполненные впечатлениями, жена и сын ушли спать, а я с Васей вышел на террасу, где мы удобно расположились в качалках. Я думал, что сейчас сумею порасспросить поподробнее о жизни и службе, но не получилось. Василий отделялся общими словами, уходил от ответов, как будто боялся ответственности за свои произнесённые слова или сболтнуть чего лишнего. Всё говорил, что он командир взвода, а начальник разведки это совершенно другое. Хмыкнув про себя, я перестал спрашивать, а Вася, сославшись на ранний подъём, ушёл спать. Мне же спать не хотелось совсем. Налив в большую кружку горячего чай, снова упал в качалку и стал созерцать уже ночную жизнь Кубы. Посёлок Франк Паис, или как наши называли Манагуа, находился в метрах в восемьсот от оживлённой автомобильной трассы, связывающей Манагуа и соседний город Сантьяго де лас Вегас. Поэтому шум от проезжающих машин практически не доносился. Посёлок был большой, в несколько улиц. Наших улиц здесь было три, где проживали советские с семьями. Василий говорит, что здесь, с нашими, проживало ещё пару семей кубинских офицеров. Улицы без привычных для русского взгляда заборов были широкими и чистыми, с короткой и жёсткой травой. Среди домов стояли пальмы с широкими кронами и несколько крупных и высоких деревьев. Кое-где виднелся невысокий кустарник, среди которого летали яркие и крупные светлячки. За посёлком виднелось что-то типа леса, откуда доносились громкие крики и клики незнакомых птиц. На чистом, звёздном небе светила яростная и крупная луна, такие же яркие звёзды, создавая для меня сюрреалистическую картину. Пока ещё очень непривычную для меня. В таком балдеже прошло около часа. Посёлок к этому времени совсем отошёл ко сну и я тоже собирался через некоторое время идти спать, как увидел мчавшегося огромным прыжками, явно в мою сторону, здорового мужика в военной форме. Слегка насторожился, подобрал под себя ноги, чтобы мгновенно вскочить и встать в стойку. Но тот подбежал к террасе и сам остановился, с любопытством разглядывая меня. Это был явно русский, хоть и в диковенной, серой камуфлированной форме, никогда мною не виданной.

– Ты кто такой? – Спросил он.

– Я, Цеханович. А ты кто такой?

– А я Цикрович. Ты мой заменщик. Меня Игорем зовут.

Я назвался и мы и обрадовано пожали руки, а Игорь тут же устроился рядом в соседней качалке.

– Борис, ты извини меня, но по традиции каждый должен встречать своего заменщика, устраивать его... А мне, как назло сегодня нарежали задачу и я только что освободился. Давай бери свою жену и пошли ко мне. Там моя жена накрыла стол. Посидим, выпьем. Познакомимся. Я введу тебя в курс дела, а моя твою жену введёт.

– Валя..., Валя..., – я не без труда разбудил жену, – Валя, заменщик пришёл и приглашает нас в гости. Пошли, познакомимся и пообщаемся.

Жена сонно заворочалась в постели: – Сколько времени?

– Двенадцать часов...

– Я спать хочу. Ты иди, а я посплю, – и жена, уронив голову на подушку, снова ровно задышала. Пожав плечами, я вышел из дома и направился за Игорем.

Действительно, моё будущее жилище было несколько другое, более удобной планировки, чем у Василия и терраса – она была несколько выше, отчего казалась более удобной. И кухня с мраморным столом мне тоже понравилась. Даже то, что в небольшом холле стояло высокое и большое, старинной работы зеркало, тоже выгодно отличало дом. В холле у накрытого стола хлопотала жена Игоря – Марина. В касе жила ещё одна семья старшего лейтенанта Руднова, но их видно не было и мы одни сели за стол. Выпили и потёк неспешный разговор. В

отличие от Василия и Гали Беспалько, Цикровичи показали себя радушными и открытыми людьми, охотно и откровенно отвечали на все мои вопросы. Посмеялись и над сдержанностью Беспалько.

– Вася с Галей нормальные. Не обращай внимание. Правда, Вася несколько деревянный, но нормальный мужик, а то что они с вами себя держали несколько напряжённо, так это понятно. Они хотят пожить одни в касе и боятся, что вместо вас в этот дом вселят кого-нибудь других, а вас оставят с ними. Вот и дёргаются.

Цикровичи в свою очередь жадно расспрашивали про жизнь в Союзе и их можно было понять. Уезжали они сюда из махрового Советского Союза, а возвращались в перестроечную страну. Информацию о которой черпали только из газет. А кубинское телевидение несколько в искажённом виде преподносило информацию о событиях в СССР и вообще на Кубе очень негативно отнеслись к Перестройке.

Пообщавшись на общие вопросы, мы через час с Игорем переместились на террасу. На столик между качалками поставили водку, пиво, закуски. Марина тактично удалилась, давая возможность откровенно поговорить о службе.

– Давай теперь, Игорь, расскажи так по подробенько – Что за подразделение, где придётся служить? Чем буду заниматься? За что отвечать? Что за коллектив? Как и чем здесь живёте?

Игорь усмехнулся и потянулся к пиву: – Давай сначала промочим горло и начну рассказывать.

Бутылочное пиво оказалось неплохим, хотя как сказал заменщик, там полно глицерина. Выпив по бутылочке, я приготовился слушать.

– Служить ты будешь в 7ой отдельной мотострелковой бригаде. Но это секретное наименование. В шестидесятых годах, после Карибского кризиса, Хрущёв и Кеннеди подписали документ, где в том числе говорилось, что на Кубе мы не имеем право держать наши части. Поэтому наша бригада и громко называется «Учебный центр». Мы, якобы, здесь обучаем кубинских военнослужащих правильному обслуживанию техники и организации боевой подготовки. Ну и другим делам. Как и в любой бригаде, здесь имеется три мотострелковых батальона с наименованиями – тройка, четвёрка и двадцатка. Тройка и четвёрка в нашем городке. Он называется Нарокко, а двадцатка в другом городке – Торренс. Есть танковый батальон, наш реактивный дивизион. Мы тоже в Нарокко стоим. Есть ещё гаубичный дивизион. Он в Торренсе, вместе с двадцаткой. Ну, само собой, отдельные подразделения. Разведрота, зенитная батарея, рота связи, здоровенная рота материального обслуживания. Там около 240 человек. Рем рота, коменданчи. Да... ещё мощнейший мед. пункт. Хлебозавод и особый отдел. Всего нас тут около двух с половиной тысяч человек. Ещё отдельно учебный центр Алькисар. Там пехота проводит стрельбы и ещё Гуанабо. Это на побережье десять человек и прапорщик старший. Они в основном обслуживают и охраняют наш пионерский лагерь, посольский лагерь и дачи Главного военного советника и других шишек.

Так вот все батальоны и дивизионы идут тоже под наименованием учебного центра, но только с литерами. Так наша реактивка называется «Учебный центр Д».

Исходя из этого, у тебя обязанности и служба, как в обычном армейском дивизионе. Но тут есть свои особенности. Помимо наставлений и боевого Устава, где всё расписано, есть секретная инструкция, чем ты ещё занимаешься, помимо остального. У тебя какие задачи на завтра?

– Вася сказал, что завтра получаю форму, оборудую её и до конца дня обустройство на месте. А послезавтра принимаю должность.

– Хорошо. Вот послезавтра ты с инструкцией и познакомишься. Принимать тебе то и нечего. Всё висит на начальнике связи старшем лейтенанте Юртаеве. Он же командир взвода управления дивизиона и твои разведчики в порядке внутренней службы подчиняются ему.

Естественно и техника вся на нём, в том числе и БТР командира дивизиона и топопривязчик. Чисто номинально это твоё, но всё опять же висит на Юртаеве. Так что приём должности уложится в пару часов.

Чем будешь заниматься? До тебя тоже доведут. Единственно, что сейчас точно могу сказать – ты будешь отвечать за назначение наряда по учебному центру.

– Теперь что касается по коллективу. Тут свои нюансы. Значит управление. Начальник -подполковник Подрушняк. Ты с ним уже сталкивался и интересно, какое у тебя сложилось первое впечатление?

– Нормальное, спокойный...

– В принципе, так оно и есть. Спокойный. Без дела не орёт. Грамотный. Всё обдумает, а потом действует. Но он закрытый, сам себе на уме и в управлении держится особняком. Никого к себе старается не подпускать. Так что тут всё нормально. Начальник штаба майор Захаров. С этим ты сработаешься запросто. Конечно, как начальник штаба он несколько безалаберный, но в остальном с ним можно «кашу сварить», а вот зам по вооружению майор Карпук – тот гнилой. Служил в Афгане, кем правда никто не знает, но очень этим кичится, смотрит на всех свысока, типа – я войну видел, а вы что в своей жизни видели? С ним ни в какие дела не вступай. Крутит он тут хитрые дела, но чувствую влетит и влетит капитально. Замполит – капитан Плишкин, тоже ещё тот гусь. Вот кого надо остерегаться. Внешне открытый, мягко стелет, но тут же тебя может сдать. Были уже прецеденты. Уважением среди офицеров не пользуется. Да и среди личного состава тоже. Поэтому будь с ним осторожнее, не попадай ему на крючок. Зам по тылу, майор Головкин. С ним тебе придётся по минимуму общаться. Тот крутится в своей тыловой каше. Тоже крутит дела, но по умному. Но туда тоже лучше не лезть. Плюс твоей должности, что ты сам по себе и задачи у тебя будут несколько другие. Начальник связи Николай Юртаев. Деловой, на своём месте. Ты с ним сразу найдёшь общий язык. Да ещё первой баркой прибыл новый комсомолец, капитан Кораблёв. Вроде бы ничего мужик, но не приживётся он у нас. Чего-то сразу полез не в те дела, какие нужно. Хотя бы на месяц, два притих, пригляделся к раскладу и тогда дёргайся... А он сразу. Ну, это его дело. Кого я тебе ещё не охарактеризовал? А, ещё есть финансист. Но старый сейчас уезжает, а вместо него придёт последней баркой новый. Да ещё есть секретчик, прапорщик Ламтев... Николай. Прослужил здесь полтора года и теперь считает себя «дедом Карибского бассейна». Соответственно этого звания и ведёт, как последний дебилый дембель. Будет под этой маркой подъезжать к тебе, так ты на это фанфаронство не обращай внимание. Дурачок, хоть и здоровый. Вот такое разношёрстное у нас управление. Подразделения у нас живут сами по себе, своими коллективами. Ребята нормальные, но у каждого свои тараканы в голове. Из них бы я выделил СОБа второй реактивной батарее старшего лейтенанта Мельникова. Серёга толковый офицер, мужик с юмором и надёжный. Одессит. Вот с ним можно делать любые дела.

– Ну вот, хоть какой-то расклад появился. Так, давай теперь проясни мне насчёт жития-бытия. Как тут? А то перед отъездом с гарнизона мне дали почитать письмо жены одного офицера с Кубы. Пишет что здесь полнейшая нищета. Ничего нет. И что даже волосы помыть – шампуня нет.

– Фамилию жены этого офицера не помнишь?

– Не..., не помню. Знаю только что они должны вот сейчас отсюда уходить и он зенитчик.

– Тююю..., так я его знаю. Зенитчики рядом с нами стоят и там только он один сейчас уходит и по-моему даже на Аджарии. Тогда понятно, почему такое нытьё. Ни он, ни его жена крутиться тут не могли, вот и зачухонская жизнь у них и была. А чтоб ты правильно всё здесь понял, сначала расскажу про Кубу.

Так вот. До революции Куба была большим публичным домом для Америки и здесь ничего не производилось. Ну, может быть сахарный тростник да табак выращивали. Говорят, даже молоко завозили с Америки. Единственно, чему они научили кубашей делать, так это

строить дороги. Дороги у них тут гораздо лучше, чем у нас в Союзе. Так вот за двадцать пять лет после революции тут мало что изменилось в этом плане. Промышленность развита слабо, магазины пустые и у кубинцев в жизни есть только две проблемы – что пожрать и что одеть. Народ весёлый, но бестолковый. Им бы только веселиться и танцевать. Это они умеют хорошо. Да..., так вот. Вся бытовуха для жизни завозится сюда из Союза и стран социализма. И если, например, на Кубу не завезли вовремя фотоплёнку, то хоть тресни – её на острове не найдёшь. Ну, кроме как в валютном магазине. Там несколько другое снабжение. Каждый день в порту разгружается до двадцати кораблей с различными грузами и товарами. Но это в основном техника. Это я тебе так рассказываю, чтобы потом ты не удивлялся. Второй момент. Когда Фидель к власти пришёл, он решил кормить всё рабочее население на производстве. Я там не знаю как насчёт завтраков и ужинов, но обед стабильно на работе. Питаясь таким образом вот столько лет, кубинцы обленились и растеряли национальную кухню. Им, по крайней мере в нашей местности, стало проще пойти к русским и купить у них консервы и другие продукты, которые в их магазинах дефицит, чтобы только самим не готовить. Особенно в субботу и воскресенье, когда выходные дни. Это так тебе для завязки сюжета. Теперь тебе вопрос. Раз ты читал письмо жены зенитчика, то наверно багаж с собой привёз?

Я тяжело вздохнул: – Игорь, ты уезжал сюда на Кубу из Союза был бардак на железной дороге, так он и остался. Багаж то я собрал, три здоровенных ящика с обувью и одеждой. Ношенное, но приличное. Так, блин, за неделю до Одессы не дошло. Вроде бы с начальником пересылки договорился, что он получит и отправит сюда. Но, честно говоря, не знаю. Вот такая хератень...

– Да..., хреново. Но не трагично, если багаж и не придёт сюда. Тоже бедствовать не будешь, если крутиться будешь. Смотри на чём тут можно неплохо жить. Здесь ты будешь получать 25 песо. Даже по кубинским меркам – это нищета. Так..., несколько кружек пива и пару порций мороженого. Но в нашем городке есть магазин для офицеров и прапорщиков. Там тоже не особо богатый ассортимент, но цены копеечные. Там в основном покупают одеколон «Шипр» и «Тройной». Кубинцы от этого одеколона прямо балдеют. Он там стоит совсем мизер, а кубинцы у тебя его покупают за 15 песо. Это почти два с половиной доллара. 6 песо – 1 доллар. Потом если у тебя жена шьёт...

– Шьёт, шьёт. Мы машинку с собой привезли.

– Ооо..., это нормально. Так в магазине можно закупить по дешёвке материала и шить юбки, трусы. Тоже хорошо расходятся. Ты куришь?

– Нет.

– Ничего, будешь как курящий получать сигареты и продавать их. Тоже неплохой навар получается.

– Слушай, слушай, Игорь, погоди... Ты всё говоришь – продашь, продашь... Это как? Что я, офицер, должен куда-то идти и сдавать или продавать? Как это?

Игорь рассмеялся: – Ты сегодня не успел увидеть, а вот завтра всё и увидишь. Никуда не надо идти. Кубаши сами придут к тебе в касу и всё скупят. Вот тебя переодели в Одессе в гражданку, так завтра её и продай всю. На эти деньги в валютном магазине ещё лучше и моднее купишь. А через год тебе опять выдадут гражданку и её тоже продавай. То что ты привёз кондишен – молодец. Продавай его, а с местной комендатуры, мы её «Проблемой» называем, тебе обязаны выдать кондиционер.

– А что за комендатура такая?

– Там, у нас в городке, есть кубинская комендатура. По сути дела это военное квартирно-эксплуатационная служба. Ну..., а у кубинцев называется комендатура. Они ведают твоими бытовыми условиями. Выдают телевизоры, холодильники, кондиционеры и другое. Это же ремонтируют, если поломаются.

– Дальше. Офицерам и прапорщикам выдают тропический паёк – это очень усиленная пайка. Мяса столько дают, что даже не успеваешь съесть его за месяц, я уж не говорю за крупы и консервы. Половину пайка смело можно продавать. И самый основной источник дохода это ленточки.

– Что за ленточки?

– Шёлковые ленточки, какие девочки заплетают себе в косички. Здесь их нет и не производятся. А косички заплетать надо. Одна ленточка стоит 7-8 песо, это в зависимости от цвета. Скупают разом и всё. Два метра проглаженной утюгом ленточки, почти незаметно лежит в почтовом конверте. И в день по почте получают от семи до пятнадцати, а у кого больше, конвертов с ленточками. Рекордсмен у нас тут замполит. Он получает по сорок конвертов в день и на почту приходит с портфелем. Почта работает четыре дня. Вот и считай – сколько можно заработать на ленточках? Простой подсчёт говорит, что замполит на ленточках в месяц имеет 750 долларов. Это только на ленточках. У него жена... Блин, красивенная баба – ещё та спекулянтка. Торгуеет... И кликуха у неё такая же – «Купи-продай». Так что всё нормально, прорвёшься. В остальном сам разберёшься.

В таком разрезе мы ещё общались и дальше, не забывая прикладываться к спиртному, и когда я уходил от заменщика, то был очень хорошо «под шафе».

Я брёл по улице, слегка покачиваясь, но при этом не переставал любоваться экзотикой, которая от выпитого воспринималась ещё ярче и цветистее. Я балдел, щенячье восхищаясь и крутя головой, как ребёнок радовался каждому светляку, пролетающего мимо ярким фонариком. За одним погнался, нелепо и бестолково махая руками, сумел его всё-таки словить и попытался разглядеть – Что ж там у него в жопе так ярко светит?

Но мои увлекательные исследования были грубо прерваны ядовито-язвительным смехом. Увлёкшись поимкой светляка, не заметил как оказался около своего дома и стоял перед террасой, где сидела в качалке жена. Закончив саркастически смеяться, она обвинительным жестом ткнула в мою сторону пальцем: – Даааа..., прошло всего несколько часов, как ты приехал в деревню. Нет и суток как мы на этом острове. Денег нет, знакомых и друзей тоже нет – но вот как ты и где нажрался...? Вот это непонятно. Волей неволей начинаешь гордиться русскими мужиками. Вот ни один иностранец в таких условиях не смог бы в такие рекордные сроки найти водяру.

– Ну, Валя, ну чего ты..., – примиряющее начал тянуть я, – я ж тебя будил и говорил, что заменщик к себе зовёт. Ты не хотела идти, вот я у него и усугубил немного. Так что...

– Будить лучше меня надо было. Пошли спать.

Утро началось с небольшого трагикомического происшествия и с последующей суматохой. Как говорил Вася Беспалько, он рано утром уехал на подъём и с ним уехала Галя, по своим делам. Поэтому утром мы были полноправными хозяевами в доме. Взяв принадлежности для бритья, зубную щётку, я вышел на мойку и стал чистить зубы. Пока елозил щёткой по зубам, мой взгляд блуждал по мойке и, подняв его выше, остановился на обрезанной железной трубе, торчавшей из стены на уровне двух метров. На обрезе трубы, обхватив лапками с перепонками, сидела небольшая зелёная лягушка, с любопытством наблюдая за русским.

– Про эту что ли, лягушку, вещал медик? Русская лягушка по стене вряд ли туда могла забраться. Значит эта с присосками...

Только ушёл с мойки, как туда ушла жена умываться и чистить зубы. Не прошло и тридцати секунд, как оттуда донёлся истошный визг. В несколько прыжков выскочил на мойку, даже не предполагая, что там могло случиться. Белая как стенка, жена, бросив щётку с пастой на землю, стояла, подняв руки на уровень груди, и в ужасе визжала. Выходила она на мойку в лёгком халатике на голое тело и только она слегка наклонилась к мойке, как до этого спокойно сидевшая лягушка, скакнула с трубы прямо в широкое декольте на голую грудь. От такого визга, лягушка должна была упасть в обморок и отлепиться, но тварь от испуга ещё больше

чали и с любопытством наблюдали за этим поединком. Спасует старлей или нет? Пойдёт на обострение или засыт? Заломает он в схватке прапорщика или тот выйдет победителем?

– Старлей, ты сидишь на моём месте, – уже открыто и с угрозой прорычал прапорщик.

– Раньше приходиться надо, теперь это моё место, – я внешне спокойно смотрел на него, но внутренне сжался, понимая, что звание Деда Карибского бассейна надо поддерживать и может быть Ламтев и ринулся бы в атаку на меня, но сзади его взял под руку крепкий старший лейтенант.

– Коля, не трепыхайся. Садись сюда.

И Коля сел рядом со старшим лейтенантом, продолжая разоряться, чтобы уж совсем не уронить своё Реноме: – Вот блин... Соловьи, не успев приехать, уже порядки свои начинают заводить...

Но ему уже шепнули: – Не лезь... это начальник разведки и ещё «тёмная лошадка», – после такого пояснения Ламтев с любопытством посмотрел на меня и больше не дёргался, а я в свою копилку добавил небольшой плюстик.

На разводе меня представили офицерскому и личному составу, после чего я встал в строй офицеров управления и уже сам с любопытством огляделся. Что ж, уютненько. После развода Цикрович завёл меня в кабинет начальника штаба, где я уже по всей форме представился майору Захарову. Невысокий, с намечающимся животиком Захаров был живчиком и с юмором. Тут же усадив за стол, стал вводить в курс дела и, уточняя на что обратить внимание при приёме дел и должности, одновременно при этом ругаясь с одним из командиров батарей.

– Ну, а как примешь, я тебя более подробно проинструктирую по твоим обязанностям. Всё, Цикрович, забирай заменщика... Идите, вы мне не нужны..., – и тут же стал с азартом рулиться уже с другим офицером.

Сначала Игорь показал штаб и какие где находятся кабинеты. Вышли на небольшой плац и я ещё раз огляделся, слушая объяснения заменщика: – Вот справа три казармы. Это первая, вторая и третья реактивные батареи. Там же живут и взвода. Взвод управления и взвод материального обеспечения дивизиона. Пошли, зайдём в казармы.

Казармы, лёгкие щитовые бараки. Стены снизу у фундамента и вверху под крышей по всему периметру имели широкие щели для устройства сквозняков. А так – неширокий центральный проход, кровати в два яруса и непривычный для моего взгляда атрибут в виде москитной сетки на каждой кровати.

– Что комары достают?

– Есть немного... Только не комары, а москиты. Здесь их мало, а вот когда на полигон в Канделярию поедете, вот их там – море. Особенно летом и особенно ночью.

– А в чём разница между комаром и москитом? – Слегка удивился я.

– Комар он крупнее. И наш комар, прежде чем тебя цапнуть – он приземляется, ходит и ищет место куда вонзиться. А москиты мельче и их тут аж двадцать разновидностей. Злые, агрессивные, он ещё приземлиться не успел, а уже кровь сосёт. Тоже ещё познакомишься... Ну, вот так в принципе и остальные расположения. Ещё москитная сетка зимой опускается и в ней теплее, да ещё напердят и вообще тепло.

– Ночью ведь тепло... Какой холодно?

– Холодно, Боря, холодно. Это ты так оцениваешь, потому что только что прибыл с Союза. Вот тебе и кажется, что жарко. А пробудешь тут год, особенно после лета и тебе плюс 27 градусов ночью тоже будет холодно. Организм в этом плане очень здорово адаптируется. Ты посмотри – на каждой кровати ещё по два одеяла и не просто обычных, солдатских, а из верблюжьей шерсти.

– Ни фиги себе..., а я то думал – Зачем мне утеплённую куртку выдали?

После казармы прошли в Ленинскую комнату, затем зашли в замороженную мастерскую, где несколько солдат чистили огромные и красивые раковины. Несколько штук их уже очи-

ценных и покрытых лаком стояли на полках, там же стояло несколько красивых парусников из красного дерева и подсвечников, тоже сделанные из этого же материала. На нитках висели круглые, раздутые рыбы. На дощечках здоровенные раки.

Игорь посмеялся: – Не раки это, а лангусты. Такие же мастерские есть в каждом подразделении. Отбирается человека два-три с руками и головой и вот они тут трудятся – делают различные сувениры себе, товарищам, офицерам на память о службе на Кубе, так и на продажу и подарки проверяющим, приезжающим из Москвы. Очень нужная вещь – эти мастерские. Полгода назад у нас смешная история вышла с этими мастерскими. Вдруг обнаружилось в роте связи, что у них красное дерево закончилось. И нигде его быстро не взять. А сувениры нужны, вот-вот проверка приедет с Москвы. Так они что сделали. Они за ночь всей ротой заменили все телефонные столбы, которые были из красного дерева и стоящие вдоль дороги от Нарокко до города Сантьяго де Лас Вегас, на обычные. А это семь километров. Так потом вся бригада на поклон к ним бегала, а кубинские связисты только через три месяца спохватились, что столбы не те. Да и то после того как случилась авария и наша машина снесла там несколько столбов.

Вышли опять на плац: – Вон там штаб «Четвёрки», – Игорь махнул рукой на точно такое же здание, как и у нашего штаба. – Сам батальон там внизу.

– Это кинобудка нашего кинозала и одновременно почта нашего Учебного центра. Всего в городке четыре кинозала учебных центров и центральный кинозал, где вас инструктировали. Каждый вечер здесь показывают фильмы, вот бойцы и шатаются из одного кинозала в другой, выбирая себе фильм поинтересней. Пошли в парк.

Расположение нашей реактивки мне понравилось. Небольшое и уютное. Стоят высокие пальмы, вдоль дороги и асфальта аккуратно подстриженный кустарник. Из расположения спустились мимо казармы разведчиков и зенитчиков вниз, чуть свернули влево, перешли по мостику небольшой и грязный ручей: – Наша вонючка. Сейчас зима, то есть «сухой сезон», дождя почти не бывает, а летом когда идут мощные тропические ливни, она в минуту так вспучивается и бурлит, то хрен подумаешь что это на самом деле вот такой ручеёк.

Поднялись вверх и вышли к одинокому небольшому, каменному сараю: – Это каптёрка взвода управления нашего дивизиона.

Зашли во внутрь, где чем-то занимались бойцы, с любопытством уставившись на меня: – Тут у Юртаева в основном имущество связи хранится, да кое-что из взводного имущества. Пошли дальше.

Вдоль густого и буйного кустарника, по каменистой тропе поднялись в достаточно крутую горку и через три минуты подошли к парку.

– Это наш парк, а это парк танкового батальона, – заменик показал на будку КТП (Контрольно-Технический Пункт) танкистов справа, а мы сами прошли вперёд к своему КТП. Сразу за будкой дежурного по парку, под большим деревом, находилась курилка, где сидело несколько офицеров и коренастый майор Карпук, с которым я познакомился на разводе. С остальными обменялся рукопожатием и назвался.

Посидев в курилке, мы прошли в парк и я в течение получаса облазил БТР и топопривязчик. Техника была нормальная и укомплектованность ЗИПа устраивала полностью. Водитель БТРа, шустрый парнишка, прибыл передо мной на первой барке, тоже успокоил: – Нормальная машина, товарищ старший лейтенант, не беспокойтесь.

Тут же стоял топопривязчик – УАЗик «Буханка», укомплектованность и его техническое состояние тоже были в норме.

– Всё что ли?

– Нет, сейчас ещё примешь ВАП и потом пойдём в секретку.

– Что? И здесь есть Винтовочно-Артиллерийский Полигон? Ну, блииннн, и невезуха.

– А что ты так всполошился?

– Да думал, что на Кубе от этого отдохну. Я ведь все четыре года, как с Германии приехал и вот до Кубы, отвечал за ВАП нашего арт. полка. Здоровенное, четырёхэтажное здание, девять пулемётов, столько же ячеек, семь классов, мишенное поле с обстановкой семьдесят метров на сто пятьдесят. Каменная, широченная лестница от дороги до здания ВАПа, выложенная плиткой и длиной сорок метров, окопы вокруг здания и боец, постоянно живущий там. От полка до ВАПа десять километров и в неделю я должен раза три там побывать, провести бойца. Как он там и чего? И не только провести, а ещё помочь ему убрать снег. Зимы снежные были. Ладно летом, а зимой... да ещё в морозы... Мрак короче. Как среда, так с пулемётами туда тащусь....

Услышав крик отчаянья в моём голосе, Игорь засмеялся: – Ну, тут всё поменьше. И снега нету... Двухэтажная башенка, станок и мелкашка и всё рядом. Тебя он напрягать не будет. Зато есть место, где ты можешь спокойно заниматься со своими разведчиками.

– Ну, хоть этим ты меня успокоил.

По неширокой дороге, среди колючих зарослей, мы поднялись ещё выше и вышли к месту, где и был ВАП. Увиденное меня успокоило. Всё было на примитивном уровне, поле маленькое, рядом с вышкой небольшой класс под шиферным навесом. Каменная вышка, на верху станок с креплениями для винтовки, внизу сам прибор и место для стреляющего и руководителя стрельбы. Осмотрев всё это, я решил передохнуть. От жары был весь в мыле, потный и уже не знал, куда спрятаться от знойного тропического солнца, поэтому мигом нырнул под навес и с силой опустил на поперечную железную трубу, укрепляющую всю конструкцию хлипковатого навеса. Навес, с радостью откликнулся на мою задницу, резво зашатался и к моему дичайшему ужасу из под шиферной крыши, прямо мне на голову свалилась большим комом змея. Дико заорал, увидев на своих плечах, вяло шевелящиеся кольца змеиного тела, резко вскочил на ноги и со всего размаху врезался головой об верхнюю перекладину и мощного удара потерял сознание.

Пришёл в себя от лёгкого похлопывания по щекам. Я лежал рядом с навесом на траве, тут же валялась фуражка, а надо мной склонился смеющийся Цикрович: – Ну ты, Боря, и даёшь, чуть головой не сломал навес. Как прыгнул вверх....

Я сел и осторожно потрогал гудящую голову, ожидая ощутить липкую кровь от разбитой башки. Но там была только здоровенная шишка.

– А где змея? Или мне это от жары причудилось?

Цикрович опять засмеялся и из-за невысокого каменного бордюрика достал змеюку длиной метра два. Она вяло и тяжело шевелилась в руках заменщика, а тот ещё поднёс её ко мне, отчего я быстро заелозил задницей по земле, пытаясь оставить как можно большее расстояние между собой и этой тварью.

– Игорь, ну её на хрен... Убери от меня...

– Да это же молодой и бестолковый удав. Он в спячку на зиму пристроился под крышей, а ты его шатанием свалил себе на башку. Смотри, какой он вялый..., – Игорь опустил удава на землю и тот медленно заскользил в сторону зарослей. – Ты не бойся. Тут на Кубе ядовитых змей нет. Удавы – да, крокодилы ещё есть. Ну, тех увидишь, когда на полигон поедешь. А вот яйцеедов бояться надо и даже дома надо быть настороже. Скорпионы ещё... Очень они ядовитые... Ну, что пришёл в себя? Давай, перекурим и пошли в штаб.

В штабе меня ждало ещё одно потрясение. Весь умученный жарой и гудевшей головой, я в кабинете начальника штаба, уже в своём кабинете, прислонился к невысокому шкафу и машинально глянул влево. Прямо перед моей рожей, на верху шкафчика приготовилась к атаке змея, именно к атаке, когда тело собрано в напряжённые кольца, голова чуть отклонена назад и опасно раскрывающая пасть... Я мигом скакнул в сторону, с грохотом свалив пару стульев стоявших у стен, и там же, не удержавшись на ногах, хлопнулся на задницу. Громовой хохот потряс кабинет и он только увеличился, когда на смех заскочил и секретчик. Я тоже смеялся,

только уже смущённо, разглядев, что это было искусно сделанное чучело и при всём том из пасти торчала сигарета. Я, ворча, поднялся, обтряхнул задницу и сел на стул прямо под тихо вертящемся потолочном вентилятором. На шум заглянул подполковник Подрушняк, зам по тылу и все опять смеялись, когда Цикрович рассказал в действии и в лицах о смешном происшествии на ВАПе.

Передохнув в прохладном помещении, мы переместились в секретку, где быстро принял секретные документы: рабочую карту начальника разведки, рабочую тетрадь и секретную инструкцию. Первые три пункта инструкции были главными и только переключались с остальными. Они гласили:

– Ежедневно докладывать начальнику Учебного центра об настроениях местного населения, об отношении к пребыванию советского воинского контингента на территории Кубы, об отношении к правящему режиму и к политике, проводимой Фиделем Кастро.

– Оказывать помощь в.... и так далее....

– Участвовать в совместных.... и так далее....

– И так далее....

– .....

– Это как мне воспринимать? – Я махнул инструкцией и вопросительно посмотрел на Игоря.

– Боря, не заморачивайся. У каждого начальника разведки всё происходит по этой инструкции по разному. Тот, кого я менял два года назад, затрахался. Особо он меня не посвящал, но ему и его разведчикам приходилось тут участвовать в разных хитрых мероприятиях. Даже выскакивал в Никарагуа, правда один, без солдат. Как он сказал туманно бегал по джунглям. Меня особо никуда и не привлекали, а как у тебя будет – не знаю.

Через полчаса я подписал акт о приёме должности и рапортом о том же доложил подполковнику Подрушняк. Игорь улетучился делать свои дела, но пообещал завтра с собой забрать и проехать с ним на машине по разным местам. А в остальном день прошёл в мелочной суете. Когда вечером вернулся домой, то растерянная жена показала мне кучу кубинских денег – что-то около пятисот песо: – Тут кубинцы приходили покупали разное, ты сказал всё что тебе в Одессе выдавали, можно продавать – вот я и продала. А что с деньгами дальше делать не знаю. Куда идти и в какие магазины и что покупать – тоже не знаю.

– Так ты сходи к жене Игоря и она тебя в этом плане просветит или вон Галя Беспалько.

Жена тоже провела день не зря, до обеда съездила с сыном в нашу школу, которая находилась на территории военного городка и сын уже с завтрашнего дня начнёт ходить в первый класс.

Через полчаса после развода в штабе появился Цикрович, который оформлял на себя машину в парке: – Боря, пошли сначала посмотрим, как отъезжать на «Аджарию» будут, а потом поедем.

Плац бригады и всё кругом был забит народом. На плацу в две шеренге стояли в гражданке дембеля. Рядом с ними их вещи: чемоданы, объёмистые сумки, картонные коробки с сувенирами, пакеты.... Перед ними начальник штаба бригады давал последнее наставление досмотровой группе офицеров, которые будут проводить досмотр дембелей и их вещей. Сзади дембелей, на приличном расстоянии кучковались их товарищи. Вдоль другого края плаца вытянулась колонна кубинских автобусов, на которых и дембеля, и убывающие офицеры и прапорщики со своими семьями поедут на корабль, а сейчас они клубились вдоль длинной колонны автобусов. Их никто не проверял и они ждал конца проверки дембелей. Как это всегда при провожании бывает, все разбились на кучки по подразделениям, около каждого отъезжающего. Мелькали бутылки, звякали стаканы и кружки, активно доставались из пакетов кучи бутербродов. Голоса звучали всё громче и громче, а лица всё больше и больше багровели.

Цикрович рассмеялся: – Боря, не думай, что как они сядут на автобусы и уедут, так на этом всё и закончится. Многие провожающие следом поедут в порт и на корабле провожанки продолжатся. Так что сегодня половина бригады будет выведено из строя. Пошли, посмотришь на некоторые дембельские традиции.

Мы подошли к шеренгам дембелей, которые разительно отличались от тех, что несколько дней тому назад сюда приехали. Да, наши солдаты тоже были неплохо экипированы на пересыльном пункте и им бы было не стыдно показаться на любом мероприятии. Но вот дембеля – одетые из валютных магазинов. . . . Если бы я не знал что это увольняемые, то без малейшего сомнения сказал – это офицеры и прапорщики, так хорошо и богато они были одеты.

Не прошло и минуты как мы подошли к дембелям, по их шеренгам прошло шевеление и все они стали одновременно из карманов доставать кубинские деньги и аккуратной и приличной кучкой выкладывать перед собой. Закончив, все застыли с зажигалками в руках, а потом по неслышной нами команде наклонились и подожгли кучки денег.

От такой картины кубинские водители автобусов, чуть не выпылаивали из своих машин, выпучив глаза от изумления, а офицеры из политработников с руганью заматались вдоль шеренг увольняемых, но было поздно – деньги горели ярким пламенем. Остальные офицеры и прапорщики довольно равнодушно смотрели на этот ритуал.

– Среди бойцов это называется – «Дембельский костёр». Собирается не меньше ста песо по одной купюре и сжигаются вот так. Политработники борются каждый раз с этим, но как видишь ничего у них пока не получается. И ещё одна есть традиция у дембелей – «Дембельский каблук» называется. Сейчас мода на высокий каблук. Поэтому они как покупают обувь, в которой будут уезжать, каблуки отрывают и опять же берут купюры по одному песо и, клея купюры друг к другу, формируют из них каблуки. Представляешь. . . , если в «Дембельском костре» сгорает, как минимум, сто песо, то в «Дембельский каблук» уходит от четырёхсот до пятисот песо на каблук, ну на два сам понимаешь сколько.

– Ну, ни хрена себе. . . . А какие тут ещё «дурные» традиции есть?

– Да, полно. . . . Видел сегодня после развода шум был? Кубаш приходил и скандалил с нашими. . .

– Видел, только не понял – Чего он ругался?

– Тоже дебильская традиция. Этот кубинец живёт в своей касе за нашим расположением и ему принадлежит кусок земли там же. Наверно, видел там королевские пальмы растут. Во. . . Так вот есть такая традиция: в последнюю ночь перед баркой надо срубить пальму. Вот он и приходил. . . . Опять бойцы порубали там пальмы.

– Да. . . , действительно, дебилизм. . .

– Это что. . . В Торренсе, начальник штаба дивизиона вообще рекорд поставил. Он выбрал молодой баобаб и каждое утро, за три месяца до барки, на зарядке бегал и рубил его. Самое опасное было, когда вот-вот оно должно было рухнуть. Ему приходилось чуть ли не во внутрь надрубленного ствола соваться. Он залезет – тукнет и обратно. Постоит, послушает – Не трещит ли? И опять лезет. Тукнет и бегом обратно. Завалил всё-таки. Вот это, действительно, дебилизм.

Мы пробыли на плацу до тех пор, пока все не уехали в порт и лишь потом уехали сами. Цикрович хотел на барку себе заготовить бананы, апельсины и мандарины. По пути на плантации, мы заехали в посёлок «Новая деревня», где проживали советские специалисты. В основном это были связисты, обслуживающие станции связи. В здешнем магазине Цикрович сдал ящик с пустыми бутылками из под пива, а взамен получил уже с пивом. Потом проехали по плантациям и когда заготавливали бананы со мной произошёл казус. Банановые деревья, высотой метра три-четыре, по существу были большой травой, на ветках которых и висели весомые, килограмм по пятнадцать, гроздья бананов. Их нужно было рубать стальной мачете и потом ветку грузить на машину. Вот я и рубил сочные ветки, обильно забрызгав каплями бананового

сока военные брюки и рубашку. Увидев меня, Цикрович коротко матюгнулся: – Чёрт... – моя ошибка. Надо было тебя предупредить, чтобы рубил осторожно и не забрызгался...

– А, ерунда какая... Чего ты Игорь?

– Да не ерунда. Сок бананов не отстирывается, так всё в пятнах и будет...

– Да ну..., фигия.... Кинем в стиральную машинку, побольше порошка и как миленькие отстираются.

– Ну..., ну... – Как позднее оказалось, брюки и рубашку пришлось выкинуть. Даже универсальный, военный «растворитель» бензин не помог.

Прошло несколько дней, в течение которых я постепенно и плавно вошёл в рабочий ритм. Сходил помощником дежурного по нашему учебному центру, потом уже дежурным, после чего начальник штаба майор Захаров «торжественно» вручил мне Книгу нарядов.

– Всё, Борис Геннадьевич, теперь эту лямку тани сам.

А тут пришла третья барка, на которой уходил Цикрович. Я не пошёл на плац смотреть на приезжающих, мне ещё рано на них смотреть, а задумчиво сидел в кабинете над списком экипировки разведчиков. В дверь постучали и на моё разрешение в кабинет заглянул посыльный по штабу.

– Товарищ старший лейтенант, вас на плац вызывают.

– Хм..., – закрыл рабочую тетрадь и с некоторой долей удивления отправился на плац, где царило многолюдство. Туда только что привезли багаж пришедших на барке и теперь погрузочная команда, вместе с приехавшими разбирались с ящиками и чемоданами. Походил туда-сюда, сетуя на себя, что не спросил посыльного – Кто меня вызывал? И уже собрался возвращаться в прохладу кабинета, как ко мне подошёл один из приехавших.

– Мне сказали, что ты – Цеханович? – С вопросительной интонацией произнёс высокого роста, ладно скроенный молодой парень.

– Да..., я..., – настороженно протянул, одновременно гадая про себя – Чего ему нужно?

– Мне в Одессе начальник пересыльного пункта твои ящики дал. Говорит, они опоздали...

– Ёлки-палки..., – обрадовался я, – а я уж даже и забыл о них думать. Вроде бы с ним договорился, а сомнения всё равно были. У него своих проблем мол хватает, а тут... Ну, майор..., ну молодчина.... Ты то сам куда идёшь? Да, кстати, меня Борис зовут, а тебя?

– Константин, тоже старший лейтенант. Сказали, что в какую-то «четвёрку». – Старший лейтенант протянул руку и мы обменялись рукопожатиями.

– Так это рядом с нами, соседями будем, ну а за багаж с меня причитается.

Константин показал ящики и через час я их выгрузил, но уже не к Васе Беспалько, а в одну из моих комнат в касе, уезжающего завтра Цикровича. На завтра я и запланировал переезд уже сюда.

А сначала надо было поучаствовать в ещё одной офицерской традиции. Отъезжающий вечером накрывает стол и все гуляют всю ночь, пока в четыре часа утра не подъедет машина за багажом. Загружают и дальше гуляют, в восемь сосредотачиваются на плацу, где это дело догуливают, а самые стойкие едут на корабль и пока идёт погрузка багажа, оформление отплытия, происходит последний судорожный рывок в прощании, – где – ПЬЮТ ВСЕ.... До самого отхода барки. Но это ещё не конец. Как только корабль отваливает от причала. Весь этот оставшийся пьяный шалман, мигом перемещается на набережную в самое узкое место входа в порт. Там через пролив, до возвышающейся на противоположном берегу крепости Моро, метров пятьсот-семьсот и барка проходит от набережной в метрах семидесяти-ста. И когда она проходит, все отъезжающие сосредотачиваются на левом борту и одновременный рёв в несколько сотен глоток накрывает все звуки городской жизни в радиусе пятьсот метров. А пока борт корабля медленно и величественно проходит мимо провожающих – ВСЕ ОПЯТЬ ПЬЮТ.... Ну, что поделаешь – такие мы РУССКИЕ....

Глава третья

Всё! Заменщик уехал и как таковой период вхождение в должность закончился. Я выпросил у Захарова день и к долгожданному облегчению четы Беспалько, полностью переехал в касу Цикровича. К вечеру, уже к своему облегчению и радости, чему способствовал и найденный багаж, мы уже полностью обосновались на новом месте. Было бы ещё в запасе часа три светлого времени, может быть и успел установить и кондиционер.

В касе помимо нас проживала семья старшего лейтенанта Руднова с нашего учебного центра. Он, жена и их сын пяти лет. Они занимали одну комнату, а мы расположились в двух. Сын в отдельной и мы с женой тоже отдельно. Сам Олег Руднов нам понравился. Спокойный, адекватный, дружелюбный, но вот его жена... Ничего мы бы и не смогли плохого сказать про неё. Но.., в отличие от открытого Олега, она была закрытым человеком. Невысокого роста, шустрая, молчаливая и вечно недовольная всем. Недовольная внутри себя, испускающая волны неприязни нас как своих вынужденных соседей. Своё неудовольствие она выплёскивала на безответного мужа и вечно сопливого сына. Причём выплёскивала своеобразно, напоминая всегда сюжет одного мультфильма. Там тоже изображается супружеская чета, где муж-бревно, а жена-циркулярная пила. И вот она мужа-бревно постоянно дома пилит – Уооо-уууу-оооооОООО... , а как только тот выходит из дома на улицу так из инфантильного мужа превращался в бравого и нормального мужика, а возвращается домой после работы и по новой включается пила. Вот тут было одно к одному. Даже когда они ложились в постель, из-за стены было слышно неразборчивое пиленье Олега. А так мы не лезли к ним, они к нам.

Каса была старая, кубинская комендатура «Проблема» её видать ни разу не ремонтиривало и я попытался сделать хотя бы лёгкий косметический ремонт, но не сумев ничего найти из материалов, бросил эту затею, тем более что нам сказали о скором переезде всех в новый дом в городок Нарроко. Но мне всё больше и больше нравилось моё новое жилище. У касы Васи Беспалько было довольно много открытого пространства, а вокруг моей толпились, затеняя дом и террасу пальмы, а сбоку рос молодой баобаб, толщиной полтора метра и, простирающий свои толстые и мощные ветви над моей касой и далеко во все стороны.

На службе тоже сложилось нормально. Я было хотел своих разведчиков взять на себя, но заартачился старший лейтенант Юртаев: – Боря, сейчас барочный период и они тебе на хрен не нужны. А вот начнутся занятия – тогда пожалуйста. До обеда они твои. А сейчас они мне нужны.

Действительно, если в Союзе уже давно начался учебный год, то тут только после прихода последнего корабля. А тот придёт только 3 января. Так что занятия по «Боевой готовности» начнутся только 7 января. И в этом плане я был предоставлен самому себе. Начальник штаба Захаров сказал – До начала учебного года вникай в местную обстановку, потом посмотрим, какую тебе задачу нарезать.

Вот я и вникал. Вёл наряды по учебному центру, немного шевелился по ВАПу, но в основном занимался экипировкой своих разведчиков. То что было – было в убогом состоянии. Поэтому надо было за месяц сделать экипировку чисто для занятий и комплект для показа. Вот тут то столкнулся с первыми специфическими кубинскими трудностями. Ватмана нет, пластик для бланков хрен где найдёшь. Нужна фанера, но это было жутчайшим дефицитом. Правда, с ватманом задачу решил быстро. Пошёл в бригадную типографию, куда попал один из бойцов из моего взвода с эшелона, и тот притащил мне аж двадцать листов классного ватмана. Шум в типографии был жуткий, но поиски «врага» закончились быстро и безрезультатно. Никто не мог даже подумать на безбашенного «соловья», и потом я не раз прибежал к его «помощи».

В Союзе тоже было большой проблемой достать хороший белый пластик на бланки. Но и тут сработала смекалка. Взял в полку машину, бойцов и поехал на главную свалку города славного и богатого Свердловска, где успешно стал потрошить пластиковые внутренности выброшенных старых холодильников. В самый разгар выдиранья пластика из холодильных агрегатов ко мне сбежались агрессивно настроенные бомжи чуть ли не со всего района.

– Ты чего это командир на нашей территории холодильники потрошишь? Для чего тебе этот пластик?

– На учебно-материальную базу....

– Блядь.... На какую-такую ты базу пластик сдаёшь? По какой цене...?

Пришлось их усадить в кружок и рассказать что такое учебно-материальная база, экипировка артиллерийского разведчика, про бланки, про журналы разведки и обслуживания стрельбы, про блокноты разведчиков и дальномерщиков, про схемы ориентиров и про кучу других вещей, в которых у нас применялся пластик.

Бомжи были удовлетворены и даже польщены, что их не напинали под зад, как это бывало обычно, а по-человечески поговорили с ними. И когда я через две недели опять приехал на свалку, то уже знакомые бомжи с радостью указали на место на свалке, куда они снесли старые холодильники. И не только снесли, но и аккуратно вытащили оттуда пластиковые короба. Я был поражён результатом человеческого общения с бомжами, которые на это так ответили. Молча развернулся, доехал до ближайшего магазина, где купил им на все деньги, что были в кармане три бутылки водки и хорошей закуски, чем просто «убил» бомжей, не ожидавших ответного шага офицера.

Поэтому и здесь на Кубе с пластиком я решил эту проблему, исходя из старого опыта. Где тут свалки были я ещё не знал, но зато безжалостно выдрал из всех действующих холодильников Учебного центра дверцы морозильных камер, тем самым обеспечив себя необходимым объёмом пластика.

А вот с фанерой вообще смешная история получилась. Мне нужно было всего пять листов, но где их взять я не знал. А мне ведь надо было сделать два аккуратных ящика разведчика и ещё кое-что, да и на ВАПе нужно некоторые плакаты обновить. Сломав голову над этой проблемой, я её отложил, так сказать, в «дальний ящик» и переключился на другое, а через несколько дней стал случайным свидетелем обсуждения той же проблемы, но уже между начальником штаба и начальником учебного центра.

Им надо было десять листов. И они «обсасывали» этот вопрос со всех сторон в кабинете у Захарова. Обсудив в течение получаса все варианты добычи хотя бы дрянной фанеры, они зашли в тупик и молча закурили. Я сидел за своим столом и работал над бланками, тоже раздумывая над этой проблемой и прикидывая, как бы мне упасть им на хвост. И тут меня посетила совсем простенькая мысль.

– Товарищ подполковник, а если я смогу достать фанеру, как быстро вы мне дадите машину?

Майор Захаров, простой парень, просто выкатил глаза в удивление на меня, в которых можно было чётко прочесть – Цеханович, ну ты то куда лезешь? Тут зубры не знают где взять... А подполковник Подрушняк, с начальственной ленцой, медленно повернулся в мою сторону, с пренебрежительной усмешкой в глазах, пустил красивое синее колечко сигаретного дыма в мою сторону и назидательно поставил меня на место: – А же знаю направление твоей мысли и если ты сумел у этих дураков в типографии увести дефицитный ватман, то тут у тебя ничего не получится. Сейчас на этом сраном острове фанера есть только у замкомбрига на полигоне в Алькисаре для мишеней. И то он трясётся над каждым обломком, так что оставь эту идею. Даже если ты и договоришься там и сопрёшь, то всё равно замкомбрига узнает и головы тебе не сносить.

– Что, только у него есть? Я в другом месте попытаю.

Подрушник изобразил на своём лице деланное удивление, а Захаров сразу же сказал: – Ты только договорись и мы тебя ещё сами посадим в кабину. – Хотя он сам тоже был удивлён такому самоуверенному заявлению старлея, который тут пробыл чуть больше двадцати дней.

Тем не менее уверенность была. Ещё когда жил в касе у Беспалько, увидел, что на нашей улице проживала семья кубинского майора. Ну..., жил, да жил. И к нему никто не лез с дружбой, и он особо в этом плане не суетился. Хотя у них очень приветствовалась дружба с советскими военными. И даже для меня самого неожиданно получилось, что чуть ли не на второй день, как уехал Цикрович, я с ним познакомился. Звали его Антонио. Чистый мулат. Невысокого росточка, неплохо говорил по-русски. Служил начальником отдела снабжения Гаванского корпуса и чтобы добираться до службы в Гавану, а это около сорока километров, у него был служебный мотоцикл «Урал».

Как только я переехал уже в свою касу, так возобновил утренние пробежки на длинные дистанции. Как ни как у меня был первый разряд по бегу. Вставал без пятнадцати шесть и вокруг деревни кружка три в своём темпе, а потом разминочка и минут десять – карате. За полгода до Кубы попал в одну секцию карате и уже что-то умел и мог. Как правило, без пяти семь заканчивал зарядку и садился весь мокрый от пота в кресло-качалку ждать, когда включают «систему», чтобы принять душ и побриться. Вода была большой проблемой на острове и её где-то централизованно накапливали и подавали в дома всего лишь три раза в сутки: утром на два часа, в обед на час и вечером тоже на два часа. За это время надо было ещё успеть набрать воды в большие баки, которые стояли на крыше каждой касы, чтобы в промежутках между подачей была дома вода. Ну, ещё и у каждого были как минимум по две двухсотлитровых бочек, куда тоже нужно было залить воду.

И когда я сидел в ожидание воды в качалке, каждое утро, с интересом наблюдал, как Антонио готовится к отъезду на службу. По словам старожилов, эта зима была самая холодная. В самую холодную ночь температура опускалась до +24 градусов, а днём она подымалась до +37 – +40 градусов. А однажды, на каком-то их полуострове температура опустилась до рекордных аж +16 градусов и они об этом тархтели по телевизору целую неделю. Конечно, для меня прибывшего только что с Союза, это было смешно. Но для коренных кубинцев – это была жуткая зима.

Антонио выходил из касы и заводил мотоцикл, чтобы тот прогрелся. После чего становился в растопырку – руки протягивал вперёд – и его жена, классическая негритянка (иссинечёрная, коренастая, с толстой жопой, которая была облачена в обтяжку неизменными фиолетовыми брюками), выходила с форменной зимней курткой и через руки одевала её наподобие хирургического халата. Спина впереди, стоячий высокий воротник закрывал пол лица и куртка застёгивалась на спине мужа. После этого голову он обматывал каким-то драным куском плотной материи, садился и уезжал. Не знаю, какой или в каком виде он приезжал в свой штаб, но наверно такой же, когда возвращался обратно домой и я в это время опять сидел на террасе в шортах и майке и пил чай. Ещё издали проявлялся звук двигателя мотоцикла, его ещё не видно из-за поворота, но за сто метров до дома он начинал отчаянно сигналить. Выруливал и подъезжал к дому, откуда в это время выскакивала его сильная негритоская жена, обмотанная для тепла какой то древней тряпкой и целый выводок, заматанных в такое же тряпье детей. Мотоцикл останавливался, но Антонио до того промерзал во время езды, что самостоятельно слезть с него не мог. Тогда его сильная жена, рывком подымала мужа над сиденьем мотоцикла и ставила на землю. Вот как он ехал, полусогнутый, руки вперёд – в этой позе мотоциклиста он и стоял, после чего неуклюже поворачивался и в развалку, на негнущихся ногах шёл в дом. Как я потом узнал, он заходил в дом и, не раздеваясь, падал в кресло качалку и дети укрывали его тёплым пледом, жена сначала подавала бокал кубинского рома, а затем чашечку крепкого кофе.

Русское сердце дрогнуло от жалости. Мужик погибал от холода, погибал прямо на глазах – нужно срочно что-то делать, спасти хотя бы этот кубинский экземпляр.

На следующий вечер, как только Антонио забрёл в свою касу, я решительно направился к нему в пакетом в руках.

Антонио полулежал в кресле, укрытый пледом, рядом на столе стояла чашечка кофе и бутылка рома.

– Борис, – как всегда сделав ударение на последней гласной, почти простонал кубинец, – Борис, я не готов сейчас с тобой общаться. Приходи через сорок минут.

– Ладно, ладно... Ты лежи, согревайся я тут пока кое-что сделаю тебе. Где тут у вас душ?

Может быть, и наверняка, у элиты кубинского общества и был горячий душ, то подавляющее большинство кубинцев горячей воды не имели и мылись той водой из ёмкостей, стоящих на крыше. Вот что солнце нагреет за день то и есть «горячая» вода. Ну..., а у нас у русских на сам душ накручивались электронагревательные приборы и мы такой проблемы не испытывали. Накануне я перетряхнул всю кладовку и нашёл запасной и исправный водонагреватель. Мигом его накрутил на их душ и тут же под восторженный взвизги детей Антонио пустил струю горячей воды. На радостные вопли, пришёл и сам хозяин, чуть не впавший в ступор от такого неожиданного роскошества. Но это ещё был не конец вечера раздачи «щедрых» подарков. У стола, я как бывалый фокусник, из пакета достал хорошие кожаные перчатки и шикарный махеровый шарф, в котором приехал в Одессу. Ну..., не продаются и не завозятся такие товары на Кубу. А сверху всего этого положил новенький танковый шлем с белым мехом, чем окончательно «убил» начальника отдела снабжения. Этот шлем я обнаружил в своём БТРе, когда его принимал. Надо сказать, что из-за своей скучной, нищей жизни любой кубинец подетски радовался любому даже мизерному подарку. Достаточно оторвать пуговицу со своей формы с изображением на ней звёздочки, дать её среднестатистическому кубинцу и сказать – это Regalo, то есть подарок и он будет искренне рад. А тут русский вывалил такую кучу так необходимых по жизни подарков, что Антонио не знал – Куда меня посадить и что мне налить?

На следующее утро я наблюдал уже оптимистическую картину. Стоящий у мотоцикла Антонио, торжественно укутывает шею фиолетовым, пушистым шарфом, жена помогающая одеть тёплую куртку уже как положено. Одевание шлемофона вообще отдельный ритуал, а когда он натягивал перчатки, то я сразу вспомнил Волка из мультфильма «Ну погоди!». Всё было хорошо, но Антонио явно не хватало восторженных кубинских зрителей, падких до таких зрелищ.

Вот вечером я и направился в гости к кубинцу. Мы выпили по бокалу рома и я ему задал в лоб вопрос про фанеру.

– Сколько тебе надо?

Сжавшись от наглости, брякнул наобум: – Тридцать листов.

– Да не проблема, во сколько будешь забирать?

– В двенадцать часов дня.... А где брать?

– Да тут..., в нашей части. Приезжай, я к этому времени позвоню туда.

Первым шоком для Захарова с Подрушняком было, когда я попросил машину. Они тупо уставились на меня и только спросили – Не в Алькисаре я это беру?

Второй шок был уже для всех остальных старожиллов, которые бились за добычу каждого листа фанеры, чтобы сколотить ящики под багаж, когда из кузова ГАЗ-66 было выгружено тридцать пять листов первоклассной фанеры. Я немножко у кубинцев понаглел и когда загрузили тридцать, заглянул в кузов и сказал – Давай ещё пять листов....

– Так, фанеру без моей команды не брать и занести её в кабинет начальника штаба, – начал распорядиться Подрушняк, а потом тихо добавил, – пока, блин, замкомбрига не посмотрит.

Разгневанный замкомбрига появился через два часа и сразу налетел на меня с угрозами: – Товарищ старший лейтенант, где фанера? Я тебя за эту фанеру уничтожу... Подрушняк, ты где таких воруя выращиваешь? Это ж надо такой наглости набраться, чтобы у меня свистнуть....

Но увидев в кабинете идеальные листы фанеры и поняв, что это не его, он мгновенно успокоился и завистливо стал перебирать листы: – Ни фиги себе, да это ж экспортный вариант. Блин, старший лейтенант, сдай мне эту точку...

– Нет, товарищ полковник, эта точка мне ещё самому нужна будет.

– Ха..., ха..., рано тебе ещё о ящиках думать. Но теперь я догадываюсь, кто в типографии ватман тиснул. Ну..., фанера понимаю куда может идти – А ватман?

– Так вот, – я сунул в руки полковника готовый журнал разведки и обслуживания стрельбы, – вот – это входит в экипировку артиллерийского разведчика. Это на показуху, а это на пластике для занятий.

– Хм..., занятно, занятно. Как твоя фамилия старший лейтенант. Цеханович? Запишем, запишем, такая нужная фамилия мне тоже пригодится...

К моим пробежкам вскоре присоединился и Константин, который привёз мой багаж. Он попал в «Четвёрку» командиром взвода и поселился с женой у нас в деревне, но на соседней улице. Как оказалось он тоже занимался карате и уровнем был несколько выше, чем я. Через несколько дней он предложил записаться к кубинцам в секцию карате: – Я тут, Боря, узнал, что в Сантьяго де Лас Вегас есть секция карате и туда нам можно записаться. Одному стрёмно ходить, а вдвоём веселей. Как ты на это смотришь?

Я с энтузиазмом воспринял предложение. Давно интересовался этим единоборством и за полгода до Кубы сумел записаться в секцию при Дворце Культуры завода РТИ. Секция была полуподпольная и в спортзале начинали заниматься в 21:30 вечера, чтобы никто не видел. Как то раз с внезапной проверкой пришли два сотрудника КГБ и стали проверять документы у занимающихся. Мигом выявили двух пожарников, одного строителя и студента педагогического института. Вывели их из строя и со словами: – А вам это карате и не нужно, – запретили посещения занятий. Ввели два тренера, лет двадцати семи-тридцати, оба принадлежали к разным школам. Оба не любили друг друга, но на людях соблюдали корпоративность, а когда наступала очередь проводить занятие, то каждый начинал одинаково: – Таккк..., значит, то что преподавал вам на том занятии этот.... – забыть... и делайте как я говорю...

Нас эта детская вражда веселила и мы сразу занимались по методикам двух школ. Но однажды оба одновременно ушли в месячный отпуск и старшим проводить оставили накаченного парня чеченца. Он стал проводить занятие по своей методике, более жёсткой, но она нам больше нравилась и мы за месяц усвоили гораздо больше чем за предыдущие. Я, например, научился дышать во время ударов. Прямо, балдел – когда тебе наносили удары в солнечное сплетение, а в этот момент делал выдох чуть ли не до позвоночника и всё по хер... Но вот нашим тренерам по хер не было – воплей было до небес в адрес чеченца, который по их словам больше вреда принёс. А мы вот считали по-другому.

Спортзал в Сантьяго встретил неистребимым запахом пота, кожи, гулом голосов и сериями хлёстких ударов, одновременно проходили занятия по карате и боксу. Наше появление было встречено с явным любопытством и через пятнадцать минут, после разговора с тренером, мы с Костей, в маскировочных КЗСах стояли в ряду разминающихся. Еще через полчаса мы воочию поняли разницу между советским карате и кубинским. И разница была разительная и болезненная, которую мы почувствовали на всех частях своего тела. У нас была щадящая методика, даже в спаррингах, а у них всё на полном контакте. На спаррингах нас жутко отлупили, слава богу, что ничего не поломали и не наставили на роже синяков. Возвращались мы из Сантьяго удручённые и молчаливые, а при расставании я твёрдо сказал товарищу: – Ну, их на хрен..., не пойду я..., не хочу быть мальчиком для битья.

У Кости было другое видение этого вопроса и он убеждённо заявил: – А я буду ходить. Пусть меня и будут бить по началу... Вытерплю, но зато через два года всех в Союзе буду «строить на подоконниках»...

Мечта «строить на подоконниках» у Кости так и осталась мечтой. После второй тренировки он усталый и избитый приплёлся ко мне в касу, плюхнулся на террасе в кресло-качалку и молча принял от меня кружку горячего и сладкого чая. Выпил и со вздохом сожаления сказал: – Я тоже, больше не буду ходить туда. Ох и больно они бьют....

Решили тренироваться вдвоём, но уже следующим утром всё и закончилось. Костя, когда входил в азарт, переставал контролировать себя и силу ударов. В спарринге он ударом ноги в голову вырубил меня, а когда я очнулся на холодном полу террасы, он извинился и сказал что этого больше не повторится.

Я потряс головой, вытряхивая оттуда гул и шум от удара: – Конечно, не повторится. Пошёл ты на хер, если себя не можешь контролировать. Будем заниматься отдельно...

Теперь бегать мы бегали вместе, а разминались и отработывали приёмы раздельно – каждый на своей террасе.

Постепенно наладилась и жизнь, во всех кубинских аспектах. Буквально на следующий день как мы обустроились уже на постоянку в касе, жена довольно активно поторговала вещами из багажа и к обеду к пятистам песо за проданный костюм, добавились ещё две тысячи песо. Солидная сумма если учитывать – одно песо – один рубль. Но на Кубе существовала карточная система – Tarjeta (Тархета, как мы её называли) и на деньги в кубинских магазинах, кроме ограниченного количества продуктов особо ничего не купишь. Поэтому большую часть сразу же поменяли на доллары. А остальные оставили на мелочёвку и на свои развлечения. Каждую субботу и воскресенье автобусом нас вывозили куда-нибудь отдыхать. Но надо было заранее записываться: то есть одна часть семей выезжала в субботу, а вторая половина в воскресенье. Также заранее договаривались – куда едем. Так как купальный сезон для русских заканчивался, то мы ещё успели семьёй в последний раз съездить покупаться в местечко Гуанабо, где располагался пионерский лагерь бригады, там же недалеко был пионерский лагерь посольских детей и дачи для отдыха Главного военного советника и других русских начальников. В том числе и нашего комбрига с НачПо. Тут же проживали десять наших солдат, которыми командовал прапорщик Сергей, наш однобарочник. Главная их задача охрана пионерских лагерей, дач начальства, ну и естественно обслуживание их. С Сергеем я подружился ещё на корабле, поэтому радостно встретились и он показал, скорее похвастался, как живёт и за что отвечает. Неплохо устроился, надо сказать. Особенно мне понравился катер Главного военного советника, который тут же стоял на приколе и на котором Сергей уже пару раз выходил в море. Правда, эту часть суши омывало, правильно сказать не море, а волны Атлантического океана. Вода была теплой и на удивление прозрачной. Я попросил у одного из наших маску и ласты и с удовольствием поплавал и понырял недалеко от берега. Видимость под водой изумительная, видно было метров на сорок – пятьдесят. Удовольствий получил.... После купания заехали в пивную попили пиво, которое оказалось очень даже неплохое, а потом посетили так называемую здесь капетелия, где уже угостились мороженым. Всегда считал, что у нас, в Союзе, ну может быть одно из лучших мороженных, но оказывается и здесь ошибался. Лучшего ещё мороженного я не едал. Это был последний выезд на море покупаться и теперь будут возить, как правило, в Гавану, где посещали большой местный зоопарк, дельфинарий и просто гуляли по городу.

Куба всё больше и больше удивляла своими контрастами. Нищая страна, а медицина третья в мире. У нас, где они все учились, такого уровня нет, а у них есть. Лечат всё что угодно. Наши, советские, здесь лечат зубы и глаза. Те кто это уже сделал рассказывают удивительные вещи. Зубы, например, можно тут лечить во сне. Приходишь, тебе делают укол и ты засыпаешь, просыпаешься, а там что положено сделано. И ты даже ничего не помнишь и не ощущал. Да и те кто делал без сна, говорят что всё происходит безболезненно, потому что уровень аппаратуры,

гораздо выше чем у нас. Один из знающий мне сказал, что наша бормашина делает 4000-5000 оборотов в минуту, а их, японского производства, около 200 000 оборотов, да ещё с холодным поддувом. Как кубинцы говорят: наши бормашины – камнедробилки.

А глаза. Близорукость лечат обыкновенным уколом. Короче, решил – пройдёт полгода, немного здесь огляжусь и надо привести в порядок зубы и левый глаз, а то он меня в прошлом очень подводил.

Я в первый дни после приезда как-то раз включил телевизор, а там в это время Фидель Кастро выступал. Что-то очень экспансивно говорил, помахивая на экране толстой сигарой, которую тут же курил. Потом её демонстративно затушил, сказал ещё несколько фраз и передача закончилась.

А на следующий день узнал подоплёку этого выступления. Оказывается, Куба на конец года имела недобор валюты именно по линии продажи на экспорт табака и Фидель с экрана телевизора призвал население один месяц не покупать и не курить сигары и тогда они сумеют образовавшийся запас сигар кинуть на продажу за границу и покрыть таким образом убыток. Вот Фидель и сказал, куря сигару на экране – Эта сигара последняя, вот я её сейчас докурю и всё – даю слово, месяц курить не буду. Политработники говорят, что этот телевизионный ход даст свои плоды, так как кубинцы Фиделя просто боготворят.

Поразило меня и проведение учений кубинцев в конце декабря под названием «Бастион 86». Это когда в один день они ставили под ружьё всё взрослое население страны. Кубинская армия считалась самой большой армией Латинской Америки – что-то около 150 тысяч человек, да ещё воюющей. Они участвовали сразу и одновременно в трёх конфликтах – Эфиопия, Ангола и Никарагуа. Самое массовое Ангола. Вот как раз в Анголе, перед моим приездом, месяца за два, кубинцы на границе с Конго понесли потери. Сколько – крыто мраком, об этом кубинцы не распространялись, но от этих потерь большой шум по армии их прошёл и все горели желанием отомстить врагу. Так в ноябре месяце, через границу Конго в Анголу решил проникнуть батальон врагов и командир, стоявшего там реактивного дивизиона, грамотно подготовил данные и одним залпом накрыл его. Уничтожены были практически все. Даже раненых не оказалось. Так этому майору дали сразу звание полковника и ввели чуть ли не в состав ЦК партии. Так вот такие учения проходят только раз в году. Под ружьё одновременно ставится около восьми миллионов человек. Первые несколько часов они вооружаются в своих местных «Комитетах защиты Революции», все призванные проводят манёвры в местных условиях, а потом до конца дня ездят вооружённые на всех видах грузовых автомобилей, поют революционные песни, всеми силами демонстрируя с кузовов решимость дать отпор американским агрессорам. Хотя какой отпор они могут дать. Вся их стратегия и тактика сводятся только к обороне. Причём обороне «очаговой». Каждый город, каждый населённый пункт в случае агрессии становится очагом сопротивления. Как там армия будет действовать? Конечно, она будет сосредотачиваться на вероятных направлениях и местах высадки десанта. Но вот вопрос сосредоточения и вызывает кучу вопросов. Остров длиной 1100 километров и средней шириной 60км. Есть вообще узкие места в 40 километров. Там сосредоточиться, да укрыться негде. А америкосы одним ударом могут перерезать остров на несколько частей. Наша реактивка, в случае агрессии, в течении первых трёх часов принимает участие в уничтожении одного из секретных объектов, тоже делают артиллеристы Торренса, только прямой наводкой расстреливают объекты, после чего вместе с бригадой мы уходим в Гавану, оцепляем весь посольский район и в течение трёх суток обеспечиваем безопасную эвакуацию всех посольств с Кубы и советских гражданских специалистов, коих на острове около ста тысяч человек. После чего, по плану мы тоже грузимся и уходим. Но вот тут возникают вполне законные сомнения – Куда и на что будем грузиться?

В процессе вступления в должность, решил полистать и почитать секретную тетрадь своего предшественника и наткнулся на интересные данные характеризующие милитаризованность

Кубы в сравнении с СССР и другими странами по следующему оценочному признаку: в СССР на оборонку и Вооружённые силы из ста работающих человек работало 48, а на Кубе 73 человека, в США 37, в ФРГ 25 человек. Прочитав ещё кое-что, я решил вплотную ознакомиться с современной историей Кубы. Нашёл в бригадной библиотеке, всё что можно было найти и поразился. Чего уж греха таить я был не наивным мальчиком, воспринимающим официальную пропаганду за полную истину. И как бы не была сильна цензура в СССР, а если читаешь внимательно и систематически литературу и другую прессу, находишь массу нестыковок. А вот кубинцы по отношению к своей истории оказались более честнее. Первое что меня «убило»: при смене общественно-экономических формаций. А они менялись три раза – испанская колония, капиталистический путь развития, социализм – три основных атрибута страны – Гимн, флаг, и герб не претерпели не единого изменения. Если почитать воспоминания Джона Рида и других участников октября 1917 года об Октябрьской революции, о штурме Зимнего дворца – вырисовывается одна картина. Если читать, смотреть героические фильмы о революции уже наши, советские – другая картина. А кубинцы пишут, как было на самом деле. Пишут о том, что Фидель и Рауль Кастро происходили из очень богатой семьи провинции Сантьяго де Куба, на противоположном от нас конце острова. В этом городе есть казармы Монкада. Казармы носят официальное звание – Казарма Герой. Штурм этих казарм как бы символизирует начало борьбы Кастро за освобождение Кубы от гнёта Америки. И куда бы ты не приехал, везде – на стенах домов, на бетонных заборах и других свободных пространствах можно было увидеть картинки из штурма Казарм. А в своей истории они пишут честно – Штурма казарм не было. Когда отряд Фиделя в количестве семидесяти с чем-то человек высадился на Кубу и подошли к городу Сантьяго де Куба, они разделились на два отряда. Один возглавил Фидель, а второй его брат Рауль, так чтобы пробраться к казармам и атаковать их с двух сторон. Вошли в город и банально заблудились в тёмных, окраинных улочках. Отряд Рауля вышел в два часа ночи на незнакомую площадь, где в это время находился обычный армейский патруль на машине из нескольких человек. (Вот тоже сравнить: – Какой бы наш армейский патруль шарахался в городе в два часа ночи. Да просто бы «забили» на патруль и спокойно уехали спать в казарму) Непонятно с какого хера революционеры во главе с Раулем приняли патруль на машине за здание КПП казармы и атаковали их. Так как они были бестолковые то быстро получили хороших пиз...ин от патруля и были вынуждены спасаться бегством из города от организованной погони. Солдаты их загнали на вершину высокого холма и окружили их там, но не стали штурмовать высоту, а просто блокировали повстанцев. А через три дня спокойно поднялись туда и повязали все семьдесят человек, спящими и голодными. Так закончилась первая и неудачная попытка начала революции. Потом, через несколько лет была вторая высадка на Кубу, но уже более удачная с развёртыванием партизанского движения. Всего за три года Гражданской войны с обеих сторон погибло 25 тысяч человек и 8 января 1959 года партизанские отряды без боя вошли в Гавану.

А как честно они пишут, как Фидель стал коммунистом. Воюя с американским ставленником Батистой, Фидель Кастро с братом даже и не думали о социалистическом пути развития страны. И вот первым толчком, как пишут в истории, послужила его случайная встреча на Гаванской улице на второй день как они вошли в Гавану с генеральным секретарём одной из трёх коммунистических партий, что на тот момент были на Кубе. Так этот коммунист обнял Фиделя и сказал: – Ты, Фидель, для Кубы сделал больше чем мы все три партии, поэтому я слагаю с себя полномочия генерального секретаря и отдаю свою партию в твои руки.

И то тогда ещё Фидель не думал о социализме. Вот у нас есть чёткая дата – 7 ноября. До неё было одно, после неё было уже другое. А у них в истории пишут до июля Куба была народно-демократической страной с тем путём развития, а уже после августа – она социалистическая страна. И у себя преобразования тоже проводили по другому. У нас экспроприировали предприятия у капиталистов, а на Кубе предприятия у хозяев выкупались и те свои выкупные

деньги вкладывали в банки Латинской Америки, после чего они спокойно жили на проценты. Сами же хозяева назначались властями уже директорами своих бывших предприятий....

... По службе всё шло нормально, но моя военная удача вдруг сделала неожиданный и резкий зигзаг совершенно не в ту сторону, в какую бы мне хотелось. В кабинете у Подрушняка, куда я был вызван, находился начальник артиллерии бригады и капитан Худяков. Он прибыл третьей баркой, на которой уходил Цикрович. Где-то в глубинах Главного управления кадров произошёл досадный сбой и капитану по приезду просто не хватило должности. Он ехал на должность старшего помощника начальника артиллерии, а тот заменялся только через полгода и Худяков повис в воздухе. Начальство прикинуло несколько вариантов и остановилось на одном из них. Для этого я и понадобился.

– Цеханович, – обратился ко мне начальник артиллерии, когда я сел на один из стульев у стены, – не буду ходить «вокруг да около», а сразу перейдём к делу. Капитана Худякова ты знаешь....

С Иваном Худяковым, я сошёлся сразу. С первого взгляда и первого рукопожатия чувствовалось в нём мужская основательность и надёжность. Также он выглядел и внешне и сейчас сидел за столом, спокойно глядя на меня.

– Так вот ты знаешь про его ситуацию и мы тут посоветовались и приняли решение. Сейчас в артиллерии есть только одна свободная должность – это командир взвода управления второй реактивной батарее. И вот не солидно как-то будет, если мы туда на полгода поставим старого капитана, пока не освободится его должность. Да и командир батарее старший лейтенант, а командир взвода капитан. Поэтому решили следующим образом. Ты так и остаёшься на должности начальника разведки, но идёшь на эти полгода и служишь командиром взвода управления во второй батарее, а Худяков служит начальником разведки. Через полгода он уходит ко мне старпомом, а ты возвращаешься на своё. Ну..., так надо. Как ты на это смотришь? Конечно, всё это только с твоего согласия и если «упрёшься рогом», как бы претензий к тебе не будет...

...Конечно, я не хотел. И тут даже не в престижности: командир взвода и начальник разведки. Мне не хотелось опять окунаться в работу в подразделении. Опять личный состав, опять все эти моменты связанные с обязателькой. Ну, с личным составом я любил работать, тут проблем вообще не видел. Но не хотелось опять ходить в подчинение у молодёжи. Хоть комбат-Два и был нормальным мужиком, но ему было всего двадцать пять лет, а мне тридцать один. Да и сам Худяков, хоть и считался «старым» капитаном, был тоже моложе меня на три года...

Но вот эти «как бы», прозвучавшее из уст начальника артиллерии – намекали и беспокоили. К сожалению, за эти дни я сделал несколько ошибок, чтобы вот так «упираться рогом» и остаться на своей должности. Надо было осмотреться, разобраться в коллективе управления, в течениях внутри его, а я чего-то тупо повёлся на поводу у секретаря комсомольской организации, который сразу же по прибытию встал в оппозицию к командованию. В принципе, он был прав, что боролся с тыловиками по поводу воровства и я его несколько раз поддержал. Но думаю, что всё-таки рано мы оба наступили на «большую мозоль» и сейчас капитана Кораблёва резко перекинули с нашего гарнизона на равнозначную должность в арт. дивизион в Торренсе. А меня, под красивым и «благородным» поводом, с явным намёком вот так убрали с управления. Начну дёргаться, уберут и меня – ещё хорошо, если на должность командира взвода, где-нибудь в миномётке.... Посмотрел на непроницаемое лицо подполковника Подрушняка и с фальшивым воодушевлением согласился: – Конечно, если надо...

В секретке в минуту переписал секретные документы на Худякова и пристально посмотрел в глаза Ивана. Тот выдержал мой взгляд и спокойно ответил: – Боря, не ссы, подсиживать тебя не буду. Через полгода вернёшься на свою должность. С меня поляна....

– Причём тут поляна? Я их сам десяток могу накрыть... Откровенно сказать, я бы всё-таки обиделся и «упёрся бы рогом», но так уж сложилось, что золупаться мне просто не выгодно. Поэтому на полгода уйду в тень и отсижусь в подразделение....

Командир батареи старший лейтенант Жуков встретил меня с облегчением. Он, оказывается, знал о возможной рокировке и совсем не горел желанием иметь в своём подчинении старого и опытного капитана, которым надо командовать, а тот будет спокойно ставить того на место. Хотя я тоже был его старше и намного, но внешне выглядел даже моложе чем он и чисто психологически он меня так и воспринимал – молодым. И тут он ошибался. Хотя, дёргаться против Жукова или игнорировать его не собирался. Служба есть служба и комбат не виноват, что так получилось. Но и тянуться, щёлкать каблуками тоже не буду. Жуков со своей батареей был на хорошем счету у командования. Был добросовестным и ответственным офицером. Правда, иной раз он с чувством ответственности перехлёстывал, боясь уронить заслуженный авторитет в глазах высшего начальства. Старшим офицером на батарее был старший лейтенант Мельников. Весёлый, с одесским колоритным юмором. Грамотный офицер, нормальный командир, справедливый начальник для своих подчинённых солдат и сержантов. Вторым взводом командовал старший лейтенант Давтян – Сурен Тельманович, как он представился мне при первом знакомстве. Но, не кривя душой, на Сурена Тельмановича он не тянул. Скорее на Сурика... Как человек он был хороший, отзывчивый, открытый, но несколько безалаберный и безобидный. И как ещё добавил Сергей Мельников – слегка тормознутый. Худенький, в очках, был он секретарём партийной ячейки нашей, уже нашей, батареи, чем очень гордился, а мы частенько безобидно подтрунивали над ним. А раз он секретарь – то спекуляциями не занимался и не выпивал. Над чем мы тоже слегка посмеивались. Старшина – прапорщик Николаев Петро Николаевич. Громадный, пузатый, багроволицый, громкоголосый любитель выпить и поохомить над кем-нибудь, особенно над старшиной третьей батареи Владимиром Степановичем. Но старшиной был добросовестным.

Во взводе у меня было восемь человек, среди которых я сразу же выделил своих сержантов: командира отделения разведки Карташёва, худощавого, но продуманного и командир отделения связи сержанта Никифорова, иной раз страдающего бестолковизмом, но преданного.

В коллектив батареи я влился легко и органично. Всё-таки тринадцать лет службы и опыт никуда не выкинешь. Со словами: – Иван, извини, но это моё..., – я забрал фанеру и всю свою экипировку и дефицитные материалы – пластик, с ватманом, оставив новоиспечённого начальника разведки у разбитого корыта.

Последние дни декабря прошли быстро и на Новый год меня, как молодого, назначили ответственным по батарее, а я не расстроился. Зато, потом целых два дня буду спокойно отдыхать. 31 декабря был днём ПХД и коротким. Без пяти два автобус отъехал от КПП и мы направились в свою деревню. Было очень жарко, все расслабились и растеклись по горячим от солнца дерматиновым сиденьям и сонно покачивались в такт поворотов и манёвров автобуса. Я сидел на заднем сиденье, пристально наблюдая за минутной стрелкой и держа кожаный дипломат на коленях. А когда настало время, встрепенулся и громко заорал на весь салон: – Ураааа....! Урааа....! Новый год наступил.....

Все оживились и с весёлым любопытством обернулись ко мне, продолжавшему бестолково кричать здравницы Новому году.

– Спёкся, старший лейтенант, от жары, – единодушно решили старослужащие товарищи по службе на Кубе.

Ко мне подобрался Серёга Мельников и стал успокаивать: – Боря..., Боря..., спокойно..., расслабься... Сейчас приедем домой, там в тенёчек..., холодный душ примешь....

А я продолжал дурашливо орать: – Урааааа...! Ураааа! Новый год на Урале наступил, – открыл дипломат и стал доставать оттуда пластмассовые стаканчики и раздавать товарищам. Оттуда же достал и бутылку водки.

Все, поняв, что я не перегрелся и на Урале действительно наступил Новый год, шустро собрались вокруг меня и мы с энтузиазмом выпили.

Я должен был в батареею подъехать к восьми часам вечера и отпустить комбата, который до этого времени рулил личным составом. Оставшееся время после обеда и до вечера прошло в мелочной суете, но в восемь часов я стоял на автобусной остановке. Было уже темно, тепло, но погода была неровная. То шёл сильный дождь, причём минут три-четыре и также внезапно кончался. Минут десять-пятнадцать влажной духоты и опять минуты три ливень с ветром. Пока я стоял под крышей остановки, прошли два таких ливня и между ними на остановку пришли Серёга Мельников, нач. службы РАВ нашей реактивки старший лейтенант Бирюков и СОБ третьей батарее Эдик Яфаев. Они собрались стогнать в посёлок Кватра Каминес в здешнюю пивнушку. Я там ещё ни разу не был и выразил сожаление, что если бы не ответственность, то с ними бы тоже стогнял.

– А что, поехали, – предложил Мельников, а остальные поддержали, – там Жуков разберётся, а ты посидишь с нами и к десяти часам подъедешь и комбат успеет приехать домой на празднование Нового года.

– Да у меня и денег с собой нету, – сделал я вялую попытку отказаться, хотя сам уже желал попить холодненького пивка.

– Да фигня какая, поехали..., угощаем....

Я и не ломался. Через три минуты подъехал автобус и мы поехали в это Кватро Каминес. Ехать надо было десять километров и вскоре мы уже заходили в ярко освещённую большую пивную на открытом воздухе. Сели на каменные скамейки, за каменный стол, заказали пива и понеслось. Парни разговаривали, а я с любопытством рассматривал посетителей. Пивная была забита до отказа и гудела в пивном угаре разноголосицей. Надо сказать, что пиво у кубинцев было хорошее и крепкое. Парни говорят, что оно около 10 градусов, но я думаю, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, что гораздо больше – градусов 14. Рассказывают также, что пиво это делается путём разбавления пивного, японского порошка в воде из-за чего градусы держатся только минут сорок и после этого времени оно как моча. Можно было спокойно выливать. Правда, проверить это я ещё ни разу не мог, так как бокал усасывал минут за десять-пятнадцать. Моя норма было два бокала по 750 грамм, третий я мог тоже выпить, но тогда был бы в гавнище пьян. Мой сосед по касе Олег Руднов после второго бокала ложился в лёжку и домой уже не ехал, а ночевал в казарме, чтобы избежать нудного пиленья дома. А новый начфин, маленький старший лейтенант Лопата (он всё время нас поправляет – Не Лопата, а Лапата, – деля ударение на последнем слоге) вот он срубался с первого же бокала. Поэтому я решил выпить один большой бокал и ехать в батареею. Но после первого, как-то так незаметно в руке оказался второй, а потом во всём Гаванском секторе вырубил свет. Веерное отключение. В стране не хватало электричества.

Чуть ли не выставив руки вперёд, в кромешной тьме, которую не разгонял тусклый свет свечей из окон домов вдоль улицы, я еле добрался до автобусной остановки. Парни же остались, допивать пиво и решили ещё усугубить ликёрчик, а потом домой. Поездка обратно в учебный центр запомнилась смутно, оттого что я непрерывно пялился в тёмное окно, боясь проехать в кромешной тьме свою автобусную остановку и ещё смертельно хотел ссать, сучил под сиденьем ногами, зажимая член и мечтал только об одном – быстрее доехать до нашего КПП. Доехал, чуть не сломал двери автобуса, помогая им быстро открыться. Мне показалось, что они вообще заели. Поэтому, я их просто раздвинул, с силой вогнав поршни и наверно выдавив всё масло из цилиндров. Автобус уехал уже как несколько минут, а из меня всё лилось и лилось...., и

я стонал в наслаждении, одновременно прикидывая – будет ли там расти трава в ближайшие десять лет?

В батарее оказался в половине одиннадцатого. Жуков был на месте. Видать хорошо усугубил с остальными комбатами, поэтому был весел и лишь слегка пожурил за опоздание.

– Комбат, давай езжай, дальше уж я сам....

Жуков отдал последние распоряжения и ушёл, а я включился в Новогоднее действо. Кровати в казарме были сдвинуты максимально в дальний край, а на освободившемся пространстве были расставлены накрытые едой и напитками столы. В углу из пальмовых веток сооружено и украшено подобие ёлки. Бойцы были в праздничном настроении и суетились вокруг столов, поглядывая в мою сторону.

– Чего ходите? – Окинул всех весёлым взглядом и подал команду рассаживаться. Бойцы засуетились ещё больше, но расселись быстро, так как давно решили – кто с кем будет сидеть. Я как ответственный прошёл вперёд и сел во главе стола и вместе со всеми с удовольствием осмотрел то, что за эту ночь надо было съесть. Отдельным украшением, такого в Союзе не встретишь, был здоровенный, можно сказать гигантский торт. Метр в длину, шестьдесят сантиметров в ширину и двадцать в толщину. В Союзе и в Германии, отдельным приказом медиков запрещалось при праздновании Нового года в частях использовать торты и приравненные к ним продукция из-за опасения дизентерии. Здесь тоже, но существовала здесь такая традиция и на это смотрели «сквозь пальцы». Торт заказывали в Манагуа и получился он шикарным, весь в крему, розочках и с надписью на русском языке «С Новым 1987 годом», но кубинцы ошиблись и все веселились, читая – «С Новим 1987 гадом». Сами кубинцы Новый год не отмечали – этот праздник был у них под запретом и сегодняшняя ночь была обычная и будничная и завтра они поедут на опостылевшую работу. Помимо торта на столах полно было всевозможных фруктов, всё что тут в это время росло и вызревало. Полно напитков, но основным была тёмная и пенная «Мента», подобие нашего кваса. На ужин никто не ходил, а его принесли в подразделение и он сейчас стоял на столах. Кормили бойцов в столовой не только качественно, но и как на убой. И тоже по усиленному тропическому пайку. Прожаренное мясо аппетитно громоздилось горками в тарелках, а хорошо поджаренная картошка источала такой запах... Её, кстати, старослужащие солдаты сами приготовили по-домашнему и в большом количестве. И сейчас старики снисходительно поглядывали на молодёжь, невольно сглатывающие слюну. У меня после пива проснулся «русский едун», поэтому я азартно хлопнул ладонями и провозгласил: – Ну, что.... Наливай...

Все шумно потянулись к напиткам и еде, а ко мне подошёл лидер старослужащих и с загадочным видом кивнул на тумбочку около меня: – Товарищ старший лейтенант, там для вас....

В таинственной глубине пустой тумбочки стеклянными боками поблёскивала семьсот пятидесяти граммовая бутылка кубинского рома.

– Так, хорошо. Кузнецов, я надеюсь это единственная бутылка в батарее....

– Товарищ старший лейтенант, – обиженно загудел солдат.

– Ты мне не звизди. Где одна, там и вторая. Всех поубиваю, если что...., – пообещал сурово, кисло скривившемуся солдату, и погрозил кулаком. Дальше всё пошло по шаблону. Все наполнили свои кружки, тут уж я особо зорко глядел из каких бутылок наливали себе старослужащие. Дети, хоть и прослужили по полтора года, их выдавала скованность и искося брошенные взгляды в мою сторону.

Наполнил свою кружку, но ромом. Поднялся, в нескольких словах сказал о прошедшем годе и предложил выпить за старый год. И слегка перекусить. Все встали выпили, сели и оживлённо стали кушать. Я тоже выпил, с удовольствием пододвинул к себе тарелку с картошкой. Изумительно и бесподобно. Молодцы ребята, хорошо приготовили картошку. Интересно, откуда они её взяли, да ещё в таком количестве? Только тут я обратил внимание, что в каждом

ломтике картошки было по десятку игольчатых проколов, расположенных по кругу. Не понял? Зачем? Я перевернул всю тарелку – на каждом кусочке одно и тоже – дырочки. Я заглянул в тарелку стоявшую рядом. Там тоже самое.

– Кузнецов, иди сюда, – позвал солдата.

– Это что за фигня? – Я поднял кусочек картофелины на вилке и показал на отверстия, – Зачем????

– Так это жаренный банан, товарищ старший лейтенант..., – и ехидно заулыбался.

– Что ты мне мозги компостируешь? Что я жаренную картошку никогда не едал?

– Товарищ старший лейтенант, ну..., вы.....

– Ладно..., ладно..., уж, не мнись, говори прямо – Соловей...

– Это кормовые бананы, их жарить и они как картошка. Посмотрите любой банан – там тоже самое.

– Хммм..., точно, – я с удивлением разглядывал в разрезанном банане уже знакомые точки, – ладно, здесь я соловей в этом, а теперь покажу, что вы салабоны. Ну-ка, вон ту, ту и ту бутылки менты – ко мне.

Кузнецов заныл, а я прикрикнул на него и тот притащил три бутылки. Попробовал из них. Не ошибся, там действительно в Менту было добавлено рома. Правда, немного.

– Это всё? Только по-честному. Честно скажешь, также честно и приму решение.

– Всё, больше нету..., по-честному...

– Хорошо, забирай и если что, с тебя лично спрошу.

В смехе, в шутках и общем веселье незаметно прошёл час. За этот час мы, ответственные по подразделениям ни один раз сходили друг к другу в гости. Каждый раз уединились где-нибудь, чтобы бойцы не видели, хотя прекрасно понимали саму абсурдность прятанья – прекрасно они всё понимали и сами не плошали. Пили, правда, аккуратно, по чуть-чуть, но покрасневшие рожи и иной раз чересчур громкие голоса с головой выдавали их. Но..., всё было в пределах нормы и я особо не опасался эксцессов. Если что – порядок наведу резко и жёстко. Примерно тоже самое было и в других наших подразделениях.

За несколько минут до Нового года опять наполнили кружки – кто чем. Я поздравил всех с наступающим годом, особенно старослужащих – с дембельским годом и мы начали громко считать удары кремлёвских курантов. Считала в голос наша батарея, считала вся реактивка, разведрота с зенитчиками рядом с нами, внизу считала хором «Четвёрка», считала вся бригада. А когда прозвучал последний удар курантов, ближайшие окрестности покрыло громогласное русское УРАААААААААААААА!!!!!! Опрокинули в распалённые рёвом глотки напитки и все вывалили на небольшой плац реактивки. Дембеля мигом выстроились в несколько шеренг и десять раз прокричали – «1987 год – НАШ ГОД».

Минут десять над бригадой разноголосицей стоял шум. Несмотря на запрет то тут, то там взлетали осветительные и сигнальные ракеты, которые тоже встречали радостным рёвом. Постепенно все успокоились и опять зашли в казармы и расселись за столы. Старослужащие есть уже не хотели, а молодёжь дорвавшись до сладкого шустро уничтожали торт. Ничего что завтра им будет худо, что будут срать дальше, чем видеть и блевать, блевать, выворачивая желудок наизнанку... Ничего..., ЗАТО ИМ ХОРОШО СЕЙЧАС...

Непонятно кто кинул клич устроить песенное соревнование – Какая батарея перепоёт другую или всех разом. Идея была подхвачена всеми с воодушевлением и через несколько минут... Нет это песней не назовёшь. Это был упоительный рёв полутора сотен молодых глоток, на который в испуге прибежал начальник политотдела, но увидев, что бойцы сидят за столами и в воодушевлении поют во всю глотку и такие же ответственные, засмеялся, махнул рукой и удалился к себе.

Через полчаса таких песенных выкрутасов, потому что мы пели с энтузиазмом ещё и на плацу, все устали и личный состав реактивки безропотно лёг спать. Мы, ответственные,

посидели ещё с полчаса и тоже завалились спать. Я как в яму провалился, но проснулся свежим и полный сил, с удивлением обнаружив спящим около себя командира батарее. По его помятому виду было видно, что новогоднюю ночь он провёл бурно и явно не дома. Через час проснулся и он. Мутным и унылым взглядом обвёл помещение канцелярии и сходу всосал из холодильника холодненькой Менты, крякнул с удовольствием и вновь припал к спасительному напитку.

– Ну и дома мне будет . . . , – грустно прокомментировал комбат, – и главное обидно, что не хера не помню – где и как . . .

Глава четвёртая

Был последний день занятий по боевой готовности и всем уже до чёртиков надоело бегать из расположения в парк и обратно. Бежать надо в парк метров четыреста, да всё в горку по каменистой тропе, так что когда там оказываешься, то весь в мыле и в поту. Назад то ничего – вниз и не неторопливо. Всё как обычно, как и в Союзе. Первый день не спеша, второй день лёгким галопом, третий уже в хорошем темпе, а сегодня с выходом в район. Единственно, что радовало – тепло. Для старослужащих тепло, а для новичков жара. В Союзе, как по закону подлости, во время выхода в район устанавливались морозы и занятие превращалось в борьбу с холодом.

Сегодня вся бригада по нескольким маршрутам пешим ходом выходит в район сбора. А это двадцать километров туда и столько же обратно. Конечно, это учебный район сбора. В случае же войны есть секретный район, сведения о котором хранятся в запечатанном пакете. Я со своими разведчиками тогда должен в течение трёх часов разведать маршрут и сам район и доложить по связи командованию о его готовности или о каких-либо сюрпризах, обнаруженные разведкой – как на маршруте, так и в районе.

Наша батарея тоже идёт, а я еду на машине и разворачиваю в районе палатку для командования дивизиона. Иван Худяков заболел и начальник штаба сказал, что я на этот выход буду работать за начальника разведки. С одной стороны мне хотелось пройти с батареей, но с другой стороны лучше это сделать весной, когда организм адаптируется к жаре. А так только изойдусь потом.

Естественно сыграли в шесть часов тревогу. За нами в деревню примчался автобус, сбегали в парк, изобразили там заводку двигателей и на завтрак. После завтрака колоннами начали вытягиваться из своих расположений. А я быстро загрузил большую палатку, колья, стулья, столы бачки с водой, связь и остальное имущество в кузов и тоже двинулся за БТРом командира дивизиона, где сидел сам Подрушник и всё управление.

Выехали через тревожные ворота нашего учебного центра, на асфальте свернули влево, через два километра вправо и стали подниматься вверх, в холмы. Здесь ещё не был и поэтому с любопытством рассматривал голую незнакомую местность с выжженной жёлтой травой и одинокими пальмами, стоявшими друг от друга на расстоянии метров в пятьдесят. Попетляв между вершинами холмов, внезапно въехали в лес. Это по нашему лес, а по их наверно кусочек джунглей. Высокие деревья с мощными и обильными кронами, обвитые длинными лианами толщиной в человеческую руку, густые заросли, между ними папоротники и другие растения, закрывающие землю. Всё это было густо и неприступно переплетено и человек мог туда зайти, только если в руках будет хорошее мачете. И то придётся с силой прорубаться через кусты. Узкая дорога, зажата джунглями, внезапно нырнула под массети, натянутые высоко над дорогой и крепко зацепленные за верхушки деревьев.

– Ого..., – удивился я, через лобовое стекло с любопытством рассматривая бесконечную массеть.

– Тут, дальше..., километрах в пяти у них подземные склады в туннелях и патронный завод. Вот они и маскируют дорогу и массеть ещё километра два будет висеть, – прокомментировал водитель, уходящий в Союз на дембель весной.

Действительно, через пару километров появилась развилка дорог. Мы уходили влево, а дорога ныряла уже под непроницаемые кроны деревьев сомкнувшихся над дорогой. Там уже массетей не было видно, да и так с воздуха ни черта не увидишь в этом растительном буйстве.

– Там ещё с километр и туннели начинаются, – кивнул головой водитель, а через километр закончилась и маскировка из массетей над нашей дорогой. А ещё через пару километров мы выехали из джунглей и спустились к перекрёстку, где свернули вправо. Проехали пару

небольших населённых пунктов, свернули в поле и, снизив скорость, по грунтовой дороге двинулись вдоль высоких, высотой три метра, бесконечных зарослей сахарного тростника. Потом резко свернули вправо, в узкую, зажатую тростником дорогу и через двести метров неожиданно выехали на круглую поляну диаметром метров сто пятьдесят. Здесь стояло пару высоких и толстых баобабов и с десяток, тоже высоких, манговых деревьев. Ровная, словно подстриженная газонокосилкой трава, и в тени баобабов типичный кубинский дом, сколоченный из потемневших от старости досок. Картинка прямо красивая, так и просилась в кадр фотоаппарата под названием – Они так живут.

Остановились, все попрыгали с БТРа и из кузова моего ГАЗ-66, вылез и я. Что не говори, а очень красиво, да ещё высокий тростник по краям поляны, органично вписывает всё это как бы в естественную рамку.

Подошедший майор Захаров, мотнул головой на окружающий пейзаж: – Что..., красиво?

– Да, жалко фотоаппарат не взял.

– Ничего весной здесь ещё красивее, а на траве в бесчисленном множестве лежат королевские манго. На БТРе едешь и из-под колёс сок в разные стороны так и брызжет. Вот тогда и нащёлкаешься, а сейчас давай расставляй палатку вон там, так чтобы по максимуму тень была.

Расставить палатку, затащить туда всё имущество было делом минут в тридцать. Связью занимался начальник связи Юртаев, я же был пока свободен. Увидев, что бойцы как только выпадала свободная минута, бежали с мачеткой к тростнику, рубили его на несколько кусков, очищали и сосали сладкий сок, тоже сходил, вырубил себе и попробовал – приятная штука. Командование всё уже сидели на раскладных табуретах в тени палатки и наблюдали за моими манёврами, а когда я подошёл Подрушняк стал рассказывать, как он один раз попал на сафру.

– Ну ты, Цеханович, ещё увидишь это.... Недельки через две они начнут повсеместно поджигать поля с сахарным тростником... Во тогда запольхает кругом...

– Поджигать, а зачем?

– Огонь – это один из элементов подготовки к сафре. Они выжигают все сухие листья, живность разную там – змей, скорпионов. Ещё говорят, не знаю насколько это правда, но когда огонь низкой идёт то якобы сок в тростнике более качественным становится. Ну, вот когда они всё выжгут, вот тогда начинается сафра. Выгоняют на поля всех, в том числе школьников и студентов и начинается рубка сахарного тростника.

– У них же комбайны есть. На хрен людей туда гнать в таком количестве? Я вот на картинках видел...

– Ээээ..., наивщина, – Подрушняк покровительственно и свысока посмотрел на меня, – всё это пропаганда. У них даже завод есть по выпуску этих комбайнов. Мы им, русские, построили. И они успели на всю страну, пока там русские специалисты были штук триста сделать. Мне один знающий кубаш рассказывал, что их сейчас так и осталось триста штук и завод только тем и занимается, что их ремонтирует. Поэтому людей и выгоняют на рубку тростника. Да и они с удовольствием идут – платят там хорошо. Смена обстановки, ну и так далее. Я как-то туда подъехал, а они все в саже, потные, грязные, целый день на жаре машут мачетками. Так вот к соку. На каждом участке стоят примитивные соковыжималки. Две здоровых шестерни на раме, рукоятка приварена к ним и жёлоб. Вот он подходит туда, суёт в шестерни ствол тростника и крутит рукоятку. Сок по жёлобу в посудину стекает – грамм триста-четыреста. Я тоже попробовал – сок сладкий и что удивительно охлаждённый....

В неспешной беседе, прерываемой сеансами связи с бригадой и идущими в пешем порядке подразделениями, прошёл час и почти одновременно поступили доклады от третьей и второй батарей. Просили машину для ослабевших на марше бойцов и послали меня.

В пяти километрах от района сбора, мне попались батареи, идущие навстречу. Жуков махнул рукой, чтобы я ехал дальше и ещё через пару километров наткнулся на сидевших в тени у дороги солдат, около которых стоял Серёга Мельников.

– Серёга, ты что ли ослабевший, – подковырнул товарища.

Мельников махнул рукой, как будто отгонял муху и мотнул головой на солдат: – Да вон..., молодёжь..., а я старшим остался. Розочек нахватили и идти не могут... Сейчас ухочешься...

– Хорошо, давайте загружайтесь, – я махнул рукой бойцам и с огромным удивлением стал наблюдать за странными действиями солдат. Пару бойцов, стыдливо отвернувшись, поднялись с земли и спиной, спиной ко мне и к Мельникову, который подмигивая и еле сдерживая смех, кивал на солдат. Чуть сдвинувшись в сторону, с удивлением увидел причину стыдливости. Ширинки у них были расстегнуты полностью, всё хозяйство и причиндалы вывалены в наружу и поддерживались обеими руками, а сами солдаты двигались к машине в раскорячку.

– Серёга, чего это они? – Тихо шепнул другу.

– Смотри, смотри на того, – Серёга кивнул головой на третьего солдата. Тот тоже встал, но стоял и не двигался с места. Ноги тоже в раскоряку, ширинка застёгнута, но поза, в которой он стоял, говорила уже о проблемы с задницей. Солдат сделал неуклюжий шаг, болезненно поморщился, потом ещё шаг и новая гримаса на лице – и так, чуть не плача он подошёл к кузову, куда ему помог забраться водитель ГАЗ-66.

– Серёга, что хоть случилось?

– Те, двое с яйцами, натёрли трусами розочки до крови и идти могут только когда яйца в руках несут.

– А как можно трусами так натереть кожу? Я первый раз такое вижу.

– В Союзе, конечно, такое не увидишь, особенно у тебя на Урале. А здесь, когда человек потеет быстро. Это ж молодняк, который осенью прибыл. Так вот трусы становятся мокрыми и противоположная штанина трусов, от той где все причиндалы болтаются, начинает скатываться до самой промежности и сдавливать там кожу. Если идёшь один, можно остановиться и всё это дело расправить, правда через некоторое время снова скатается и снова придётся останавливаться. А тут идёшь в составе колонны, когда тебя подгоняют и ты не должен отставать, вот так и происходит. А у третьего..., он натёр задницу. И майки точно также скатываются и могут натереть уже подмышки. Тоже бывает у кого волосы между ягодицами жестковатые... Чтобы избежать в условиях тропиков на таких длительных маршах, таким надо слегка промежность вазелинчиком, как это не смешно, немного пройти.

Серёга хитровато посмотрел на меня: – Повезло тебе, что ты сегодня на машине. Тоже ведь мог влететь.

Я беспечно махнул рукой: – А..., я плавки ношу, не прошёл бы этот номер. Ладно, поехали...

Завёз солдат к штабной палатке и там их высадил. Они сели в тени баобаба и ими занялся наш медик, а майор Захаров отослал с Мельниковым в батарею.

– Иди с Мельниковым, посмотри, где районы батарей и как они их приводят в порядок. Потом придёшь, доложишь...

Районы оказались совсем рядом. Если идти по дороге то это будет метров семьсот, а напрямую через тростник всего триста метров. Здесь уже кипела работа. Бойцы махали мачетками, вырубая мелкий кустарник, заполонивший выкопанные капониры под технику за прошедшие полгода. Офицеры кучковались и с наслаждением покуривали, делясь впечатлениями от марша. В первой и в моей батарее всё было нормально. Бойцы закончили рубку и теперь растелешившись до трусов и плавок сушили на горячем солнце обмундирование, готовясь двигаться обратно. А вот район третьей батареи накрывали волны зловония.

– Что тут у вас за херня? – Выскочив из облака зловония, я подошёл к смеющимся офицерам третьей батареи. Те стояли в сторонке и следили, как солдаты по очереди подбегали к капонирам. Рубили с минуту здоровенные кусты и убегали к чистому воздуху, чтобы отдышаться.

– Так что тут у вас так воняет? Гавно что ли раскопали?

Офицеры рассмеялись: – Ничего, ничего, Боря, вот ещё немного послужишь и узнаешь что такое «Смерть европейца», а сегодня... вон иди к тем кустам и запомни их. А когда их увидишь – не трогай. Всё кругом завоняешь и сам провоняешь.

Закрыв нос пальцами и дыша широко открытым ртом, я подошёл к порубленному кустарнику и осмотрел ветки. Одну из них поднял и сильно нюхнул: – Блядьбь... ну и вонь..., – бросил ветку и метнулся к сослуживцам, которые встретили меня подколками.

Отсмеявшись вместе с ними, я спросил: – А что про «Смерть европейца» говорили? Что это за фигня?

Снова смех и новые подколки: – Узнаешь в своё время, но это фигня. На мужиков не особенно действует, в основном на баб. А вот «кубинка» – этого ты никак не минуешь. А вот эти кусты увидишь – не трогай. Пока их не трогаешь – они не воняют. А как рубить начинаешь, так вот эта вонь и идёт.

Обойдя весь район, я вернулся на поляну к штабной палатке. К этому времени подъехал на машине командир взвода обеспечения прапорщик Киреев, привёзший на весь дивизион обед. Как только дивизион отобедал, так сразу же пойдём обратно.

За обедом я спросил секретчика – Что это за херня такая «Смерть европейца» и «кубинка»?

– Около твоей касы дерево растёт. Ну..., такое как сирень, правда там цветы крупные и красные. Так вот когда она начинает цвести, все белые люди начинают сильно чихать, а ещё больше слезятся глаза. На негров, метисов и всех остальных местных с примесью не действует – поэтому и называется «смерть европейца». Но тоже не на всех. А «кубинка» – та ещё штука, по серьёзнее. Стремительный понос, ни с того ни с сего, порой штаны не успеваешь снять...

– Да ну..., – выразил я недоверие.

– Да, да... Причём, она индивидуальна и ею переболевают каждый. Но..., – Коля настоятельно поднял палец вверх, у каждого она проходит по своему сценарию и в разные сроки. Кто в первые же дни её подхватывает, кто через несколько месяцев, а кто и позже – но обязательно. Как у тебя она пойдёт... ну не знаю... Готовься.

Через час мы начали сворачиваться и вскоре поехали обратно. В ходе обратного марша я подобрал с дороги человек пятнадцать солдат с растёртыми яйцами и жопами и привёз их в бригаду.

Со следующего дня начались плановые занятия. Огневиками занимались в парке, а я брал приборы и уходил со взводом на ВАП и там разворачивал наблюдательный пункт, откуда открывался красивый вид на небольшой автодром, на наши учебные поля, где занимались мотострелки и миномётчики. С нашей возвышенности хорошо были видны дороги, рощицы, пригороды Гаваны и сама Гавана. Расставлял буссоль, дальномер ДАК-2. Связисты расставляли радиостанцию Р-109Д, телефонные аппараты и катушку с кабелем. Начинать с азов: задачи разведки, требования к разведке, организация разведки, ведение разведки и ведение документации на наблюдательном пункте. Связисты изучали такие же вопросы, но применительно к связи. Уже через три дня, когда бойцы заучили то, что я требовал и могли запросто процитировать какие положены положения Руководства по боевой работе подразделений оптической разведки, приступил к практическим действиям. До опупения заставлял отрабатывать вопросы скрытного занятия НП и оставления. В перерыве между ними отрабатывали нормативы. Пару раз приходил начальник артиллерии и проверял, как я проводил занятия, а через несколько дней, прямо с занятий, вызвал меня к себе.

– Цеханович, готовься. Со следующего понедельника ты проводишь недельные сборы со всеми артиллерийскими разведчиками на базе арт. дивизиона в Торренсе.

– Так я, товарищ подполковник, командир взвода управления батареи. Вон капитан Худяков пусть и проводит, раз он начальник разведки.

Начальник недовольно поморщился: – Цеханович, хорош дуться. Худяков мне тут нужен, я его постепенно начну вводить в курс дела, а уже через три месяца ты вернёшься на свою должность. Всё..., всё иди к себе и после обеда приносишь мне темы занятий, а мои писаря расписание занятий тебе напишут.

В расположение дивизиона была тишина, лишь изредка из полутёмных и прохладных казарм выглядывали дневальные внутреннего наряда. Да перед штабом стоял УАЗик с неизвестными номерами. Я сунулся к начальнику штаба, чтобы попросить у него Программу боевой подготовки, но там сидел наш прокурор с Торренса. Сразу хотел выйти, но полковник меня остановил: – Подождите, товарищ старший лейтенант, вы чем сейчас занимаетесь?

Услышав мой ответ, он повернулся к Захарову: – Вот и нормально. Вы и старший лейтенант и будете понятыми.

– Захаров махнул мне рукой: – Давай, заходи и садись вон там.

Зачем приехал полковник-прокурор, я в общих чертах знал. Ещё когда приехал на Кубу, то обратил сразу внимание на некоторые отличия нашей бригады, допустим от такой же бригады в Союзе. Сразу же бросилось в глаза обилие легкового транспорта. Я сам в Союзе ни в одной бригаде не был, но отталкиваясь от, допустим, мотострелкового полка, мог предположить что УАЗики в бригаде могут быть у комбрига, замов комбрига... Ну..., ещё НачПо и всё. Может быть один автобус. Допускаю, что у комбрига могла быть служебная «Волга».

А здесь куча «Волг», все командиры батальонов, дивизионов имели УАЗики, у начальника артиллерии белая «Волга», на которой он по моему почти и не ездил. Зато на ней частенько рассекал командир взвода управления начальника артиллерии старший лейтенант Чурбанов, с которым у меня сразу не сложились отношения. Жил он у нас в деревне и на обед почти всегда ездил на «Волге» как барин и никогда никого не приглашал с собой. Был заносчивым и высокомерным. До окончания срока службы у него здесь оставался год и он хвастал как вернётся и его дядя пробьёт ему должность командира батареи в Москве.

Были ещё автобусы в каждом батальоне и дивизионе, а также несколько штук при штабе бригады. Если у нас были ПАЗики, то там ЛиАЗы. Эти же автобусы поддерживали автобусное сообщение между посёлками, где проживали офицеры и прапорщики, а также использовались в целях самих подразделений. В основном это субботные и воскресные выезды семей офицеров на отдых либо на пляж, либо на экскурсию в Гавану или ещё куда-нибудь. У нашей реактивки автобуса не было. Около года из-за того, что влетели в дебильную аварию. В Гаване был один автомобильный туннель, который делился на две части: для легкового транспорта с низким сводом и для грузового с высоким сводом. Оба входа были рядом друг с другом и неопытному водителю или старшему автобуса порой нелегко было определить в какой туннель надо въезжать. Вот в один прекрасный день, для автобуса и старшего не совсем прекрасный, попутали туннели и наш автобус на большой скорости влетел в туннель для легкового транспорта. И так он туда качественно влетел и заклинился между потолком и полом, что его пришлось разрезать на части и по частям вытаскивать оттуда. Только после моего приезда, через три месяца, у нас снова появился автобус.

За четыре месяца до моего приезда на Кубу, на подъезде к Гаване со стороны Касабланки произошла автомобильная катастрофа с участием «Волги» нашего учебного центра и кубинской грузовой машины. Виноват был кубинец, но в аварии погибла жена полковника, за которым был закреплён автомобиль. Солдат-водитель остался жив. Тело жены офицера отправили в Союз, туда же досрочно уехал и сам офицер. Провели служебное расследование в бригаде. Кому положено выписали выговора и другие взыскания, и на этом дело закрылось. Автомобильная служба добросовестно подготовила и подала документы в Москву на списание «Волги». И тут обнаруживается, что разбитая «Волга» уже как пять лет списана и вместо неё в бригаду была поставлена новая «Волга». Срочно с Москвы прибыла комиссия, которая провела ревизию автомобильного парка бригады, в результате чего была выявлена следующая кар-

тина – в бригаде эксплуатируется в полный рост около 150 единиц списанной автомобильной техники, а новая, поставленная взамен списанной, отсутствует. То есть, продана кубинцам. Это был скандал. Было заведено уголовное дело, в том числе и по факту отсутствия в реактивном дивизионе 8 грузовых автомобилей. И сейчас прокурор решил провести очную ставку между зам по вооружению майором Карпук и старшим лейтенантом Дафтян, который был председателем комиссии по списанию автомобильного имущества. Минут через десять появился вспотевший Карпук. Спокойно со всеми поздоровался и сел за стол рядом с Захаровым. Держался он уверенно и всем своим видом говорил – Мне бояться нечего, я кристально чистый человек. Прослужив это время в реактивке, я полностью убедился в правильности оценки зам по вооружения, данную моим заменщиком. Карпука в дивизионе не любили, авторитетом он ни у кого, даже у солдат не пользовался. И за высокомерие со стороны майора втихушку платили презрением. У нас в парке прижились две собаки, так солдаты на большей собаке выстригли на боку большими буквами слово – КАРПУК. Но он был замом Подрушняка, при всей своей гнилости имел сильный и нахрапистый характер. Никого не боялся, плевал на отсутствие авторитета и держался независимо. Я смотрел на него с любопытством, прикидывая на себя ситуацию, в которой оказался майор – А как бы я держался, оказавшись в таком положении? То что Карпук был причастен к продаже кубинцам автомобилей, ни у кого не вызвало сомнений. Открыто это в лицо ему никто не говорил, но он мнение офицерского коллектива знал и спокойно говорил: – Во-первых, всё это надо ещё доказать, а во-вторых, у меня в Москве хорошие подвязки и блат. Ничего мне не будет.

Через пять минут после того, как пришёл Карпук, в кабинете робко нарисовался Сурик Дафтян. Стеснительно улыбаясь, поздоровался с присутствующими и сел на стул перед прокурором. Туда пододвинулись Карпук и мы с Захаровым.

После всех необходимых протокольных процедур, за которые мы расписались в протоколе очной ставки, прокурор возгласил: – Что ж, переходим к конкретике. Товарищ старший лейтенант, вы являетесь председателем комиссии по списанию автомобильного имущества. С какого времени?

– Да, товарищ полковник, – тщательно выговаривая слова, ответил Сурен, – я являюсь председателем комиссии по списанию автомобильного имущества реактивного дивизиона с осени 1985 года.

Прокурор достал из папки несколько листов актов списания и протянул их Дафтяну: – Товарищ старший лейтенант, это акты списания нескольких автомобилей вашего дивизиона. Они подписаны вами, как председателем. Посмотрите пожалуйста и скажите – Ваши это подписи стоят?

Сурик осторожно взял бумаги в руки, медленно и тщательно осмотрел каждую, внимательно взгляделся в подписи и аккуратно положил их обратно перед прокурором.

– Да, товарищ полковник, эти акты подписывал я и там стоят мои подписи.

Карпук, услышав подтверждающие слова, еле заметно и облегчённо перевёл дух и слегка даже осел на стуле, расслабившись.

– Прежде чем занести ваши слова в протокол, я обязан ещё раз вас предупредить об ответственности за дачу ложных показаний. ...

Сурик озадаченно встрепенулся на стуле, выпрямил спину и протянул руку к актам: – Товарищ полковник, дайте я ещё раз посмотрю на акты.

Осторожно взял в руки листки, поднял с глаз на лоб очки и, близоруко шурясь, впился глазами в подписи. Через минуту опустил очки на глаза и также осторожно положили бумагу на стол перед прокурором и удивлённо-твёрдым тоном произнёс: – А вы знаете, товарищ полковник? А это не моя подпись. ...

– Как???? – Взвился со своего места Карпук, – ты что Сурик? Это ж ты подписывался. ... Я к тебе ещё когда подходил. ...

– Товарищ майор, это не моя подпись. Я ничего не помню и ничего не подписывал, – с неожиданной твёрдостью заявил Дафтян Карпуку и повернулся к прокурору, – товарищ полковник, где надо подписать и разрешите идти, а то мне занятие ещё проводить.

Быстро подписал бумаги и под крики Карпука: – Сурик, подожди меня, вместе в парк пойдём..., – задом, задом, не забывая прикладывать руку в отдаче воинского приветствия, выдавился из кабинета начальника штаба в коридор.

Карпук бушевал и отказался подписывать протокол: – Всё это ерунда, товарищ полковник. Я сейчас с ним поговорю и он признает свои подписи....

После того, как мы подписались и очная ставка закончилась, Карпук пулей выскочил из кабинета.

Оставшиеся два часа я провёл в канцелярии батареи, выписывая темы занятий на сборы.

Приехав на обед и идя от автобуса к своей касе, я увидел занятную картину. Оказывается, выйдя из кабинета начальника штаба, Дафтян не пошёл в парк на занятия, боясь предстоящей встречи с Карпуком. А метнулся на автобусную остановку и уехал домой, где и закрылся наглухо в своей касе. Майор, выскочив на улицу, сразу же умчался в парк для сурьёзного разговора со старшим лейтенантом, но не найдя его там и правильно поняв, что тот прячется дома – рванул в деревню. Приехав, он ломанулся в дверь, но та была закрыта. Он кинулся к двери на мойке и та тоже закрыта. Жалюзи опущены, но Дафтян был внутри.

– Сурик, Сурик, открой двери... Давай поговорим...

– Я, товарищ майор, двери вам открывать не буду и разговаривать с вами тоже не буду....

– Сурен, ну давай поговорим....

Вот момент уже часового разговора я и застал. Карпук на корточках сидел у бокового окна с опущенными жалюзи, прислонившись боком к стене и проникновенно, через жалюзи, говорил со старшим лейтенантом: – Сурик, ну пойми меня.... Если ты отказываешься от своей подписи, то получается, что я помимо всего изготовил ещё и подложные документы. Ты можешь понять, что это большой срок....? А мы оба знаем, что подпись ты ставил. Ну, Сурик, чего ты боишься, ведь тебе ничего не будет. Подумаешь, подпись поставил....

– Товарищ майор, подписи я не ставил и не уговаривайте меня....

Все офицеры, кто видел эту картину, ядовито и безжалостно ухмылялись и шли дальше. Правильно говорится – Земля круглая и рано или поздно откуда ушёл – туда и пришёл. Это Карпука бог наказал за высокомерие, хамство и хапужество. Ещё несколько дней тому назад он смотрел на Дафтяна с презрением и с высокомерием, а сейчас готов был унижаться. Я и не только я, но и другие прекрасно знали, что подписи Дафтян ставил, но с другой стороны не осуждали за отказ признать их. Я тоже был несколько раз председателем комиссии по списанию вещевого имущества нашего полка и когда к тебе подходит начальник вещевого службы и просит подписать акт списания такого-то имущества, то никогда не бежал проверять – А не врёт ли он? А может, он их продал или украл? Конечно, допускал, что он списывает гораздо большее количество имущества и понимал, что нормы носки одни, а на практике другие. А ещё есть просто утери личным составом.... Верил офицеру, верил в его порядочность и подписывал не глядя. И мог запросто оказаться в положение Дафтяна. А тут был наглый обман, да ещё подстава. Не хочет Дафтян признавать свою подпись – так это его право.

....В воскресенье, после обеда, меня и четырнадцать арт. разведчиков с бригады привезли в артиллерийский дивизион в Торренс. Меня устроили жить в офицерской бане, прямо в раздевалке, чему я обрадовался. Помимо того, что там можно без помех принять душ, я прямо с койки мог упасть в бассейн и также спокойно поплескаться. Бойцов определили жить в казармы. Я был назначен старшим сборов и мне в помощь придали начальника разведки арт. дивизиона шустрого старшего лейтенанта Андрея с кем я вечером, в бане не хило отметили начало сборов. Насквозь промокший матрац, простыни и подушка, множество глубоких луж на кафельном полу, только подтвердило это. А валявшийся рядом в сильнейшем похмелье

ном синдроме на деревянной скамье Андрей ещё добавил о прошедшем вечере яркий рассказ о непрерывным нырянье в бассейн во время обильных возлияний. Это, Слава Богу, что в бассейне была вода, а то мы своими дурными головами побили бы весь кафель и ещё утром удивлялись – Чего это он такой весь разбитый? Но и без этого головы трещали, дико хотелось пить и ещё больше почистить зубы, чтобы избавиться от Змея Горыныча вырывающегося при каждом выдохе. Но сто грамм водки и получасовое сиденье в прохладной воде привели наши организмы в рабочее состояние.

Правда, Андрей, вяло пошевелившись и также вяло промолвил: – Боря, тебе тут всё равно занятие проводить, а я пошёл домой. До обеда я не боец, а после обеда ты можешь отдохнуть. Я уже бойцами займусь.

Меня это полностью устраивало. После завтрака к нам присоединились разведчики с арт. дивизиона и два разведчика с миномётной батарее с тамошнего мотострелкового батальона – «Двадцатки». Все двадцать четыре человека были экипированы и укомплектованы буссолями. А чтобы не мозолить глаза начальству, я увёл разведчиков из расположения арт. дивизиона и, выбрав удобное место, начал сборы. Сначала оценил укомплектованность экипировкой, которая оказалась довольно убогой, что ярко говорило об безделье, либо отсутствию опыта в таком важном вопросе их командиров. Вывел из строя уже своих, батарейных разведчиков и показал как боевые документы на пластике, а потом, показной вариант, но уже в исполнение на ватмане. Хотя, честно говоря, всё это надо было показывать командирам батарей и взводов, а потом драть и требовать такого же от них.

Тут же провёл и беглый опрос теоретической части – Те же задачи разведки, требования к разведке, обязанности дальномерщика, обязанности командира отделения разведки. Ну и другие вопросы. Если разведчики с дивизионах ещё более менее, хоть и коряво, но через пень-колоду ответили на вопросы, то миномётчики плавали и мучительно пытались из себя хоть что-то выдать. Примерно такой же расклад был и по выполнению нормативов. Время до обеда пролетело быстро и активно и на после обеда я поставил им задачи на изучение положений из Руководства по боевой работе подразделений оптической разведки. Андрей пообещал это дело возглавить, а я сам оделся в гражданку, вышел на дорогу и смотался в Гавану. Я ещё ни разу не был в столице Кубы, поэтому шёл по её улицам и с огромным удовольствием осматривал и впитывал в себя старо испанскую архитектуру. Прошёл мимо огромнейшей Площади Революции, куда Фидель на митинг собирал миллионную толпу и в течение многих часов исторгал из себя речи. Как оратор Фидель был сильным и благодаря его ораторскому искусству его впервые и признали на международном уровне. В начале шестидесятых годов, когда Фидель поехал первый раз то ли в Аргентину, то ли в Бразилию на международную встречу и там впервые выступил. Без единого листка бумаги на трибуне, сыпя многочисленными цифрами, выкладками, приводя и цитируя целыми кусками первоисточники, Фидель, своей пятичасовой аргументированной и логично построенной речью, просто «убил» всех делегатов. И сейчас раза три в год он собирал такие митинги и выступал перед такой вот миллионной аудиторией.

Помимо того, что просто хотел погулять по улицам Гаваны, у меня была ещё определённая цель. Я был коллекционером – филателистом и нумизматом. И накануне отъезда на Кубу крутил в руках альбомы с обменным фондом своей коллекцией из почтовых марок, не зная что с ними делать. И даже сам не заметил, как сунул их в багаж. Каково было моё удивление, а потом и радость, когда из пришедшего багажа достал семь альбомов с советскими марками. И тогда же я выписал из ежемесячного журнала «Филателия» несколько конкретных адресов кубинских коллекционеров. Вот как раз и шёл на один из адресов. Как оказалось, когда я нашёл его в центре старой Гаваны около величественного здания бывшего Сената, это был отдел общества филателистов Гаваны. Там были очень удивлены приходу советского филателиста. Но договориться об каких либо контактов не получилось: моего куцега словарного запаса испанских слов явно не хватало, а они ни бум-бум по-русски. Но зато на клочке бумаги

написали мне какой то адрес в нашем городе Сантьяго де Лас Вегас. Какой-то Хусто там проживал. Я в свою очередь оставил свой адрес.

После посещения филателистов уже спокойно гулял по улицам и проспектам и совершенно случайно, в районе порта наткнулся на небольшой магазинчик, торгующий нумизматическими товарами, в том числе монетами и банкнотами. Я тут же за десять песо купил один из наборов монет, состоявший из двадцати монет разных стран и лет и в очень хорошей сохранности. Время в прогулке прошло быстро, также быстро на город опустился вечер и я фланирующим шагом направился обратным путём к автобусной остановке и в этот момент, в этой части города произошло веерное отключение электричества, погрузив улицы в кромешную тьму.

Епонский городской, по закону подлости я решил срезать путь и с известного маршрута свернул в узкие улочки, где по выключению света банально заплутал. И ориентир у меня сейчас был только один – Площадь Революции. Выбравшись туда, я даже в темноте спокойно мог дойти до искомой автобусной остановки. Был бы сугубо гражданским, я бы плутал по кривым каменным переулкам до утра. Но армейская служба и артиллерийский опыт помог. Я как бы поднялся мысленно над Гаваной и, с ориентировавшись, проложил направление к Площади Революции. А через полчаса ходьбы в том направлении вышел к площади. Дальше, довольно быстро добрался до остановки и как раз успел на последний автобус на Сан Антонио, маршрут которого проходил мимо Торренса и здесь моим ориентиром в темноте тропической ночи был вечный огонь на мемориале погибшим советским воинам. Если бы я его пропустил, то потом с Сан Антонио мне пришлось топтать и топтать. Но, Слава Богу, мои приключения закончились благополучно и в двенадцать часов ночи я рухнул в тёплую воду бассейна, смывая с себя пот и вонь городских улиц.

На следующий день, до обеда провёл интенсивные занятия по нормативам, потом по правильному заполнению и оформлению рабочих документов на НП батарее. Проверил то, что они должны были изучить, вчера после обеда. Если практические вопросы бойцы отработывали с удовольствием и в общем в нормативы вкладывались, то вот с теоретической составляющей было гораздо хуже. Лень было напрягать мозги. В середине занятий приехал начальник артиллерии, проверил, как идут занятия и остался доволен. Единственно выразил неудовольствие отсутствием начальника разведки дивизиона, но я его отмазал, типа: основная нагрузка на того ляжет после обеда. Но всё равно начерт недовольно пробормотал: – Здесь он должен быть..., на занятиях, а не балду гонять.

Видя, что он собирается уезжать, я обратился к нему с предложением: – Товарищ подполковник, у меня завтра по плану два часа занятий по Военной топографии. Разрешите, я до обеда полностью время посвящу Военной топографии.

– Почему? – Начерт собрался садиться в машину, но повернулся ко мне.

– Хочу получить карту окрестностей и по ней, вместе с обучаемыми, проложить маршрут к Сантьяго де Лас Вегас, пройти туда, практически показывая как надо пользоваться картой, как ориентировать её на местности. В городе зайти на кладбище и в центр города.

– А туда то зачем? – Удивился подполковник.

– А хочу проверить и бойцам показать, как надо ориентироваться по церквям и старым кладбищам. Таким образом, у них лучше и на всю жизнь отложится в мозгах информация хотя бы по этому занятию.

– Ну-ка, ну-ка, интересно. Напомни мне, я сейчас буду мимо проезжать и тоже зайду на кладбище.

– Вот какая у меня информация по кладбищам и церквям. Тем более что костёл в Сантьяго постройки восемнадцатого века и кладбище у них тоже старое, когда соблюдались все правила. Могилы что у нас, что у католиков ориентируются с запада на восток. И крест у нас ставится в ногах, на востоке могилы. А у католиков крест и надгробие в голове, то есть на

западном краю. У католиков алтарь в костёле располагается на западном краю здания, значит вход в костёл на востоке и перекладины креста соответственно должны север-юг.

– Давай... давай..., разрешаю данное занятие и сам сейчас обязательно заеду.

После обеда Андрей занимался с разведчиками, а я получил в секретке листы и склеил карту. После чего вышел за пределы дивизиона и три часа потратил на разбивку маршрута протяжённостью в пять километров. В последний день сборов у нас будет так сказать зачётное занятие – Движение по азимуту.

Занятие по Военной топографии прошли на «Ура». Несмотря на то, что нужно было по жаре пройти десять километров туда и десять обратно, бойцы с живостью интересовались всеми моментами ориентирования и работы с картой. На кладбище, когда убедились, что всё совпадает и могилы расположены согласно канонам, я распустил разведчиков и дал полчаса времени походить по кладбищу и посмотреть захоронения. А посмотреть было что. Это не наши неухоженные кладбища с заброшенными могилами. Каменные, мощные склепы с ажурными металлическими решётками на входе, такие же каменные и мраморные надгробия со статуями и скульптурными группами. Кругом чистые, посыпанные песком дорожки... и солдаты ходили по кладбищу с разинутыми ртами. Вышли к центру города к костёлу. Достали компасы и все убедились – вход находился на востоке. Решили проверить – А правда, что напротив входа, то есть на западной стороне, расположен алтарь?

Когда мы чинно вошли в костёл, то просто «убили» этим посещением священнослужителей. Как? В костёле советские солдаты? Зачем? В чём дело?

Заполнено примчался падре, оказавшийся римским священником и, заикаясь, глотая от волнения слова что-то тараторил... Слава Богу, нашелся среди местных прислуживающих знающий русский язык и их успокоил, объяснив наш визит, проведением занятия по Топографии и что мы хотели посмотреть. Падре мигом успокоился, заулыбался и неожиданно предложил через переводчика: – Если это занятия и русским солдатам будет интересно, то он готов показать и сокровищницу костёла, где несколько столетий хранятся местные реликвии.

Конечно, нам это было интересно. Он завёл нас в красиво оформленный пристрой и около часа интересно рассказывал и показывал реликвии, а потом провёл занимательную экскурсию по всему костёлу. Бойцы были в восторге и когда мы вернулись на обед в Торренс, пристали ко мне: – Товарищ старший лейтенант, давайте завтра ещё куда-нибудь сходим. – Я согласился и на следующий день, проложил по карте маршрут в сторону Сан Антонио. Дал бойцам карту и они по ней и пошли. Я не вмешивался и солдаты вполне толково прошли по начерченному маршруту. В костёл мы там не ходили, а кладбище посетили.

На зачётное занятие приехал начарт с капитаном Худяковым. На старт вытащили стол, стулья. Разбил разведчиков на несколько групп и раздал кроки маршрутов. Запускали каждую группу через пять минут и маршрут заканчивался опять у стола, делая круг вокруг Торренского гарнизона. Зачётное занятие уложилось в два часа и на этом сборы закончились. Я уехал в бригаду на машине довольного сборами начальника артиллерии, а Андрей на машине арт. дивизиона повёз остальных разведчиков в бригаду.

Думал, что субботу и воскресенье отдохну, но не тут то было. Только появился в дивизионе, как меня выловил начальник штаба: – Во..., отлично... Дуй, Цеханович, к начальнику штаба бригады Шкуматову он тебе задачу поставит.

– Что за задача? Я ведь ещё на сборах числюсь.

– Не знаю. Вот там и узнаешь. Сказали начальника разведки.

– Так я ж не начальник разведки, пусть Худяков идёт.

– Цеханович, я что буду объяснять подполковнику Шкуматову что Цеханович начальник разведки, но не начальник, а командир взвода. А начальник разведки, вообще другой офицер. Тем более что вы с ним однобарочники. Иди..., иди..., вперёд.

Я боялся, что сейчас нарежут какую-нибудь жуткую задачу и проплюхаюсь с ней все выходные дни, но ничего. Задача была простенькой. Завтра с утра я со своими солдатами, в полевой форме, с оружием и боеприпасами выдвигаюсь на международный аэропорт имени «Хосе Марти» и охраняю самолёт члена Политбюро КПСС, прилетевшего на переговоры. Охраняю столько сколько нужно. Но, по всей видимости, до вечера.

В восемь утра меня уже ждали в аэропорту кубинцы, отвечающие за охрану. Сопроводили мой ГАЗ-66 на дальний конец аэропорта, а через сорок минут туда подрулил красавец ИЛ-62 с членом на борту. Я думал, что встреча будет с организована с оркестром и со всеми ритуалами. Но визит наверно был чисто рабочий, а может даже секретный. Только самолёт заглушил двигатели на стоянке, как мы оцепили лайнер. Подъехало несколько машин с затемнёнными стёклами, откуда вышли встречающие лица, но в основном это были русские и наверно среди них был и посол, но в рожу я его не знал. Высыпало из самолёта несколько крепеньких человек охраны и оттеснили моих бойцов к хвосту. После чего уставились на меня, решая – Кто я? Кубинец или хрен с горы, которого можно и под жопу пнуть. Если бы я был в нормальной форме, может быть меня и шуганули, но тут они встали в тупик. Я, как на грех, на это задание одел ЮАРовскую камуфлированную форму, раскрашенную серо-тёмно-коричневыми полосами под скалу. Но фишка в форме была в том, что брюки имели достаточно широкие галифе, отчего я офигенно смахивал на немца Второй мировой войны. Ещё дурацкая, камуфлированная кепка на башке – вот они и гадали в нерешительности. Я подошёл, представился и они расслабились.

– Ну ты, старлей, и вырядился...

Член Политбюро уехал, я выставил на охрану парный пост, установил маршрут движения вокруг самолёта. Остальных расположил в тени ГАЗ-66, а сам отправился на самолёт посмотреть в каких условиях летает высшее руководство государства.

Далеко меня не пустили, но дали возможность заглянуть в дверь, в салон или как они сказали – рабочий кабинет. Ну что ж – не хило. Но больше всего мне понравились стюардессы. Как на подбор высокие, стройные, сисястые.... Интересно.... Что уж там говорить, нашим членам под восемьдесят и как у них у самих с членами? Тем более при таком обслуживающем персонале.

Через час всё наскучило и я уже бесцельно, убивая время, бродил по всем соседним стоянкам. Ещё через час уже не знал, куда мне деваться от жары. По кубинским меркам, несмотря на палящее солнце и раскалённый аэродромный бетон, день считался очень прохладным. Был ещё и небольшой ветерок, который несколько снижал струящейся жар от бетона, а кубинцы ползающие на стоянках в тёплых куртках, ещё больше запахивались от, как они ощущали, пронзительно холодного ветра. Вскоре я не выдержал.

– Никифоров, сходи к стюардессам и попроси пару вёдер воды, а то мы тут скоро совсем умоемся потом...

Со стуком поставив полные вёдра на бетон, Никифоров похвастался: – Товарищ старший лейтенант, девки сказали – если ещё надо, подходите.

Разделся по пояс, нагнулся и с наслаждением стал мыться под прохладной струёй воды из ведра, фыркая от удовольствия и ощущая, как энергия, отнятая жарой, вновь возвращается в тело. В этот момент мимо проходили кубинские лётчики в застёгнутых меховых фирменных куртках, с поднятыми воротниками от небольшого ветерка и засунутыми «по локоть» в карманы руками. Им было холодно, но увидев радостно плескающегося под струёй воды советского офицера, они сжались под куртками ещё больше и у двоих с содроганием в голосе вырвалось: – Оооо...., руссоооо..... мариконесссс....

Что они там сказали, конечно, я не понял и не пытался понять, а лишь с превосходством рассмеялся над тем, что от увиденного им стало ещё холоднее. И судя по интонации возгласа здесь одновременно присутствовало восхищение, матерная изощрённость, осуждение и вновь

восхищение. Передёрнув в зябком ознобе телом, они ещё больше зарылись в свои куртки и ускорили шаг, чтобы не видеть этого издевательства над телом.

Нам повезло, уже после обеда, к самолёту не спеша подъехали легковые автомобили с затемнёнными стёклами, нас опять оттеснили к хвосту самолёта, не давая разглядеть – Кто хоть прилетал из членов Политбюро? Трап убрали и самолёт улетел в Союз, а мы к себе в бригаду.

Сдав оружие, я направился в кабинет начальника штаба бригады. Доложил о выполненном задании и уехал домой, где от соседа по касе узнал, что с понедельника начинаются сборы командиров взводов и они будут проходить на учебном центре Алькисар. ЧЁРТ ПОБЕРИ!!!!

В понедельник мы с час маялись на плацу бригады. Строевой смотр командиров взводов проводил полковник Затынайко, где его одним из «любимых» занятий было смотр носков. То есть снимаешь по команде правый или левый ботинок и являешь на обозрение комбригу и окружающих носок. Все об этом знали, но как всегда и сейчас нашлось двое, у которых из дыры в носке вызывающе торчал палец большой ноги. Затынайко, вообще то, был мужик со здоровым армейским юмором и под весёлый смех командиров взводов и присутствующих начальников отодрал позорников. Потом очередь дошла до командирских сумок и здесь традиционно отличались мотострелки, танкисты и другие специалисты. Поэтому, обгрызанные и ополовиненные обломки карандашей, помятые дешёвые тетради, причудливо поломанные офицерские линейки и другой командирский хлам очень скоро образовали живописную кучку на сером асфальте плаца. В положительную сторону тут как всегда отличились артиллеристы. Не сказать, чтобы у всех командирские сумки были укомплектованы полностью, но подавляющее большинство артиллеристов, при минимальнейших замечаниях, сумело «отстреляться». Но особо умилился полковник Затынайко, когда командир второго взвода первой реактивной батареи старший лейтенант Лычиц достал из сумки самодельный, из ватмана сделанный, блокнот командира огневого взвода. Колю Лычица я знал ещё по совместной службе в арт. полку в Свердловске и поэтому мог смело и объективно судить о нём. Как командир взвода, именно в работе с личным составом, он был слабоват и особо авторитетом у них не пользовался. А вот как артиллерийский офицер, как специалист он был грамотный и был выше нас на целую голову. А может даже на две. Дотошный и скрупулёзный во всех вопросах, он этим своим качеством доводил своих подчинённых солдат до истерик, а офицеров, особенно когда он заступал в наряд до ругани и бешенства. Вот он ещё в Свердловске и сделал себе толстенный блокнот командира огневого взвода и заносил туда каллиграфическим почерком всё, что касалось артиллерии, а также свои, не лишённые изящества, артиллерийские решения. В этом плане он был Умница. Над своим блокнотом он прямо «трясся» и говорил – ЭТО мой УМ... ЭТО мои МОЗГИ. И если я его потеряю...!? Вот этим «УМОМ» он и умилил комбрига. Вывел его из строя, раскрыл его сумку и показал остро заточенные карандаши, блестящий никелированный циркуль-измеритель и всё что положено иметь в командирской сумке. После чего провозгласил, показывая рукой на Колю – Равняйтесь СЫНКИ!

На этом строевой смотр был закончен и мы убыли в Алькисар – самое убогое место на Кубе, где в этот момент, на целую неделю, сосредоточили около семидесяти здоровых, жаждущих развлечений молодых мужиков. Учебный центр – кучка щитовых казарм, несколько стрельбищ, танковая директриса. Всё это с двух сторон ограничено болотами, а с дальней стороны топкими берегами моря. Сам убогий Алькисар из нескольких коротеньких улиц, был в четырёх километрах от учебного центра. Единственно, что было положительным – это питьевая вода. На Кубе я впервые столкнулся с такой проблемой как питьевая вода. Вроде бы набираешь её из-под крана в стакан и смотришь – чистая, обыкновенная вода. И её пьёт в сыром виде всё местное адаптированное к ней население. Но оказывается в её составе очень много извести, которой не видно невооружённым взглядом. Если у тебя почки хорошие и здоровые, то ты какое-то количество сырой воды можешь выпить, но если слабые, то с первого же стакана можно скопытится. Поэтому все русские воду кипятят и не просто кипятят, а ставят ведро и

кипятят в течение полутора часов. Тогда вся извёстка и все полезные минеральные соли, находящиеся в воде, выпадают в осадок на стенки и дно ведра. После такого кипячения в ведре остаётся, как правило, половина воды и чистая чуть ли не дистиллированная вода. Конечно, это вредно и как говорят старослужащие здесь офицеры и прапорщики в первую очередь из-за отсутствия при таком кипячении Кальция и других минеральных веществ, сыпятся зубы, а потом всё остальное. Но зато, это происходит постепенно и растягивается на очень продолжительный срок. Также кипятят воду и для солдат. В каждом дивизионе, батальоне или отдельном подразделении есть должность – Кипятильщик, на которую подбирают добросовестных и чистоплотных солдат. И он в течение суток должен три раза прокипятить воду для солдат подразделения. Поэтому к употреблению воды у советских военнослужащих относятся очень ответственно.

А здесь в Алькисаре, как рассказывает народная молва, можно пить воду без кипячения. Но ну его на хрен. И потекли унылые будни командирских сборов, которые я никогда не любил. Из этих сборов запомнились только вечерние посиделки за спиртным, да ночные занятия и так бы они и закончились и не остались бы в памяти, но на этих сборах, практически на пустом месте, я схлестнулся с командиром взвода управления начальника артиллерии. У нас было обоюдная не любовь. Но если в пункте постоянной дислокации мы пересекались всего несколько раз и расходились в разные стороны, притушив взгляды. То тут, в куче, Чурбанов стал дерзко наезжать на меня, ища причины к драке. Я тоже был не робкого десятка, не хилый, под стать сопернику, поэтому не пасовал, не уходил в сторону, а наоборот обострял наши отношения. Всё понимаю и понимал, что драка между двумя офицерами – это ЧП. И мне может в этом плане хорошо достаться, как более зрелому и опытному офицеру, по сравнению с Чурбановым. Но вдруг появилось здоровое желание поставить на место зарвавшегося сосунка. Видя, что дело принимает хреновое положение, вмешался Сергей Мельников, который имел среди офицеров авторитет. Он нормально поговорил, отведя в сторону, с Чурбановым. А потом также отвёл в сторону меня.

– Боря, беру сразу «быка за рога» – Ты, что не знаешь – Кто у него дядя? И чего он так бурно держится здесь, в бригаде?

– Да мне по хер кто его дядя.

– Тем более, что не знаешь – это чуть не зам министра внутренних дел СССР. Ты понял на кого ты замахиваешься?

– Оооо... а я то думаю, что это фамилия мне что-то напоминает. Что серьёзно, что ли?

– Да. Поэтому после драки ему ничего не будет, а тебя сожрут. И на хрен это тебе надо?

Я в задумчивости зачесал в башке. Честно сказать, я был настроен на драку, но хотел это организовать так, чтобы не я её первым начал. Хрен с ним, пусть он мне первым в челюсть заедет. Я даже уклоняться не буду. Может быть и не вырубит с первого удара. Зато уж потом я... Но теперь то понимал, что при любом раскладе буду виноват всё равно я.

– Блин, Сергей, я ведь отступить теперь не могу. Все подумают, что зассал.

– Всё нормально, ты главное не дёргайся, а я всё организую.

И Сергей молодец, всё организовал грамотно. Не знаю, что он там говорил Чурбанову, но тот согласился на мировую и вечером, Мельников выставил на стол бутылку и мы помирились. Как-то после этого он ко мне стал дышать гораздо ровнее.

Дома было всё нормально. Связь с родными наладилась и теперь четыре раза в неделю мы получали по 7-10 ленточек в конвертах, а это около пятидесяти долларов. Жена полностью освоилась с торговлей или как у нас называлось с ченчем и мы всегда были с деньгами. Торговала она всем и сигаретами, которые мне выдавали как «курящему», одеколоном «Шипр», купленным по дешёвке в городковском магазине, Кубинцы одеколон смешно выговаривали «Чипр»..., «Чипр». Продавала жена и продукты с продовольственного пайка. А наполнение пайка было солидным. Мясa было столько, что мы не успевали его съесть и половина его ухо-

дила на продажу. Много было консервов, которые кубинцы брали с большой охотой. Особенно они любили мясную тушёнку. Хорошо шла килька в томате. Да что им из продуктов не предлагай – брали всё. Но единственно, что я запрещал продавать, это настоящую Астраханскую воблу. Она тоже выдавалась по продовольственному пайку в высоких жестяных банках, где они были уложены по три штуки. Янтарная и твёрдая икра прямо таяла на языке и я никогда не мог дождаться пива и съедал её так. Много чего можно было предложить и продать. Деньги у кубинцев были, а вот в магазинах на них ни хрена не купить. Правда, эта торговля иной раз доставляло неудобства. Только садишься обедать за стол, как нарисовываются кубаши и пока идёт торговля, они только не садятся рядом с тобой с ложкой в руках. Но ничего: хочешь нормально жить – надо терпеть.

А тут через два дня ко мне подкатывает Сергей Мельников с заманчивым предложением.

– Слушай, Боря, у тебя же жена в положение. Так ведь?

– Ну..., четвёртый месяц. А что?

– Во..., раз у тебя жена в положение и рожать будет здесь, то ты имеешь право на доставку сюда багажа под рождением ребёнка. До восьмидесяти килограмм.... Ты секёшь – Сколько дефицита можно на продажу привезти?

– Блин и что надо?

– С тебя справка, что она в положение. Всё, а там официальное письмо от бригады на пересылку и ты встречаешь свой багаж, – Сергей выжидательно уставился на меня, а я с досадой зачесал затылок.

– Да всё это хорошо. Но тут такая заковыка: мать у меня не деловая. Это ж ящик надо здоровенный сколотить, отправить с Перми. А куда отправлять? Она же не поедет в Одессу...

– Стоп. Я всё продумал. Никуда ей не надо ехать и ящик колотить не надо. Это сделает мой отец. Она из Перми отправляет посылками, что вы закажете. Мой отец колотит ящик. Половина ящика твоя, половина моя. Мои же родители и организуют отправку багажа баркой. И мы с тобой уже через три месяца получаем всё, что нам нужно. Как тебе это?

– Серёга, отлично. Тогда ни каких проблем.

Справку жена организовала быстро, я ею помахал перед носом НачПо и получил «Добро» на официальное письмо, которое было отправлено в двух экземплярах: один родителям Сергея, а второй на пересылку.

От того же Мельникова узнал, что с Сантьяго можно позвонить матери в Союз и предупредить её о намеченной операции. Поехали мы с женой звонить на переговорный пункт поздно вечером с перспективой ожидания связи как минимум полночи. А обшарпанный вид убогого помещения внёс законные сомнения в саму возможность организации связи. Но мы с женой были просто «убиты», когда уже через десять минут после заполнения бланка заявки, нас пригласили в кабинку. Блокада американцами Кубы – блокадой. А вот связь с Союзом пошла через Нью Йорк, а потом Москва и Пермь. Всё соединение заняло полторы минуты и связь была, как будто мать стояла рядом. Вот тебе и нищая Куба. В Союзе с Костромы до Перми меня соединяли полтора часа и связь как в жопе.

Все сборы наконец-то прошли и все втянулись в нормальный режим учёбы – занятия, обслуживание техники и вооружения, хождение по нарядам и ответственными по подразделениям. Как-то так, само по себе у нас сложилась своя компания: Мельников, я, СОБ первой Эдик Яфаев, холостяк начальник службы РАВ Бирюков... Это постоянный состав и периодически к нам примыкал мой сосед Олег Руднов и финик нашего дивизиона Лопата. В понедельник до обеда кто то из нашей компании ехал в Сантьяго и смотрел какой там фильм идёт в кинотеатре и если он нас устраивал, то вечером после совещания мы ехали в город в кино. Прелесть просмотра фильмов в у кубинцев была в том, что фильм крутили без перерыва и билеты на просмотр продавали без конца. То есть мы подходим к кассе, покупаем билеты и спокойно идём в тёмный зал и попадаем на середину фильма. Сидим, смотрим, фильм кон-

чается. Но как только мелькала надпись END, сразу же начинался фильм и мы смотрели до того места, когда мы тут появились. Встаём и уходим. Вот такой круговорот зрителей идёт весь сеанс. Кто-то приходит, кто-то уходит. Свет в зале не включается совсем. А один раз, когда включили, поразились в каком сарае мы сидим. А один раз наняли такси и поехали в автомобильный кинотеатр. Сначала нас впечатлил крупнейший размер экрана, но когда мы там же в машине приняли «на грудь», то на экран уже не смотрели, а глазели на остальных посетителей в машинах, где шёл активный трах.

Выйдя из кинотеатра мы напрямик направлялись в местное заведение под громким названием «Дом стариков». В уютном каменном дворике, внутри старого здания стояло до сорока столиков и пиво лилось рекой. Народу было постоянно полно, но мы всегда находили свободный столик или же для советских офицеров охотно выносили дополнительный столик. Тут мы застревали часа на два, с удовольствием общаясь и попивая отличное пиво. Иной раз нас сопровождал начфин Лопата. Маленький, тёмненький старший лейтенант всегда и везде ходил с огромным чёрным портфелем, который своими размерами превращал офицера в аккумуляторного первоклассника. Не хватало только круглых очков на детском лице. Если нам было достаточно трёх бокалов пива за вечер, то маленький Лопата уходил в аут с одного и тогда мы начинали до него доколуливаться – А что ты носишь всегда в портфеле? Но тот никогда не открывал его и однажды, сидя в «Доме стариков» мы решили силой открыть портфель и удовлетворить своё любопытство. Мы влили в Лопату два бокала пива и думали, что беспрепятственно утолим своё любопытство. Но не тут то было: пьяный и крохотный старший лейтенант оказал нам ожесточённое сопротивление и пришлось отступить от него.

Если же фильм мы уже смотрели или он нам казался по названию не интересным, то мы тогда вечером в семь часов на нашем рейсовом автобусе, развозящем офицеров, уезжали в посёлок Репарто Электрик. Там была отличная пивнушка «Циркуль». Предупреждали солдата водителя автобуса и он последним рейсом заезжал за нами в пивную. Жена у меня была беременной и как всегда в этом положение, женщины бывают иной раз невыносимые. К чести моей жены, она старалась сдерживать раздражительность и другие негативные моменты, которые сопровождают это состояние. Но иной раз она, чисто психологически, не могла вовремя остановиться и я всегда был дома напряжён, стараясь быть терпимым. А в пивной, да накатив пиво, я расслаблялся и психологически отдыхал. Когда выпьешь первый бокал и приступал ко второму, то позволял себе выкурить тонкую сигару «Граф Монте Кристо», но не затягиваясь, только набирая вкусный дым в рот. В этом плане мне всегда вспоминалась Германия и мой первый отпуск прапорщика в Союз.

С середины шестидесятых и до семидесятого года вместе с нами жил дед, отец моего отца. Было ему около восьмидесяти лет, но был крепким стариканом и строгим, по отношению ко мне и брату, дедом. Мы его побаивались. Сколько его помню по детству, когда жили в Минске и Орше, был он дворником, очень хорошо столярничал. Так я и думал, что он всю жизнь этим и занимался. А когда умер, то случайно попались на глаза его документы. Дед то мой был оказывается полковником НКВД, прошёл всю первую мировую войну, Гражданскую, имел наградное оружие от Дзержинского. Вот пройдя такую напряжённую и нервную жизнь – он имел крепкое здоровье. Что интересно: водка его не забирала. Для него она была как слабенькое вино и единственно отчего он мог запьянеть – это Политура и Денатурат. Вот это уже был яд. Кто не знал этого и садился пить с ним, то сразу выбивал из рук у него стакан, узнав, что там эта ядовитая жидкость. И курил дед исключительно свой табак. Он высаживал в огороде табак, собирал урожай, сушил листья, крошил неизменным, большим ножом и когда он курил, даже дым был ядовито зелёный, а он курил с наслаждением. Отец, тоже заядлый курильщик, как-то попробовал курнуть, так с полчаса кашлял, выворачивая лёгкие, таким ядрёным был. Так вот решил отцу из Германии привезти коробку настоящих кубинских сигар. Купил, привёз, подарил. Отец был очень рад подарку и сразу же закурил сигару, вдохнув в себя дым. Ох и смеялся

я тогда до слёз, глядя как у отца вылезают глаза от крепости. Оказывается то, что я купил, дым нельзя глотать, а надо его держать во рту. Так отец пристрастился к розыгрышам. Сядет около подъезда на лавочку и как только знакомый офицер бежит мимо – он ему предлагает курнуть сигару, а потом ржёт, счастливо глядя, как тот загибается от кашля и вытирает слёзы.

А сигара «Граф Монте-Кристо» была слабенькой. Тем более что её можно скатать и самому. Иной раз около барной стойки, на высокий табурет садилась красивая и сексапильная кубашка в мини юбке и в опасном декольте. Закидывала ногу на ногу и около неё лежали табачные листы. Она специальным ножичком аккуратно обрезала листки, а ты подходишь и на её шоколадном бедре начинаешь скатывать тоненькую сигару, заглядывая при этом в глубокое декольте. Ну, очень приятно. В одиннадцать часов, в последний рейс за нами в пивную заезжал автобус и мы ехали домой. Между Репарто Электрик и Манагуа, как раз посередине, стояла круглосуточная, третьеразрядная кофейня и тут мы всегда останавливались и пили чашечку крепкого кофе, весело базаря с молодыми кубашками.

Если не хотелось ехать в Сантьяго или в Репарто Электрик, то мы тогда шли отдохнуть в так называемую «Зону отдыха танкового полка». Каждый полк, дивизия Кубинской армии имели свои зоны отдыха. Это, как правило, огороженные и обихоженные участки местности, где располагались небольшие пивнушки под открытым небом, или же небольшие здания уютных кафе. Тут же на территории располагались площадки для отдыха детей, красивые аллеи, где можно не спеша прогуляться под ручку с женщиной. Правда, в будние дни они работали только по вечерам, но в выходные открывались с утра и до позднего вечера, где можно было хорошо отдохнуть с семьёй. «Зона отдыха танкового полка», которая находилась в километре от учебного центра, была слегка запущенной, а вот «Зона отдыха ПВО» на окраине Сантьяго в сторону Бехукаля и «Зона отдыха танковой дивизии» около Репарто Электрик, те были ухоженными и привлекательными.

Вообще, прослужив пару месяцев на Кубе и понаблюдав за кубинской армией, у меня сложилось очень неоднозначное мнение. С одной стороны армия как армия, но вот с другой...

Кубинский народ был очень весёлый, в том смысле, что любит веселиться по любому поводу, открытый, эмоциональный, простой, но с другой стороны технически не развитый, мстительный, далеко не задумывающийся, легко поддающийся и идущими на поводу своим эмоциям. Если я ехал на Кубу с чувством уважения к ним как к союзникам, то уже в первые же месяцы уважение слегка закачалось.

Послали меня один раз старшим машины в Торренс, водитель машины тоже молодой и зелёный, как и я, солдат. Едем, смотрим, стоит на обочине кубинский военный ЗИЛ-131 с задраным капотом. На двигателе никого, зато за задним бортом кузова стоит на земле радиоприёмник, исторгающий из себя лёгкую, но весёлую мелодию и пятнадцать кубинских солдат с офицером азартно зажигают на обочине танец. Просто так зажигают... Для себя.

– Надо помочь, союзникам, – решаем мы оба, останавливаем машину и подходим к ним.

– Что за проблемы, компанэро? – Нас живо обступают кубинцы, ведут к машине и объясняют – Сломалась. Fin Trabajo...

Залазим на бампер и скептически хмыкаем. Если сама машина выглядит внешне ничего и чисто, то двигатель, даже моему не просвещённому автомобилизацией взгляду понятно – С него снято всё, без чего он может работать. Я уж не говорю, что оставшееся выглядит качественным автомобильным хламом, который валялся где-то на свалке лет пять в глубокой луже мазута. Мой водитель, говорит кубинскому водителю – Тащи инструменты. И когда он их принёс, то нас прошибла скупая мужская слеза – это было подобие молотка с полуогрызанной ручкой, сломанные плоскогубцы и газовый, разводной ключ на все случаи жизни, которым можно закручивать или откручивать гайки минимум на 50. Водитель хмыкнул, сходил за своей укомплектованной инструментальной сумкой и под восхищённый вздох кубинского водителя

открыл её. Ремонт начался под любопытными взглядами всех солдат и их командира, но уже через пять минут около нас не было никого, даже кубинского водителя.

– Не понял! А где они тогда? – Спрыгнул с бампера и пошёл на звуки типичной музыки островов Карибского бассейна. За кузовом самозабвенно танцевали все – солдаты, водитель, офицер....

– Всё..., поехали отсюда. Если им это на хрен не надо, то нам тем более. – Нашего отъезда они даже не заметили.

Удивляли и некоторые демократические моменты отношений между офицерами и солдатами вне части. Допустим: на территории части ты – командир полка или роты. Ты можешь там сделать с солдатом всё что угодно и приказать ему что угодно. Но как только ты пересекаешь линию забора. Не КПП (это само собой), а именно забора, ты становишься точно таким же гражданином как и все. Как и твой командир, который молча, скрипя зубами, наблюдает с автобусной остановки, когда его солдат, ничего не боясь, перелезает забор части и идёт в самоход. И ротный ничего не может сделать, кроме как скрипеть зубами. А солдат, особо не переживая, подходит на остановку и здоровается за руку с командиром. И попробуй не ответить на его рукопожатие. А вечером, когда командир роты приходит в пивную дёрнуть пару кружечек пивка, этот солдат-самовольщик может запросто сесть за столик командира и начать того критиковать – не правильно командуешь ротой, не так проводишь занятия, и воспитанием занимаешься неправильно. И ты должен сидеть и слушать этот бред. Вот такие у них бойцы и взаимоотношения. Вот он идёт по городку и вдруг ему в башку от жары хлопнула мысль – А не сходить ли мне за забор в самоход? И идёт спокойно. Несколько раз я уже видел массовые облавы на таких самовольщиков. Подъезжает к городу Сантьяго де Лас Вегас колонна грузовиков. Как их называют «Дети Рауля». Какой они официальный статус имеют не знаю, но что-то подобие военной полиции. Оцепляют город и начинают цепями идти со всех сторон к центру. Интересное зрелище. Человек сорок-шестьдесят солдат за раз ловят, на грузовики и увозят. Вся операция у них занимает около часа. Как уж там они наказывают в точности не знаю, но говорят сурово.

Или их ГАИ. Тоже удивляет меня. Кубинцы ездят, как хотят, лишь минимально соблюдая Правила Дорожного Движения. ГАИшники здесь наказывают по результату. Ездишь и нарушаешь, но ущерба нет – они тебе даже слова не скажут. Но если совершил аварию и ты в ней виноват, то извини братан, получи по полной. Или сидят ГАИшники в кафе, а рядом мужик квасит и они знают, что он приехал на машине и как наебе...ся, на ней же и уедет – и слова не скажут. Мужик пьяный падает около машины, головой к ней, они ещё его подымат с земли и посадят в машину и он поедет на «автопилоте на базу», ещё ручкой помашут. Доедет без ЧП – ну и хорошо. Попал в аварию – получи по полной. И то, что аварию устроил, и то что пьяный за руль сел. Это, конечно, утрировано изложено, но пьяным или датым за рулём ездить можно.

В общем, жизнь и служба шла своим ходом и мы потихоньку приближались к выходу в лагеря на полигон Канделярия. Сурик Дафтян первые несколько дней как мы вернулись со сборов командиров взводов, прятался от майора Карпук. Но тот созвонился с кем-то в Москве и теперь опять ходил с высоко поднятой головой, высокомерно заявив: – Хрен, меня посадят. Всё я уже уладил... И мне на тебя, Сурик, наплевать, но смотри, ты меня сдал – я это помню и при первой возможности должок верну. А если мы попадём на одну барку..., – многозначительно тянул паузу зам по вооружению и Сурик медленно покрывался бледностью.

В спокойной обстановке прошёл марш молодых водителей. Проехали около трёхсот километров до Канделярии и обратно и вот уже завтра выезжаем в лагеря.

Глава пятая

Спал тяжело и без сновидений, но проснулся как от толчка. Прежде чем разлепить свинцовые веки, лежал и прислушивался к себе, пытаясь понять причину пробуждения. Впрочем, если исключить тяжёлую от похмелья голову, страшный сушняк, что было ерундой на фоне того что очень хотелось ссать и нужно срочно вставать, бежать иначе прямо сейчас может случиться неприятное событие. Но, прислушавшись к себе более внимательно и глубже, стало понятно – бежать так срочно никуда не надо, а можно сначала спокойно реанимироваться, собрать в кучу руки, ноги, включить мозги, всё это синхронизировать и тогда уже можно лёгкой трусцой бежать «до ветру...». Правда, вот реанимироваться и синхронизироваться не давала одиноко бродящая и непрерывно мычащая корова..., где-то вот тут, совсем рядом...

Вчера артиллерия бригады совершила марш и мы прибыли на полигон Канделярия для проведения артиллерийских лагерей на полтора месяца. Весь день разворачивали лагерь, а вечером накрыли стол и так вот хорошо отметили начало лагерей.

Всё-таки разлепив глаза и тяжело закряхтев, я поднялся и сел в кровати, высунув наполовину ноги из под москитной сетки. Почесал потную грудь и обвёл мутным взглядом палатку. Да..., знатно мы вчера посидели. Парни тоже спали в тяжёлом угаре, беспокойно ворочаясь в своих постелях под москитными сетками, а старшина Петро Николаевич могуче храпел, что совершенно не мешало здоровенному коту с миномётной батарее «Четвёрки» с удовольствием доедать нашу закуску на столе. Он сначала насторожился и даже перестал жевать, уставившись жёлтыми глазами на меня, но я вяло махнул рукой: – Ешь котяра... Ох и худо мне... Надо ж так нажраться, что даже сил не было чтобы носки снять....

Я сидел и, страдая от сушняка, в слабеньком синем свете дежурной лампочки разглядывал свои ноги и чёрные, длинные носки до колен, вяло и тягуче размышляя: – Не понял.... А откуда у меня такие носки? Насколько ещё помню, у меня таких длинных гетр никогда в жизни не было... Блин, всё-таки меру надо знать.

Обе ноги чего-то жгуче зачесались и я провёл по носкам рукой, ожидая ощутить шершавый материал, а вместо этого рука мокро заскользила, оставляя за собой кровавую дорожку.

– БляяаяДзьььь....., да это ж москиты..., – я аж подскочил на кровати и судорожными хлопками и шаркающими движениями стал избавляться от кровососущих тварей. Там, где мы жили и служили, москитов не было. Вернее они были, но в мизерном количестве. Тем более, что в процессе борьбы кубинцев с комарами Денге, унесшими от укусов около ста тысяч человек, каждый день, минимум два раза в день, проходило тотальное обкуривание дымом всех мест, где эти комары могли обитать. Гибли массово и москиты. И мне вчера ещё днём рассказывали, что за пределами городов и конкретно, вот здесь, на полигоне москиты свирепствовали и без антикомарина делать тут нечего. Днём, примерно с десяти часов дня, до восьми вечера, ещё можно, а потом звездец. Также меня товарищи и инструктировали: – Боря, поссать ещё можно, но надо только быстро, а вот поссать... Вот это дело нужно переносить на после десяти часов, иначе они тебе задницу и яйца отгрызут.

Под воздействием алкоголя я с легкомыслием воспринял информацию друзей, ещё сам посмеялся: – Да какая муйня, вот у нас на Урале комары – так комары. Бомбардировщики. Особенно в Елани. Хорошо, что когда летят и не срут, а то бы какашками людей убивало. А так летит, ты его на лету хвать и зажимаешь в кулаке. Сверху голова торчит, а внизу яйца и ты снизу по яйцам ему как дашь и отпускаешь, потому что он неделю потом не боец....

А сейчас я полностью забрался под москитную сетку и ожесточённо скрёб все зудящие места на ногах. Нелепо скорчившись и рискуя передавить наполненный мочевой пузырь и обоссаться прямо в постели, я напялил штаны. Там же одел куртку и ещё побрызгал на себя «Дэтой». После чего уже смело вылез в наружу. Кот опять замер, в готовности мигом смыться

со стола при малейшей угрозе получить в лоб, но он меня совершенно не интересовал. Зачерпнув кружкой холодной воды из бачка с остатками льда, я с наслаждением и утробным урчанием выдул одну кружку, а потом без передыха вторую, прислушался к себе и уже не торопливо влил в себя третью.

– Фуууу, всё котяра... пошли поссым и будем разбираться с коровой. – Но котяра, поняв, что разбираться будут не с ним, перестал обращать на меня внимание и продолжил чавкать на столе.

Ночь хоть и стояла звёздная, но ни черта не было видно. Отошёл метров на десять от палатки и с довольным ворчанием пустил сильную и мощную струю, даже слегка испугался, думая, что смог дострелить до кубинской деревни и затопить там всё насмерть. Но, вспомнив, что до неё восемьсот метров, уже просто наслаждался процессом, поглядывая в ту сторону, откуда доносилось мычание.

Пока вчера устанавливали лагерь, я побродил по окрестностям с биноклем и успел немного ознакомиться с полигоном. Местность кругом была плоской как стол. Там, где мы располагались лагерем, она оживлялась высоким, колючим кустарником, где острые как игла шипы были по пять сантиметров и несколькими баобабами, а вот само поле полигона, размером два километра на пятнадцать, где проходили основные стрельбы и учения было голым, за исключением торчащих одиноко высоких кактусов как в мексиканской пустыни. Лишь на дальнем конце виднелась небольшая кокосовая роща и там же клубились такие же кустарники как и у нас, утыканные длинными колючками. Километра два за рощей уже был океан. И там же, на дальнем конце, но слева начинались и тянулись вдоль побережья Атлантического океана подобие джунглей. Но это мне так сказали старослужащие офицеры. И там же уже начинались болота и ползали крокодилы. В бинокль же, в этой саванне, разглядел и крупнейшее стадо, медленно продвигающееся по полигону в поисках пищи. Тоже мне сказали, что это стадо муфлон – двугорбых коров, которое является частью стратегического запаса мяса страны. А их там гуляло несколько десятков тысяч. Справа от саванны, тоже были поля полигона, но там уже занимались боевой подготовкой кубинские военнослужащие. Если смотреть назад, то там тоже тянулась ровная равнина, с плантациями сахарного тростника. В километрах трёх проходила оживлённая дорога, связывающая два города Артемиса и Канделярия. Потом опять бесконечные поля сахарного тростника, которые упирались в шикарную автостраду, или как по-испански – Автописта. А вот за автопистой равнина начинала постепенно поднимать вверх и потом довольно резко переходила в высокую гряду то ли гор, то ли высоких холмов, густо заросших тропическим лесом. Очень красиво смотрится эта гряда из нашего лагеря. Слева, в восьмистах метрах расположилась экзотическая кубинская деревня из ряда деревянных хижин, крытых пальмовыми листьями.

Всё это довольно зримо встало перед моим взором, пока я с удовольствием выпускал сильную струю. Закончив, решил посмотреть мычавшую корову вблизи. Верблюда двугорбого видел, но чтоб корова с двумя горбами – это надо посмотреть. Продолжала она мычать совсем рядом, но я никак не мог её рассмотреть. Даже присел на корточки, чтобы на фоне слегка сереющего горизонта разглядеть её. Но всё было бесполезно, хоть и смотрел в том направлении, откуда доносилось мычание, но ни хрена не видел. Но ведь совсем рядом... кажется протяни руку... Покрутившись так с пару минут, я ушёл обратно в палатку. Кот уже закончил чавкать и сейчас сидел среди разорённого стола и яростно умывался и даже не обеспокоился моим появлением, явно считая за своего. Увидев в одной из бутылок остатки алкоголя, я вылил всё это в кружку, хлопнул и завалился спать.

Утреннее пробуждение было гораздо легче, чем ночью. Но вот товарищи смотрели на нарождающийся день довольно угрюмо и также печально копошились, совершая утренний моцион. Но после завтрака, ожили и уже гораздо оптимистичней смотрели на мир. Я повесе-

лил ребят своим ночным приключением, а когда посетовал на мычание муфлона, не дававшего мне заснуть, Сергей Мельников загадочно заулыбался.

– Боря, хочешь я тебе этого муфлона покажу?

– Так он ушёл, около палатки, да и рядом ничего не видать.

– Да ты не туда смотрел, – Сергей засмеялся и приглашающе махнул мне рукой, – пошли, покажу.

Мы вышли из палатки, и сразу же завернули за неё. Серёга осмотрелся и тут же ткнул пальцем в густой пук высокой травы, диаметров сантиметров в семьдесят: – Да вон он муфлон – там сидит.

Я недоверчиво посмотрел на товарища, потом на пук травы и с сомнением переспросил: – Где сидит муфлон?

– Да вон там... Ты подойди и траву раздвинь.

Ещё раз с сомнением посмотрел на Мельникова, подошёл к траве и нерешительно остановился.

– Давай, давай...., смотри, – послышался голос.

Я осторожно раздвинул высокую траву и глянул туда.

– Блядьбьбь...., – неистово заорал я, мгновенно отдёргнув руки и подскочив на полметра вверх, – блядьбь...., Серёга, что это такое????

А Серёга хохотал во всё горло, ухватившись руками за живот. Отхохотавшись, он вытер выступившие слёзы: – Ты, Боря, посмотри ещё раз... Не бойся, раз приехал на Кубу, то всё надо узнать.

Я снова осторожно раздвинул сочную траву, росшую из углубления, где на влажной земле сидела здоровенная жаба величиной с полведра. Увидев меня она раззявила огромную пасть и замычала мне в лицо – Муууууууу.... Я вновь отскочил, а товарищ отсмеявшись пояснил: – Это жаба-бык. Безобидная и если её руками не брать, то ничего тебе не будет. У неё только кожа ядовитой жидкостью покрыта и то для человека не особо опасно.

Сегодня день был определён как организационный и доведение лагеря до окончательного вида, чтобы уже с завтрашнего дня приступить к занятиям в полном объёме. После развода меня вызвал Подрушник и приказал ехать на водовозке старшим за водой, мол водитель знает куда ехать. И я с удовольствием поехал. Ехать надо было километров пять, да через кубинскую часть полигона, где с интересом глазел на занятие кубинской пехоты. Потом мы несколько раз свернули и через поле сахарного тростника выехали к кубинской деревне домов в пятнадцать, где стояла небольшая водокачка. Водитель был старослужащий, моего вмешательства не требовалось и я только наблюдал за его действиями. Убедившись, что вода пошла в бочку, мы сами расположились у горловины и с высоты стали наблюдать за деревней, которая казалась вымершей. Но вот дверь одной из хижин открылась из неё выглянула симпатиченькая, молоденькая кубашка. Выглянула и скрылась. Через минуту вышла и с корзиной в руках, с независимым видом, не глядя на нас направилась в глубину деревни. Была она стройненькая, с высокой грудью, лет пятнадцать и уже привлекала взгляд мужчин. Надо сказать, что молодые кубашки очень сексапильны и из них секс прямо пёр в наружу. Недаром у них сексуальная жизнь разрешается с четырнадцати лет. Но вот век женской молодости очень короткий. В сельской местности он лет пять максимум. Кубашка выходит замуж, тут же рождает и через пять лет её разносит, становится толстой, большие груди опускаются и висят, она прекращает особо следить за собой и превращается в сексуальную машину для деланья детей. В городских и цивилизационных условиях кубинские женщины больше и дольше сохраняют женственность и красоту, но тоже лет через десять-пятнадцать там не на что взглянуть с интересом.

Тем временем, девочка вернулась обратно в дом и вышла через пять минут уже в другом, наверно выходном платье и также, не обращая внимание, прошла уже мимо нас. Мы же проводили её заинтересованными взглядами.

– Эхххх..., Катрин, похорошела за эти полгода, – плотоядно протянул водитель, – это она, товарищ старший лейтенант, играет так. В независимость. А через неделю с ней можно что угодно делать. Сама тащит в касу.

– Да ну..., – выразил я сомнение, – ей ведь совсем немного...

– Оооо..., – протянул водитель и вяло махнул рукой, – мне её передали ещё год назад. И все водители водовозок через неё прошли. Она с двенадцати лет трахается.

Развивать я эту тему не стал, так как уже сам знал об лёгких сексуальных отношениях на Кубе. И то, что у них изнасилование не считается таким уж особым преступлением – хулиганство. Ну, может быть что-то и побольше.

Тем временем, пока мы заполняли цистерну водой, Катрин раз пять прошмыгнула мимо нас, демонстрируя новые туфли и щеголяя в каких то обновках. В последний раз она прошла с зонтиком в руках.

К вечеру лагерь был готов и с утра мы приступили к занятиям. Я занимался со взводом отдельно, а комбат с Мельниковым и Дафтяном занимались с огневиками. За неделю со взводом облазил все окрестности и теперь чётко понимал где и что находится. Недалеко от лагеря нашли широченную бетонную трубу, откуда мощным потоком из болота вытекала достаточно чистая вода и, как правило, в конце занятий мы там купались и мылись, что здорово нравилось бойцам да и мне. Потому что после занятий, перед обедом, все душевые расположенные за палатками были забиты, да и не всегда хватало воды. После обеда три часа отдыха, когда можно было раздевшись до плавок повалиться на кровати и поспать. После обеда либо занятия, либо обслуживание техники. Но вот в начале второй недели меня посетила «кубинка». Причём случилась она внезапно и на голом месте, если так можно было выразиться. Вот только что я был здоровый, а уже через пять минут температура 40 градусов, охеренная слабость, стремительный понос и так три дня подряд. Я валялся потный и грязный, от неимения сил встать и пойти в душ. Принимал много численные пилюли и таблетки, которые ни черта не помогали и опять валялся без сил. Также внезапно она и закончилась. Вот только что валялся в полубреду, а тут уже жрать хочу и температуры как будто и не было. И понос прекратился. С наслаждением смыл в душе с себя многодневный пот, грязь переделся в чистое бельё, с аппетитом пообедал, а после обеда испытал новое потрясение. Сразу вспомнились слова секретчика Коли Ламтева – что последствия от кубинки чисто индивидуальные.

После обеда я застелил кровать свежей простыней и с наслаждением лёг в постель, где собирался спокойно поспать, а не валяться в бредовом состоянии, как это было до обеда. Я только раскрыл книгу, как меня внезапно прошиб обильный пот от мгновенного понимания и сильного физического ощущения, что сейчас обоснусь прямо в постели. И причём процесс уже пошёл. Я стремительным стрижом взлетел над кроватью, хватанул бесхозный лист бумаги, сшиб на входе палатки с ног грузного старшину и вихрем вылетел в тылы офицерских палаток. Понимая, что до туалета не добежать, тут же сдёрнул плавки и тут же сел. Но жопа что-то невнятно просипела слабенькими газами и сиротливо выдала только – КАП. И больше она ничего не хотела.

Блядьзьь, я раздражённо вытер задницу и под весёлые подколки товарищей вернулся в палатку. Через пятнадцать минут всё повторилось, только в более сильном варианте. И задница, вместо того чтобы качественно отработать, снова сказала – КАП.

К вечеру я передвигался с трудом, преодолевая боль. Очко горело от обилия типографской краски и беспрестанного шорканья обрывками газеты. И на последующие несколько дней стал объектом веселья, подколов и анекдотов, которыми охотно и увлечённо делились все в лагере. По расположению лагеря я передвигался с внутренней настороженностью, постоянно прислушиваясь к своим ощущениям. Карманы были вечно набиты аккуратно нарезанными клочками газет, но уже с учётом печального опыта и очко теперь болело от краски гораздо меньше. Теперь я был признанным экспертом по всем разновидностям бумаги в лагере и

часами мог авторитетно рассуждать, как её правильно применять в экстремальных условиях и при этом не поцарапать задницу. Как методически правильно нужно разминать ватман, если ничего другого не попало под руки и как его сделать мягче газетной бумаги. Много чего другого мог рассказать, но «кубинка» и её последствия также стремительно закончились. Причём закончились также ярко и запоминающее, как и началась.

Я был дежурным по лагерному сбору. Спокойно отстоял ночь, провёл с личным составом все положенные утренние мероприятия и когда развод лагерного сбора был в разгаре, флагирующим шагом направился из парка к палаткам. КОНЕЧНО, прежде чем выйти оттуда я недоверчиво протестировал свой организм на предмет разного рода неожиданностей, на что он мне бодро отрапортовал – ВСЁ О КЕЙ ХОЗЯИН! Поэтому я так легкомысленно и двинулся из парка, предвкушая, как сейчас приму душ и завалюсь в кровать на свои законные четыре часа отдыха. Когда уже находился на середине ровного, как футбольное поле, пространства, прямо напротив середины полутысячного строя, в пятидесяти метрах за спиной начальника артиллерия, крившего матом каких-то негодяев с миномётной батареей и искренне верящего в действенность своего воспитательного процесса. Вот именно в этот момент меня и прошибла вся правда жизнь. Прошибла от головного мозга до заднего прохода. Я ещё стремительно дёрнулся, пытаясь в пять секунд покрыть расстояние в двести пятьдесят метров до ближайшего укрытия и даже успел промчаться метров пять, за которые понял – НЕ УСПЕЮЮЮЮЮ!!!!!!

Кинув загнанный взгляд на насторожившийся в ожидание увлекательнейшей развлекухи строй, мигом представив, как я пойду под солдатский гогот, нелепо растопырив ноги и ощущая противную липкость ползущую по ногам, скрипнул зубами и моментально принял совершенно другое правильное решение – Пусть лучше здоровый солдатский смех, чем смешки и хохотки в спину.

И строй замер, затаил дыхание, ожидая – ВОООООТ!

А я лихорадочно, перекрывая все рекорды в соревновании с собственным организмом, оторвав кучу пуговиц и чуть не порвав двойную кожаную португую, скинул штаны. При этом я успел ещё достать из кармана пук газетных листов и сел на корточки за спиной у нач арта. Строй дружно ахнул, а из меня шумно и активно поплёрли газы. Строй жизнерадостно заржал, а я сделал вид, что в поле один и меня очень интересует, что написано в периодической прессе, пусть даже и на безобразных клочках. А начальник артиллерии, приняв аханье и смех, как поощрение на его очередной оригинальный словесный оборот, с ещё большим воодушевлением стал крыть миномётку, не замечая, что твориться у него за спиной. Лишь через минуту он обратил внимание, что все с интересом смотрят не на него, а за его спину. Он остановился на полуслове, обернулся и потерял дар речи, увидев в интересной позе, скупающего дежурного по лагерному сбору.

Что было потом, вспоминать не хочется. Но от превращения в лагерную пыль меня спас подполковник Подрушняк, который признался мне потом, что он в жизни так не смеялся. И врач, который был в курсе моих дел. Но всё равно начальник артиллерии при встрече со мной всегда хмурился, а на меня ещё долго показывали в бригаде пальцем и рассказывали о происшедшем в таких подробностях и под такими ракурсами, что новички только и ахали, – приговаривая – АХЕРЕТЬ.....

Пока я болел этой гадской болезнью, комбат закончил работать с огневиками и теперь стал отлаживать работу батареи в комплексе. В качестве Наблюдательного Пункта мы использовали рукотворные курганы высотой метров пять-шесть, где были обустроены бетонные НП и откуда проглядывалось всё поле до самого конца. Правда, когда днём наступала самая жара, всё поле застилал мираж, превращающий пространство от нас до кокосовой роши в водяную гладь, где бродили уродливые силуэты муфлонов.

Так как мы были вторая батарея, то Иван Худяков решил подмять меня под себя, сделав НП дивизиона совмещённым с НП нашей батареей и тем самым возложить развёртыва-

ние наблюдательного пункта в том числе и дивизионного на меня. И моими показательными документами тоже закрыть убогость экипировки взвода управления дивизиона. А самому ходить и поплёвывать. Оглядев большой бетонной окоп, я выразительно показал кукиш Ивану.

– Вот, Иван, мои ячейки, а вот твои. Каждый баран должен носить свои яйца. Единственно, что вдвоём будем делать, это Схему ориентиров, чтобы она у нас была одинаковая.

Помимо развёртывания и организации работы на НП, я исполнял роль и батарейной контрольной группы, просчитывая и контролируя работу ячейки СОБа на Приборе управления огнём (ПУО-9) и все полученные цели. При работе с буссолью, первые несколько дней занятий на полигоне пока не привык, меня выбивала поправка в дирекционный угол в буссоль – 0-00. Как-то непривычно было её не вводить. Хотя в третьей батарее ещё непривычнее было там поправка была плюсовая и они частенько из-за этого ошибались в другую сторону. В Германии поправка в дирекционный угол в среднем была в районе – 1-47, на Урале – 2-45, а тут 0-00.

Неделя прошла в интенсивных занятиях, где с каждым днём мы наращивали боевые навыки и слаженность. В субботу часть офицеров и прапорщиков уехало на выходные домой, а моя очередь будет только на следующую неделю. Поспав после обеда и оставив батарею на старшину, я отправился прогуляться по окрестностям. Зашёл в нищий кубинский магазин на окраине деревни. Выпил там стакан сладкого бананового ликёра и пошёл неспешным шагом через деревню. Зашёл в один дом попить холодной воды да и посмотреть, как живут простые кубинцы. Домом это сооружение было можно назвать с большой натяжкой, по пьяни и не глядя. В Союзе его можно смело обозвать сараем. Причём, хреновым сараем. Четыре столба, по периметру приколочены плохо обструганные доски, из-за чего в стенах здоровенные щели. Всё это когда-то было вымазано извёсткой и покрыто старым и плотным налётом пыли. Потолка нет. Есть крыша, крытая толстым слоем пальмовых листьев. Земляной, плотно убитый пол, по которому весело бегают тощие свиньи, общипанные куры, дети и ходят взрослые. Внутри дома такие же дощатые серые стены, разбивающие внутреннее пространство на закутки, отсеки. Такая же убогая мебель, но японские холодильники и неплохие цветные телевизоры, причём отечественного, кубинского, производства.

Выйдя из деревни и пройдя по дороге километра два, окунулся в облако навозной вони, которая тянулась от стен животноводческого комплекса, где на большой стене ещё проглядывалась живописная картина – молодой Фидель Кастро пожимает руку Хрущёву. Сразу после революции Фидель Кастро пригласил с Аргентины экономистов, чтобы определиться со стратегией экономического развития. Те поработали и вынесли решение. Если снести половину плантаций сахарного тростника и на них развернуть пастбища крупного скота, то экономический эффект будет в тринадцать раз больше чем от выращивания тростника и выработки сахара. Вот тогда то и был построен бесплатно этот мощный животноводческий комплекс Советским Союзом размером квадратный километр. Эксперты не учли одного – Куба была до революции публичным домом Америки и кубинцы не были приучены особо к труду. Поэтому этот животноводческий комплекс и был благополучно похерен, превратившись в квадратный километр грязи, навоза, туч мух и вони. Ведь его надо убирать, следить... И теперь как только ветер начинал дуть со стороны гор, так наш лагерь накрывала волна неприятных и резких запахов. Так и плантации сахарного тростника тоже никто не стал сносить. За ним даже ухаживать не надо – он и так растёт. И СССР, чтобы поддержать союзника, вынужден был покупать не особо сладкий тростниковый сахар, хотя своего свекольного было полно. Поэтому, недаром в народе ходила песня....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.